

P.O. russ 77 2 (1-4

M A R E B O

80/43049

M A R E B O

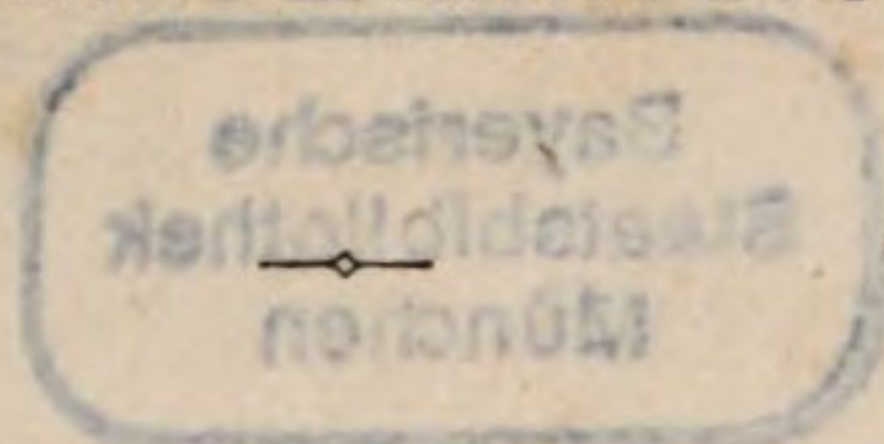
МАРЕВО

РОМАНЪ

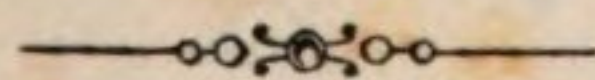
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

В. КЛЮШНИКОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о).

1865.

МАРЬЕВО

РОМАНЪ

ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧАСТЯХЪ

СЪСТАВЛЕНЪ

В. КЛЮШНИКОВА

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ključnikov

МОСКВА

Въ Императорской типографіи (Катковъ и Ко)

Дозволено цензурою. Москва. Октября 19-го 1864 г.

ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ.

REPERA MONOCTP.

[Faint handwritten text]

Imagined message. Note: Original text is illegible.

I.

ТИШЬ ДА ГЛАДЬ.

Будто въ панорамѣ стелется волнообразная, зеленая равнина, мѣстами прорѣзанная полосами чернозема, со всѣми пригорками, рощами, водой и осѣвшими по ней хуторками. Приземистыя, бѣлыя хатки съ соломенными крышами выглядываютъ изъ темной зелени вишневыхъ садовъ; желтые скирды пестрѣютъ за плетнями; яры каймать берега прудовъ съ нависшими ветлами и очеретомъ *; кое-гдѣ за околицей одиноко торчитъ вѣтрякъ **; а тамъ опять пошла разнотѣнная зелень овса, пшеницы, жита и проса, колыхаясь отъ вѣтра и переливаясь на солнцѣ до слѣдующаго хутора. И тянется безконечная степь, далеко уходя изъ глазъ, теряя всякую перспективу въ прозрачномъ, струящемся воздухѣ Ясное, синее небо охватило кругозоръ

* Камышъ.

** Вѣтреная мельница.

и такъ низко приникло по краямъ, будто хочеть закрыть этотъ тихій уголокъ отъ дурнаго глаза...

По степи ѣхалъ видный молодой человѣкъ, любуясь вечернею картиной. Полевая стежка слегка пылилась подъ дробными шажками малорослой лошаденки.; косые лучи солнца бросали длинный до уродливости силуэтъ ихъ по скошенной травѣ. Путникъ почти не правилъ лошадыю; онъ какъ-то лѣниво протянулъ ноги на рогульки бѣговыхъ дрожекъ и самъ мѣшковато согнулся. Вѣтеръ относилъ назадъ изъ-подъ кожаной фуражки русые волосы; на румяномъ лицѣ такъ и сквозило, что окрестные виды не успѣли еще приглядѣться этимъ сѣрымъ глазамъ, весело перебѣгавшимъ съ одного предмета на другой. Подъѣхавъ къ хутору, онъ сталъ погонять коня; спустился съ покатаго берега пруда на хворостяную гать, распугавъ и столкнувъ въ воду крикливую семью утокъ, миновалъ два ряда хатъ и плетней, сопровождаемый неистовымъ лаемъ кудлатыхъ псовъ и криками мальчишекъ, засѣдавшихъ верхомъ на плетнѣ, и остановился у калитки панскаго двора.

Панскій домъ, впрочемъ, лишь съ большою натяжкой могъ удержать за собой такое громкое имя. Правда, это было длинное строеніе съ двумя выступавшими крыльцами по бокамъ и низенькою террасой межъ нихъ, уставленною цвѣтами въ горшкахъ, но тѣмъ и ограничива-

лись его претензіи на барство; кругомъ обильно произрасталъ клоповникъ, употребляющійся на вѣнички; маленькія окна подслѣповато глядѣли на террасу; деревянныя стѣны каждый праздникъ бѣлились крейдою *; а высокая, соломенная крыша сообщала ему до того сельскую физіономію, что съ приходской колокольни домъ казался прошлогоднимъ стогомъ сѣна. На террасѣ сидѣли всѣ владѣльцы хуторка, пользуясь вечернею прохладой. Анна Михайловна Горобецъ, толстая барынька, лѣтъ сорока пяти, съ полнымъ безцвѣтнымъ лицомъ, одѣляла чаемъ семью. Сынъ ея, Авениръ Николаевичъ, глядѣлъ англійскимъ юношей хорошаго тона; на его худощавое лицо набѣгали рѣденькіе свѣтлые волосы, пестрый лѣтній пиджакъ свободно охватывалъ его жиденькую фигурку, комфортабельно развалившуюся у кресла сестры. Подлѣ хорошенькой Юленьки вертѣлся молодой сосѣдь-помѣщикъ, и что-то съ жаромъ ей разказывалъ. Юленька улыбалась всѣмъ розовенькимъ личикомъ, выставляя два ряда крошечныхъ бѣленькихъ зубковъ, шумѣла голубымъ шелковымъ платьемъ, поправляла каштановые волосы. Съ своей стороны, помѣщикъ, повидимому, имѣлъ самага разрушительнаго свойства намѣренія насчетъ ея сердечка. Не безъ умысла принарядился онъ въ одноцвѣтную лѣтнюю

* Мѣлъ.

пару planche, и такъ лихо закрутилъ усы и эспаньолку....

— Владиміръ Ивановичъ! радостно крикнула хозяйка:—я думаю, что это словно кого-то не достаетъ, а оно вонъ кого... Да, идите скорѣй! Экой увалень!

Пріѣхавшій въ самомъ дѣлѣ шелъ по двору развалистою походкой, и еще издали началъ улыбаться...

— Мусье Русановъ, племянничекъ майора, а это Акиндинъ Павловичъ Ишимовъ, сосѣдъ вашъ, представила хозяйка другъ другу гостей:—ну, какъ ваше здоровье? Нечего и спрашивать; по лицу видно...

— Что ему дѣлается! Онъ самъ все сломать радъ, засмѣялась Юленька, когда Русановъ опустился въ кресло, такъ что оно хрустнуло.

— Такъ я не кончилъ, заговорилъ Ишимовъ:—какъ только она долетѣла до зайца, а это былъ не заяцъ, а зайчиха, такъ обѣ отъ напора... такъ, pardon, и оценились...

— Ah, quelle horreur! крикнула Юленька.

— Чтò жъ за horreur, вмѣшался Авениръ:—все это такъ натурально, въ порядкѣ вещей.

— Такъ чтò значитъ кровь-то! Щенята-то такъ зайчатъ-то и хватаютъ, такъ и хватаютъ!

— Слѣпые-то? спросилъ Русановъ.

Ишимовъ холодно отвѣтилъ ему, что чисто-кровные не родятся слѣпыми.

— Чтò жь Инны Николаевны не видать? обратился Владиміръ къ Юленькѣ.

— Да когда жь ее видать? Съ самаго обѣда пропала; таскается гдѣ-нибудь съ своимъ Ларой...

Наступила минута молчанія. Хозяйка замѣтила, что должно быть тихій ангелъ пролетѣлъ, а Ишимовъ даже поглядѣлъ въ небо...

— Ну, что, какъ у васъ идутъ уставныя грамоты? спросилъ Русановъ.

— Э, охота вамъ, ей Богу! сказала хозяйка:—ничего не подѣлаешь съ этимъ народомъ; а тутъ еще посредникъ въ отставку хочетъ, просто и не глядѣла бы ни на что!...

— Говорятъ, у васъ саранча появилась?

— Кто ее знаетъ, говорятъ....

— Слышали новость? Въ Ильцы молодой графъ пріѣхалъ, сказалъ Ишимовъ, закуривая сигару.

— Какже! Вотъ веселье-то пойдетъ! Совсѣмъ жизнь переменится! Богатѣйшій, вѣдь, аристократъ; балы станетъ давать, пикники, катанья...

— А я слышалъ, Бронскій гордецъ; до сихъ поръ носу ни къ кому не показываетъ, перебилъ Ишимовъ.

— Бронскій? Владиславъ? спросилъ Русановъ.—А я и не зналъ, что у него и въ этихъ краяхъ имѣнье; мы вмѣстѣ кончили курсъ въ университетѣ...

— А вы надолго въ наши палестины?

— Не знаю, право; дядя уговариваетъ остаться съ нимъ... А кстати, Анна Михайловна: онъ поручилъ мнѣ попросить у васъ розановъ для варенья...

— Да кто жъ у него варить? Неужто самъ? Это вѣдь надо умѣючи...

— Вонъ непосѣда-то идетъ! объявила Юленька.

Изъ саду шла высокая, стройная дѣвушка въ черномъ платьѣ и мускетеркѣ, бравурно на-
двинутой на задумчивое, немного блѣдное лицо. Черные глаза смѣло гляѣли изъ-подъ рѣзко очерченныхъ бровей, черные волосы густыми локонами рассыпались по плечамъ. Рядомъ съ ней громадный черный водолазъ, величаво выступая, несъ во рту корзинку съ цвѣтами...

— Вотъ онъ, Аня! Наконецъ-то нашла! крикнула она, обращаясь къ Авениру и показывая ему какой-то цвѣтокъ; но вдругъ словно осѣклась, сухо поклонилась собесѣдникамъ и прошла въ комнату.

— Кладъ нашла, усмѣхнулась Анна Михайловна, — только и дѣла. Словно принцесса какая, и словечка не кинула!

Собесѣдники продолжали заниматься чаемъ, только Русановъ началъ выказывать признаки беспокойства, повертывался на стулѣ, поправлялъ воротнички, безъ всякой надобности глядѣлъ въ сторону, и наконецъ всталъ.

— Я тутъ... привезъ книги Иннѣ Николаевнѣ, проговорилъ онъ торопливо и, не докончивъ,

отворилъ дверь въ домъ. Онъ проворно прошелъ залу съ круглымъ столомъ, фортепіано и плетеными стульями, гостиную съ мягкой мебелью, картинами, кивотомъ до потолка, полнымъ образовъ, и остановился у боковой двери.

— Можно войти?

— Это что за китайскія церемоніи? отвѣтили извнутри.

Русановъ вступилъ въ маленькую комнатку, рѣзко отличавшуюся отъ прочихъ. Обоевъ не было; надъ желѣзною кроватью висѣли портреты Жоржа Санда и Женни д'Эрикуръ; надъ ними старинная сабля, отдѣланная золотомъ и камнями. Письменный столъ, комодъ, на которомъ стояли книги, два стула и стѣнные часы составляли все убранство.

— Ну, здравствуйте, сказала Инна, надѣвая голубую туфлю вмѣсто промоченныхъ насквозь ботинокъ.—Какъ въ васъ столичныя-то замашки вѣлись!

— Развѣ и пуритане сердятся, шутливо спросилъ Русановъ.

— Еще бы! Ужъ если докладывать, такъ впередъ извольте такъ: *sa majestè la reine des fleurs veut-elle recevoir son humble serviteur?* Въ городъ ѣздили? Въ библіотекѣ были? *Regò* привезли?

— И *Regò* привезъ, и, кромѣ того, два новые романа...

— Ну, вотъ это напрасно! Я не стану читать...

— Отчего?

— Да я никогда ихъ не читаю; зачѣмъ? Смотрите по сторонамъ, вотъ вамъ и романы!

— И никакихъ?

— Диккенса кое-какъ осиливаю на сонъ грядущій. . Да вы, кажется, сибаритничать тутъ располагаетесь? спросила она, замѣтивъ, что Русановъ, закуривъ папироску, съ наслажде- ніемъ потянулся на стулѣ.

— А что?

— А что? Хорошъ! Впервыхъ, я буду переодѣваться; пожалуй оставайтесь, если вамъ это занятно... Вовторыхъ, что скажетъ княгиня Анна Михайловна? Ну положимъ и это вздоръ... Втретьихъ, втретьихъ... Неужели надо сказать правду?...

— Валяйте!

— Вѣдь вы у насъ вовсе не такое рѣдкое явленіе, чтобы занять меня больше Рего. Я его ждала цѣлый мѣсяцъ...

— Покоряюсь, сказалъ Русановъ, смѣясь и отвѣшивая ей поклонъ...

Онъ пошелъ въ залу. Тамъ Юленька пѣла съ аккомпаниментомъ Виртовской рояли, а Ишимовъ, облокотясь на инструментъ, такъ и пожиралъ ее взглядомъ. Она закидывала головку, и еще громче выводила: «когда бъ онъ зналъ, что горькою тоскою» «Отравлена молодая жизнь моя!» А тутъ же Авениръ мололъ кофе на ручной машинѣ, нисколько не женируясь пѣніемъ сестры.

— Вотъ оцѣните, сказалъ онъ Русанову, и тотчасъ же прибавилъ:—пятьдесятъ рублей далъ.

— Помилуйте, за мельницу-то?

— Да вы посмотрите, James, Manchester настоящій! Она муку мелетъ...

И Авениръ принялся высчитывать, сколько она мелетъ и сколько мелетъ вѣтрякъ, что стоитъ ремонтъ его и во сколько обойдутся рабочіе, чтобы вертѣть рукоятку: вышло почти вдвое дешевле.

Озадаченный потокомъ политической экономіи, Русановъ не нашелся возразить.

«Когда бъ онъ зналъ, какъ пламенно, какъ нѣжно», выводила Юленька.

Кончили тѣмъ, что четверо усѣлись въ ералашъ по пятачку сотня, а политико-экономъ принялся читать *Биржевыя Вѣдомости*, посмѣиваясь надъ ренонсами Русанова. Анна Михайловна спорила и горячилась, когда ей случилось дѣлать ошибку; Ишимовъ отпускалъ доморощенные каламбуры насчетъ керовыхъ и пиковыхъ дамъ.

Въ десять часовъ Грицько съ Горпиной подали настоящій деревенскій ужинъ. Тутъ былъ супъ съ баклажанами, фаршъ изъ гуся, караси въ сметанѣ, чиненныя тыквы, вареные раки, вареники и туземный кавунъ. Московскаго студента сначала покорило при видѣ несмѣтнаго количества «стравы»; но, самъ того не замѣчая, онъ отдалъ вполне заслуженную честь каждому блюду, не отсталъ даже отъ Аве.

нира, который выказалъ вовсе не экономическія способности своего желудка. Инна тоже вышла къ ужину; впрочемъ она болѣе занималась плодами земными. По окончаніи трапезы, Авениръ и Юленька подходили къ ручкѣ Анны Михайловны, говоря каждый по своему: mercі, maman; thank you, my mother.

— Чтò это за цвѣтокъ нашли вы, Инна Николаевна? полюбопытствовалъ Ишимовъ.

— Сургіраedium.

— И не слыхивала, отозвалась Анна Михайловна.

— Пустоцвѣтъ, объяснила Инна.

— Скажите, на чтò жь онъ годенъ?

— Да ни на чтò...

— А растеть, удивлялся Ишимовъ. — Подлинно непостижимы цѣли Творца!

— Да, ужь подлинно, что непостижимы, сказала Инна. — Покойной ночи, господа! — И пошла къ себѣ.

Что-то сладкое, спокойное охватило Русанова, когда онъ выѣхалъ въ поле. Наступала свѣтлая, сыроватая ночь; душистые пары волновались по лугамъ, даль стушевывалась въ темномъ небѣ, а надъ головой искрились и переливались звѣздные узоры. Шаги лошади звучно отдавались по полю, перепела били впусками, кузнечики трещали безъ умолку, съ болота подавали голосъ лягушки, съ улицы неслись пѣсни, скрипка и дружный топотъ баш-

маковъ. Русановъ придержалъ лошадь, и сталъ прислушиваться; десятка два деревенскихъ пѣвцовъ сливались въ хоръ, напоминая звуки органа, задуховно отхватывали припѣвъ, зати-хали, и вдругъ, какъ будто изъ середины ихъ, выплывалъ одинокій, чистый голосъ женщины, затягивая новую строфу... Русановъ пустилъ лошадь, хоръ все глуше и глуше подхватывалъ припѣвы, а соло, казалось, ничуть не теряло силы. «Вотъ какъ глохнуть артисты-то на Руси, подумалъ Русановъ, да впрочемъ имъ и горюшка мало. Легко имъ живется, не то что тамъ... И Анна Михайловна!... Вѣдь есть же время отъ скуки играть на двѣ руки въ пьяницы... И совершенно убѣждена, что правою рукой управляетъ ангелъ-хранитель, а когда лѣвая начинаетъ забирать взятки, то это сатана одолѣваетъ... И Ишимовъ—непостижимый... А какъ время летитъ у нихъ! Или ужъ это домомъ такъ бываетъ, что и молчать-то у нихъ весело? Не запановать ли ужъ и мнѣ?»

Онъ бросилъ вожжи, и лошадь пошла сама по знакомой тропинкѣ межъ двухъ полосъ серебрившейся ржи.

Дядя Владиміра Ивановича въ 1849 году вышелъ въ отставку майоромъ и поселился въ маленькомъ наслѣдственномъ хуторкѣ, нераздѣльномъ съ братомъ; этотъ жилъ постоянно въ Москвѣ, въ качествѣ вольнопрактикующаго медика. Одна изъ сосѣднихъ панночекъ не на

шутку затронула военное сердце, старый воинъ былъ уже обрученъ, какъ вдругъ его не-вѣста простудилась на балу, заболѣла, захирѣла и умерла. Майоръ остался старымъ холостякомъ. Нажитая грусть съ природно-веселымъ нравомъ сдѣлали его душою окольнаго общества. Гдѣ бы ни собрались помѣщики, чувалось, что чего-то нѣтъ, если старый майоръ не сидѣлъ въ углу, съ своимъ черешневымъ чубкомъ и пенковою трубочкой. За то если онъ сидѣлъ тамъ, все толпилось вѣкругъ него; старое и малое хохотало, а онъ, пуская мелкими кольцами дымъ, разказывалъ имъ, какъ онъ выхватилъ разъ своего товарища изъ-подъ коней венгерскихъ гусаръ, взвалилъ на спину и бѣжалъ, бѣжалъ до самаго перевязочнаго пункта, задавая ему всю дорогу разные вопросы и удивляясь его молчаливости. Только тутъ открылась причина: у пріятеля была дырочка на груди противъ самаго сердца; докторъ не счелъ нужнымъ и пулю вынимать. Разказывалъ майоръ, какъ и самъ онъ былъ раненъ въ такую часть тѣла, за которую, по собственному сознанію его, не подобало бы награждать знаками отличія.

— А нуте, майоръ, какъ вы въ Турка не попали?

Въ сотый разъ принимался майоръ за этотъ необыкновенный случай, и немногихъ анекдотовъ вполне хватало на увеселеніе неприхот-

ливой компаніи. Такъ шли годы за годами, а старый майоръ, казалось, заколдовалъ себя отъ нападокъ времени. На стриженной головѣ его не убавилось ни одного изъ сѣдыхъ волосъ, на красномъ лицѣ не прибавилось ни одной морщины, и сизые усы отѣняли ту же самую полугрустную улыбку, какъ вдругъ онъ получилъ письмо изъ Москвы. Племянникъ извѣщалъ, что отецъ его, а его, майора, братъ, волею Божьею скончался, а самъ онъ кончаетъ курсъ и думаетъ устраиваться въ Москвѣ. Майоръ, прочитавъ письмо, задумался, выкурилъ три трубки залпомъ, и цѣлый день проходилъ будто самъ не свой. Потомъ съ военною аккуратностью сталъ отвѣчать на письмо.

«Конечно, писалъ майоръ, кандидату университета открыты всѣ пути въ мірѣ и блескъ столицъ; но и наша сторонка не клиномъ сошлась. Найдутся добрые люди, помогутъ просвѣщенному человѣку устроить свою судьбу. Нашъ хуторокъ будетъ со временемъ твоею собственностію, а самъ я не прочь имѣть въ тебѣ утѣшеніе на старости лѣтъ».

Во всякомъ случаѣ, старикъ звалъ племянника погостить лѣто въ деревнѣ и отдохнуть отъ многотрудныхъ ученыхъ занятій. Онъ запечаталъ письмо старинною печатью съ изображеніемъ глаза въ трехугольникѣ и надписью вокругъ: «сія есть моя надежда», самъ отвезъ его на почту и сталъ поджидать гостя.

Владиміръ Ивановичъ три недѣли уже проживалъ на хуторѣ. Сперва онъ подтрунивалъ надъ выбѣленными стѣнами, къ которымъ нельзя было прислониться, надъ дубовыми съ потрескавшеюся кожей креслами, что обѣими руками не поднимешь, надъ обѣденнымъ столомъ, который составлялся изъ двухъ ломберныхъ съ ложбинками для марокъ. Когда они покрывались скатертью, и непосвященный ставилъ стаканъ на ложбинку, тотъ немедленно опрокидывался и обдавалъ профана содержимымъ. Существовало преданіе, что нѣкогда кирасирскій офицеръ вызывалъ майора на поединокъ, обливъ такимъ образомъ свои лосинные рейтузы краснымъ виномъ; чѣмъ кончилось сіе достопамятное происшествіе, слухи не доходятъ.

Мало-по-малу Владиміръ Ивановичъ приглядѣлся къ домашнему обиходу, потомъ полюбилъ его.

Подѣхавъ къ дому, онъ кинулъ вожжи Іосѣкѣ, и постучался въ свѣтившееся окно. Іосѣка принялъ бразды со всею неповоротливостью Малоросса за сорокъ лѣтъ, и ведя лошадь въ конюшню зафилософствовалъ на свой ладъ.

— Ще сего не було... о півночи до дому не іидуть. Хиба в насъ нема що повечерять, — и, пнувъ не распряженную лошадь въ стойло, завалился на боковую.

II.

ТУЗЕМЦЫ.

— Ну, дяденька, я рѣшительно остаюсь, говорилъ Русановъ на другой день, кончая съ майоромъ утренній чай.

— Вотъ спасибо, дружочекъ!—И майоръ обнялъ племянника, широко распахнуль полы бухарскаго халата съ разводами.

— Да, дяденька, и знаете что? очень не дурно бы попасть въ мировые посредники.

Дядя прочилъ племянника во что-то до того высокое, что и самому себѣ не могъ отдать отчета, во что именно, а потому такъ и обрадовался.

— Какъ, ты дѣлаешь намъ честь быть нашимъ посредникомъ? Ну, молодецъ, Володя! Позволь же выразить тебѣ...

И бухарскій халатъ опять соткровенничалъ.

— Да захочетъ ли дворянство?

— Сосѣди-то? Помилуй, да они за счастье почтутъ...

— Въ такомъ случаѣ надо съѣздить къ нимъ съ визитомъ...

— Чтò жь! Вотъ послѣ чаю и поѣзжай! Вели заложить пѣгашку въ дрожки, да и съ Богомъ...

— Вы мнѣ скажите, кто тутъ повліятельнѣй!...

— Какихъ тебѣ вліятельныхъ? Такъ кругомъ хутора по ранжиру и валяй. Тутъ всѣ вліятельные...

— Ну, видно я въ самомъ дѣлѣ попалъ въ Эльдорадо, сказалъ Русановъ, улыбаясь.

— А ты, Володичка, поменьше мудреныхъ словъ-то говори; у насъ этого не долюблю-ваютъ...

И майоръ самъ пошелъ наставлять Іоську. Сей деревенскій философъ занималъ почетную должность возницы и глубоко пропитанъ былъ чувствомъ собственнаго достоинства. «Не моѣ дѣло», важно обрѣзывалъ онъ бабу, когда та просила его принести воды или о чемъ подобномъ: «моѣ дѣло съ паномъ іиздить, а не зъ жінками возиться». На кликъ барина онъ явился въ утреннемъ неглиже съ нечесаною бородой.

— Іоська, дрожки вычищены?

— Эге, чого жь ихъ чистить? Щобъ упьять у грязь лѣзти? Се такъ!

— Ну, и шлея не починена?

— Та коли жь її було чинить? Ще тільки недѣля минула, якъ вона порвалася...

— О, чортъ тебя дери! Запрягай, какъ есть.

— И я жь кажу, запрягти, якъ воно е...

И довольный, что оставилъ за собой послѣднее слово, Іоська проворно заложилъ пѣгашку. Владиміръ принарядился въ приличный торжественному выѣзду костюмъ и явился передъ дядей въ полномъ блескѣ столичной пары.

— Счастливой удачи! крикнулъ майоръ вслѣдъ удалявшемуся экипажу.

Свѣжее утро возбуждительно дѣйствовало на молодого искателя приключеній; ласточки съ пискомъ прихотливыми извивами сновали мимо дрожекъ...

— Чей хуторъ? спросилъ онъ, подъѣзжая къ воротамъ.

— Якій? отъ сей? Бобырца Игнатъ Васильича...

И Іоська съ шикомъ разогналъ было пѣгашку къ крыльцу, но къ прискорбію пришлось осадить его на всемъ скаку. Мѣсто было занято. Самъ Игнатъ Васильичъ красовался въ казацкомъ казакинѣ на какомъ-то чортѣ въ видѣ коня; вокругъ него прыгала стая гончихъ и борзыхъ всѣхъ мастей и голосовъ; человѣкъ пять доѣзжачихъ составляли фонъ картины. Сообразивъ, что подъѣздъ неприступенъ, Іоська взялъ бокомъ и поровнялся съ всадниками. Руслановъ отрекомендовался.

— А, очень радъ, очень радъ! забасилъ Бобырецъ:—я съ вашимъ дядюшкой другъ-пріятель... Эй, Хома, сѣдай барину безпардонную! живо!

— Чтò это, Игнатъ Васильичъ, зачѣмъ?

— А какже? На охоту-то пѣшкомъ?

— Въ другой разъ съ удовольствіемъ...

— Полноте кобениться! Вы не Иванъ Ивановичъ! Тотъ все отказывается; что жъ ты, говорю, за подлецъ, душа моя, вѣдь я тебя нагайками отлуплю...

— Право, въ другой разъ лучше...

— Да что за церемоніи! Я вѣдь и не зову васъ въ домъ: у меня тамъ Содомъ и Гоморрь, битва Русскихъ съ Кабардинцами... А я васъ такимъ бѣлякомъ угощу! На-те, Налета вамъ уступаю, продолжалъ неистовый Мелеагръ, суя Русанову свору...

— Да, какже, возразилъ Русановъ, — теперь и поля еще не убраны...

— Мои поля—вѣдь не ваша забота! Такъ не хотите? Ну чортъ съ вами! Трогай!

Вся ватага, щелкая арапниками, съ визгомъ, лаемъ и топотомъ понеслась по двору и скоро исчезла изъ глазъ изумленнаго Русанова. Онъ опомнился только на другомъ хуторѣ.

— Дома баринъ?

— Ни, отвѣтила бойкая дѣвка въ красномъ наместѣ, — пожалуйста: пани дома, воны рады будутъ, — и уже отворила дверь и ввела гостя въ переднюю.

— Доложи: Русановъ, сказалъ онъ, оправляясь. Дѣвка поглядѣла на него и отворила дверь въ залу.

— Онъ пани, говорила она, тыкая пальцемъ,
— у куточку * сидять...

На встрѣчу Русанову поднялась съ дивана
дебелая красавица лѣтъ тридцати и томно при-
гласила садиться.

— Вамъ вѣроятно необычайно скучно въ на-
шемъ захолустьи, начала она послѣ первыхъ
привѣтствій.

— Я нахожу здѣсь такой радушный приѣмъ...

— Это у Горобцевъ-то? Васъ удивляетъ, что
намъ извѣстны ваши посѣщенія? Чѣмъ же за-
ниматься въ деревнѣ, кромѣ комеражей! Такъ
вамъ не знакомо это чувство? Счастливецъ!
Поживите въ глуши безвыѣздно, когда сердцу
доступны высшія потребности...

— Сударыня... началъ было Русановъ.

— Помните, что говоритъ философъ? «И ску-
чно мнѣ, и грустно мнѣ, и некому мнѣ руку
подать въ минуту сердечной тревоги...»

— Сударыня, надѣюсь вашъ супругъ...

— Мой супругъ овецъ стрижетъ, это такой
жалкій матеріялистъ! Скажите, что можетъ быть
завиднѣй, сказала она, наклонивъ головку и раз-
бирая кружево мантильи:—*qu'est ce qu'il y a*
de plus beau, que d'être comprise!

— Сударыня, я желалъ бы....

— Говорите, почти прошептала она, — я стою

* Въ уголку

на сторонѣ чувства... «Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ...»

— Я желалъ бы переговорить съ вашимъ супругомъ.... я желалъ бы быть посредникомъ...

— О, шалунъ! Вы знаете, какъ это опасно! Вы хотите быть посредникомъ между жертвой и тираномъ?

— Какъ-съ?

— Между замужнею женщиной...

— Нѣтъ-съ, мировымъ посредникомъ. .

— А-а-а-а! Я вѣдь сказала вамъ, мужа нѣтъ дома. Это не по моей части...

Послѣдовала пауза.

— Извините, что обезпокоилъ васъ, проговорилъ Русановъ, откланиваясь.

«Плохо», подумалъ онъ, усаживаясь на дрожки и удерживаясь отъ смѣха при дѣвкѣ. «Эта барынька не проститъ мнѣ...»

— Дома?

Ишимовъ показался у окна въ бархатномъ шлафрокѣ, съ сигарой въ зубахъ.

— Милости просимъ, слышали новость? встрѣтилъ онъ Русанова. — Гарибальди бунтуетъ. — И подалъ ему нумеръ *Сына Отечества*.

— Да это не новость уже...

— Слава Богу, насилу-то порѣшили обратиться на него вниманіе, то-есть правительство; ужъ онъ меня такъ безпокоилъ...

— Васъ?

— Да, помилуйте, что это такое. Нельзя, не-

льзя! Я въ этомъ отношеніи солидаренъ съ Наполеономъ III, говорилъ Ишимовъ, закручивая усики.

— Я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой...

— Все что угодно!

Эта готовность къ услугамъ замѣтно охладилась, когда онъ узналъ чего добивался Русановъ.

— Знаете ли? Эта должность требуетъ многихъ условій...

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, надо имѣть 500 десятинъ земли. Да впрочемъ вы кандидатъ; вамъ довольно 200...

— Но вѣдь это улаживается на бумагѣ.

— Конечно, конечно; но на это мѣсто мѣтитъ одно вліятельное лицо.

Онъ сталъ уговаривать Русанова отказаться отъ своего плана, говоря, что у него есть пріятель, товарищъ предсѣдателя гражданской палаты, который можетъ доставить ему болѣе выгодный постъ. И тутъ же показывалъ купленный у Жида стереоскопъ съ разными картинками чрезвычайно игриваго содержанія.

— Ну, вотъ эту еще посмотрите... А? каково?

— Хорошо, говорилъ Русановъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, обѣдаете у меня?

Русановъ посмотрѣлъ на часы и согласился. За столомъ хозяинъ былъ необыкновенно лю-

безень и за десертомъ, когда вино развязало откровенность, или можетъ забывшись, просилъ Русанова подать голосъ за него на мѣсто посредника.

— Поѣдьте рысаковъ смотрѣть, приставаля онъ къ Русанову за кофе:—отличные рысаки! превосходные рысаки!

Русановъ уже садился на дрожки, а Ишимовъ, провожая его, все трубилъ въ уши: «Madame Carelle говоритъ, смотрите Мосье Ишимовъ, не удержите; а я ей: soyez tranquille madame... А она мнѣ...» Часовъ въ 7 вечера добрался Владиміръ Ивановичъ до хутора Конона Терентьича Горобца, деверя Анны Михайловны: онъ объѣхалъ еще хуторовъ пять. Въ одномъ домѣ прислуга озабоченно допытывалась, не чиновникъ ли онъ, и только послѣ усиленныхъ отрицаній впустила въ комнаты; а хозяинъ сообщилъ, что на немъ большія взысканія, и такъ какъ садъ его лежитъ на границѣ двухъ губерній, то когда становой пріѣдетъ, онъ сейчасъ на другой конецъ сада и пишетъ оттуда: «выѣхалъ въ такую-то губернію.» Очевидно такая личность не могла имѣть никакого вѣса. Въ другомъ имѣніи, отставной генералъ даже раскричался на Русанова за то, что тотъ непочтительно сѣлъ, не дожидаясь приглашенія. Прочихъ онъ не засталъ дома. Конона Терентьича всегда можно было застать дома; онъ страдалъ ипохондріей, и былъ извѣстенъ въ око-

лоткѣ подѣ именемъ ученаго чудилы-мученика. Онъ принялъ Русанова, сидя въ вольтеровскихъ креслахъ у окна съ двойными рамами, хотя на дворѣ было слишкомъ 20° Реомюра. Лицо его могло бы назваться красивымъ, еслибы глаза не разбѣгались во всѣ страны свѣта, да еще еслибы не было какой-то полусладенькой, полупрезрительной улыбочки.

— И чтò это за непонятная страсть у нынѣшней молодежи лѣзть въ омутъ, говорилъ онъ, слизывая съ ложечки рябиновое варенье.—Что вы за публичныя женщины, господа?

— Вотъ тебѣ разъ! Надобно жь кому-нибудь служить, возражалъ Русановъ.

— Ну пусть кто-нибудь и служить, а вы-то что? Да и почему это надобно мѣшаться въ чужія дѣла? Жили бы сами по себѣ, благо дураки за ворота не тянуть.

«Начало невмѣшательства!» подумалъ Русановъ.—Скажите-ко, Гизо, чтò это вы домъ-то сами по себѣ не строите? Который годъ у васъ лѣсъ подъ окнами лежитъ?

— Да какъ его строить? еще жалобнѣй занылъ ипохондрикъ:—архитектора надо, рабочихъ! возня! Такіе люди, какъ я, не способны ни къ чему матеріальному.

— На чтò жь вы лѣсъ покупали?

— Какъ на чтò? Домъ строить... Право я относительно этого вопроса нахожусь въ пере-

ходномъ моментѣ; все не придумаю, какъ бы побезопаснѣй...

— Отъ пожара что ли? Кройте толемъ...

— Да, да, вотъ хоть и отъ пожара, заговорилъ торопливо ипохондрикъ, и воспаленные глазки его забѣгали:—теперь въ два этажа не стану строить; случись пожаръ, изъ окна скакать—ноги переломаешь...

— А кто жъ вамъ велитъ жить во второмъ этажѣ?

— А внизу воры заберутся, задушатъ...

— Ну, пока вы будете рѣшать, въ какомъ этажѣ жить, вашъ лѣсъ абсолютно сгніетъ.

Въ комнату вбѣжалъ гимназистъ лѣтъ пятнадцати; бѣлые, курчавые волосы его растрепались, онъ едва переводилъ духъ...

— Дяденька, Незамайкины на васъ хотятъ въ судъ жаловаться.

— Что такое? спросилъ тотъ, поблѣднивъ.

— Я, видите, купилъ шарманку; ну и хотѣлъ попробовать, взялъ ее съ собой на дрожки и ружье захватилъ. Только поравнялся съ ихъ домомъ, заигралъ. Со двора на меня собакъ девять. Я, бацъ! бацъ! Двухъ на повалъ, одной хвостъ отшибъ. Они говорятъ, что вы подучаете... Вѣдь это ужъ подло!

— Ну будетъ по сумашедшимъ домамъ шлаться. Пошелъ къ Горобцамъ, крикнулъ Русановъ Іоськѣ, выйдя отъ чудилы-мученика.

Но Іоськѣ не безъ пользы прошло пребываніе въ сумашедшихъ домахъ. Онъ свое дѣло

сдѣлалъ: аккуратно на каждой станціи выпрашивалъ стаканчикъ потереть у лошади ссадину, и теперь, видимо отыскивая центръ тяжести, находился въ неустойчивомъ равновѣсіи. Прицѣливался, прицѣливался въ ворота, и такъ нагналъ пѣгашку на заборъ. Раздосадованный Русановъ самъ сѣлъ къ вожжамъ и скоро подкатилъ къ гостепріимному крылечку. Грицько объявилъ ему, что панны всѣ уѣхали въ городъ, а панночка Инна въ саду.

Во время оно, генераль-аншефъ Горобецъ разбилъ здѣсь англійскій паркъ, выстроилъ на пруду бельведеръ, держалъ ялики, роговую музыку и хоръ крестьянокъ въ пунцовыхъ сарафанахъ и соломенныхъ шляпахъ. Ничего не уцѣлѣло отъ барскихъ затѣй при слѣдующемъ поколѣніи; за то теперь и растительность одичала. То тамъ, то сямъ, изъ кустовъ бѣлой акаціи поднималась готическая стрѣлка пирамидальнаго тополя; тутъ, волошскій орѣхъ блестялъ на солнцѣ пепельнымъ стволомъ; тамъ, раскидистая шелковица пріютила въ тѣни мелкую листву глода, а дальше за молодыми каштанами сплошная стѣна вишенъ отгородила поляну съ пчелиными ульями и подсолнечниками. Межъ темныхъ дубовъ мелькали березы, груши, яблони, и все сливалось надъ головой въ прозрачную сѣтку зелени на голубомъ подбоѣ, бросающая па траву и на дорожки золотистыя пятна, голубоватыя тѣни...

Русановъ шелъ по заросшей тропинкѣ мимо плетня, увитаго хмѣлемъ и отдѣлявшаго бакшу съ красными и желтыми гарбузами, турецкими огурцами и прочими, насаженными Авениромъ, овощами. «Какой ни на есть огурецъ, все жъ онъ огурецъ, говорилъ экономя, хвастаясь передъ сестрами; а вы что?» Русановъ спускался къ пруду; солнце въ туманно-красномъ разливѣ, будто комокъ расплавленного стекла, пряталось за высокій берегъ, оставляя въ глазахъ зеленоватые пятна; лиловые облака разсѣялись по небу, и отражаемая въ пруду деревья выступали темнѣе, какъ на старинныхъ картинахъ, крытыхъ зеленымъ лакомъ. Надъ водой сидѣла Инна, облокотясь на гнилой пенъ липы и лаская водолаза.

— Лара, Лара! говорила дѣвушка. Собака протянула морду на колѣни хозяйки и слезливо смотрѣла ей въ глаза.

— Ты одинъ у меня! продолжала Инна, поглаживая бѣлую полоску на лбу водолаза. Тотъ завилялъ хвостомъ. — Ты думаешь, онъ придетъ? Ихъ нѣтъ больше на свѣтѣ... Ни одного, прибавила она, задумчиво опуская голову.

Русановъ остановился: это было такъ ново для него, такъ непохоже на все, что ему удавалось видѣть. Собака заворчала было, но взглянувъ въ него, махнула раза два волнистымъ хвостомъ и улеглась.

— Кого это вы ждали? спросилъ Русановъ, подойдя.

— Хоть бы и васъ...

— Ну, люди въ здѣшной сторонѣ! сказалъ онъ, опускаясь возлѣ нея на траву. — А я-то думалъ, что это Аркадія какая-то, да и дяденька хорошъ... — Онъ началъ описывать ей свои странствія.

— Будетъ, перебила она, — вѣдь это вамъ въ диковинку, а за меня они почти всѣ сватались...

— Вы это такъ говорите, какъ будто вамъ ни разу не приходила мысль выйти замужъ...

— Сбейте-ка мнѣ вонъ ту гливу!

Русановъ подалъ ей спѣлую, сочную грушу.

— Вотъ это хорошая вещь въ нашихъ краяхъ!

— Да, вы правы; за кого тутъ выйдешь? проговорилъ Русановъ.

Она улыбнулась, а потомъ, лѣниво поднявшись, проговорила:

— Давайте ходить, роса падаетъ.

Они долго гуляли. Она шла впередъ, легко и свободно пробираясь въ чащѣ, подбирая цвѣтки для гербарія. Русановъ ходилъ за ней, раздвигая вѣтви, жевалъ листья и все собирался говорить о чемъ-то. Одинъ разъ онъ будто и рѣшился, кашлянулъ...

— Славный нынче день, сказалъ онъ и опустилъ глаза подъ пристальнымъ взглядомъ Инны.

— Я не люблю такихъ...

— Какіе же вы любите?

— Сѣренькіе, осенніе; тѣ какъ-то подѣ ладъ...

Русанова очень интересовалъ характеръ Инны. Онъ постоянно замѣчалъ, что она разсѣянна, задумчива, груститъ, а причины не могъ разгадать. Да и она никогда не заговаривала о себѣ. Во время его частыхъ посѣщеній случалось имъ говорить и о литературѣ, и о музыкѣ, и о современныхъ вопросахъ, и о домашнихъ дѣлахъ. Она очень бойко разсуждала, но все это, какъ будто, нисколько ее не затрогивало. Она, какъ будто, понимала, что все это есть, что всѣмъ этимъ люди могутъ заниматься, но у самой не вырывалось ни одного теплаго слова, ни одной задушевной мысли; точно она сама стояла въ сторонѣ и наблюдала жизнь отъ нечего-дѣлать. Иногда, посреди горячей тирады Русанова о значеніи современнаго движенія, она перебивала его вопросомъ: «А не хотите ли вы подсолнуховъ: у насъ поспѣли...»

На югѣ послѣ заката солнца очень скоро смеркается; сумерки почти замѣтно глазу надвигаются на окрестность. вмѣстѣ съ наступающею темнотою Русановъ становился смѣлѣе...

— Инна Николаевна, хотѣлось бы вамъ побывать въ Москвѣ?

— Къ чему это вы такой вопросъ задаете? точно Подколесинъ....

— Вѣдь вамъ здѣсь скучно, неправда ли?

— Вотъ что!... Нѣтъ не хотѣлось бы... Гдѣ намъ провинціаламъ конфеты ѣсть!

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ! Тамъ развлечения, театръ, общество....

— Вотъ этого-то я и не люблю.

— То-есть чего же?

— Да вообще многолюдства, а въ частности того что называется обществомъ.

— И то сказать, приспособишься къ средѣ, привыкнешь и самъ.

— Ну, эта тема напередки годится; а пока я думаю, что все-таки я такая не отъ того, что здѣсь; а скорѣе здѣсь, потому что такая.

— Ну, еще одинъ нескромный вопросъ, простите... Кто это они?

Инна остановилась...

— Они, кого «нѣтъ больше на свѣтѣ», пояснилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да какъ же вы смѣете подслушивать? Вотъ я васъ Ларой затравлю.

— Вы такъ громко говорили съ собакой...

— А вы бы сами погромче крикнули и дали мнѣ знать, что я не одна. Вотъ и сконфузились! Какой вы тихоня! Такъ и ждешь, не сказали бы вы, извините, что я родился. Ну, зачѣмъ вамъ знать, кто такіе они? Я живу здѣсь слишкомъ двадцать лѣтъ, вамъ надо разказывать все сначала; многое я сама забыла, а оно во мнѣ нѣтъ-нѣтъ да и скажется; мы не поймемъ другъ друга...

— Я думалъ...., Я разчитывалъ на вашу дружбу....

— Вы вѣрите въ дружбу? Я отъ васъ, впрочемъ, всегда этого ожидала.

— А вы не вѣрите? У васъ есть, однако, родные.

— Кто это? Мачиха? Она меня только что не ненавидитъ; Юля совершенно равнодушна къ моему существованію; Аня—славный малый, но.... вы видите, и тутъ даже *но!*

— Ну, Богъ съ вашими *но!*

— Хорошо, извольте. Они тѣ, которые сумѣли стать выше земли.

— Романтики? Идеалисты?

— Они тѣ, перебила она съ досадой,—чья душа и темна и свѣтла, какъ эта ночь; они тѣ, что не продадутъ своей совѣсти ни за какія.... коврижки, рѣшила она, расхохотавшись, а Русанова покорило отъ этого смѣха.

— Только то? сказалъ онъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Вы думаете это легко? Вотъ могила моего отца, сказала она, указывая на заросшій цвѣтами холмикъ подъ самымъ домомъ. Онъ цѣлую жизнь промаялся одинъ и завѣщалъ похоронить себя въ саду; онъ боялся сосѣдей даже на кладбищѣ.

Русановъ не могъ видѣть ея лица; они стояли въ тѣни дома, но голосъ сталъ до того грустенъ, до того симпатиченъ, ему было такъ

хорошо, что онъ невольно подвинулся къ ней. Золотистыя верхушки деревьевъ давно потемнѣли; облака задымились, оставляя жемчужныя окраины. Изъ-за большой группы ихъ медленно выдвинулся мѣсяцъ; темными призраками выступали кусты, по землѣ ложились черныя тѣни. Все темнѣй становилось въ чащѣ, осыпанной серебристыми блестками тополей; кое-гдѣ ярко бѣлѣлъ стволъ березы, а тамъ опять черныя тѣни, темныя массы.

— Прощайте, вдругъ сказала Инна, — я лучше уйду, а то я буду несносна.

— Этому причиной я?

— Вы! Вы! Вамъ удалось вызвать меня на откровенность, а это рѣдко со мною случается. Я пробовала сходитья со многими.... Какъ только они меня узнавали, тотчасъ начинали издѣваться. Прежде это меня огорчало. Если и вашъ вкрадчивый голосъ — притворство, я васъ возненавижу.

— Инна Николаевна, сказалъ Русановъ, взявъ ее за руку, — не думайте такъ обо мнѣ.... Я тоже круглый сирота....

— Ну, до свиданія, круглый сирота. А кстати, сентиментальный сирота, что это вамъ вздумалось сегодня по сосѣдямъ шляться?

— Я ищу мирового посредничества.

— Вы? Ха! ха! ха! — И она порхнула въ дверь.

Русановъ постоялъ еще немного, потряхнулъ

головою и прыгнулъ на дрожки Задремавшій Іоська закричалъ съ испугу не своимъ голосомъ, принявъ его за вивкулаку, и погналъ лошадь во весь духъ.

— Ну, дружочекъ, съ чѣмъ поздравить? встрѣтилъ его майоръ на крыльцѣ.

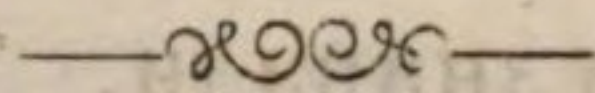
— Да ни съ чѣмъ.

— Какъ ни съ чѣмъ? Отказъ?

— Почти, разсѣянно отвѣтилъ племянникъ.

— Свиньи эдакіе! выругался майоръ.

«Странная дѣвушка,» думалъ Русановъ, входя за нимъ въ комнаты.

III.

РОДНИКЪ ЗАМУТИЛСЯ.

Инна проснулась, по обыкновенію, очень рано. «Горобцы пробудутъ сегодня въ городѣ, я сама себѣ панна», подумала она еще въ про- сонкахъ. Наскоро одѣвшись, кликнула она Лару и пошла въ садъ. У калитки Грицько остано- вилъ ее вопросомъ, что ей готовить къ обѣду? — Ничего!

Грицька это поразило до такой степени, что онъ только проводилъ ее глазами и пошелъ въ глубокомъ раздумьи сообщить Горпинѣ, что пан- ночка день отъ дня чуднѣй дѣлается.

А панночка пробѣжала въ садъ и спустилась къ пруду. Тутъ съ досадою замѣтила она, что въ торопяхъ забыла ключъ отъ купальни. Дѣ- лать нечего, не ворочаться же назадъ! Она пошла вдоль по берегу.

Прудъ, начинавшійся въ саду, былъ однимъ изъ тѣхъ прудовъ, которые въ маловодныхъ гу- берніяхъ замѣняютъ рѣки, тянутся на версту, на

двѣ, обросшіе ольшаникомъ, вербою и осокой. Берега то песчаные, то грязно-тинистые, на одномъ концѣ обыкновенно переходятъ въ топкое болото, притонъ всевозможной дичи. Въ сплошномъ очерету постоянно хныкаютъ лыски*. Вода съ весны цвѣтетъ ряской и мелкими зелеными крупинками; за то къ осени, отстоявшись, становится прозрачнѣй хрусталя. Водолазъ круто повернулъ въ кусты, взобрался на спрятанную тамъ лодку и съ подобающею важностію улегся на дно. Инна сѣла къ весламъ и задумчиво глядѣла, какъ вѣтеръ качаетъ черные султаны аира, пошлепываетъ листьями кувшинокъ и вдругъ подернетъ воду серебристою зыбью. Рѣзвые камышевки чирикаютъ, стрекозы съ трескомъ путаются въ мелкой листвѣ ольхи. Солнце печетъ, вода дышитъ прохладой на раскаленный берегъ и прянымъ ароматомъ водяныхъ растеній. Это было любимое мѣсто Инны; часто просиживала она тутъ обѣдъ, чай, съ книгою въ рукахъ. Съ нею бранились домашніе. Анна Михайловна находила, что гораздо лучше вязать чулокъ, чѣмъ думать Богъ вѣсть о чемъ. Потомъ привыкли и оставили Инну въ покоѣ.

Инна взяла весла; лодка выплыла изъ очерета и, описавъ дугу, пошла къ дубовой рошѣ, разросшейся на концѣ пруда вдоль по болоту.

* Водяная курица.

Дѣвушка разсѣяннo слѣдила за парюю нирковъ, которые, завидѣвъ ее, заныряли въ запуски къ очерету. Выйдя на берегъ, странники пошли по опушкѣ. Инна собирала красные грибы, а Лара нашелъ ежа и остановился въ недоумѣній, вытянувъ морду. Онъ попробовалъ было кинуться на страннаго звѣрка, но тотчасъ укололся и отступилъ съ негодованіемъ. Инна увидала эту продѣлку и поощряла своего друга ко вторичному нападенію; тотъ только зѣвнулъ во всю ширину рта и длину языка. Справились и съ ежомъ. Инна посадила его въ платокъ. У самаго начала болота выдалось песчаное мѣстечко съ чистою, прозрачною водою. Инна соблазнилась, раздѣлась въ кустахъ и погрузилась въ холодную утреннюю воду. Лара сталъ порывисто плавать во всѣ стороны.

По болоту глухо раскатился выстрѣлъ.

Инна посмотрѣла въ ту сторону. Шагахъ во сто отъ нея, по кочкамъ, шелъ молодой охотникъ и кричалъ что-то пестрой польской собакѣ. Онъ пробирался прямо къ Иннѣ, и она поспѣшила присѣсть по горло.

— Послушай, милая, сказалъ онъ, подошедъ къ берегу,—чей это хуторъ?

— Мой, отвѣтила она съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Pardon, проговорилъ онъ, приподнимая сърую шляпу: — извините, пожалуйста.

— Ничего, потрудитесь войти вонъ въ ша-

лашь, пока я одѣнусь. Въ водѣ неудобно вести разговоры.

Тотъ пошелъ, посмѣиваясь, и сталъ заряжать ружье. Скоро и она присоединилась къ нему. Пока собаки знакомились съ собственнымъ ихъ роду раченіемъ, онъ еще разъ извинился, что обезпокоилъ ее.

— Вашъ сосѣдъ, Владиславъ Бронскій.

— Очень пріятно, проговорила она, закусивъ губку.

— Заблудился; мѣста эти мнѣ еще совершенно незнакомы. Далеко ли до Ильцовъ?

— Верстъ пять....

— Экая досада! Я голоденъ какъ волкъ.

Инна не то робѣла, не то сердилась сама на себя. Она отвыкла отъ незнакомыхъ людей и, не желая выказать этого молодому аристократу, рѣшилась на отчаянную выходку. Она сообразила, что Бронскій, по своему положенію въ свѣтѣ, никогда не будетъ знакомъ съ Горобцами; куда ни шло одинъ разъ подурчиться.

— Хотите продолжить оригинальное знакомство? Обѣдайте со мной.

— Еще бы не хотѣть!

— Слѣдуйте за мной, важно проговорила она.

Собаки, окончательно подружившіяся, побѣжали впередъ, помахивая хвостами. Бронскій, озадаченный ея серіозностію, не заговаривалъ, дожидаясь вызова. Она привела его къ лодкѣ

и молча указала на корму. Къ удивленію ея, онъ поплевалъ на руки, взялъ весла и заработалъ ими такъ что лодка полетѣла стрѣлой.

«Такъ вотъ онъ, этотъ салонный левъ,» думала проказница, взглядываясь въ своего гребца. Лицо его отличалось типическою красотою польской аристократіи; темный загаръ кожи, тонкія морщины на высокомъ лбѣ, обрисованномъ курчавыми волосами, надменно сдвинутыя брови и длинные усы придавали ему оттѣнокъ суровости и силы.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе?...

— Я фея здѣшнихъ водъ.

— Очень пріятно познакомиться. Чтò жъ это у васъ въ платочкѣ?

— Нашъ обѣдъ.

— Чортъ возьми, зачѣмъ же мы?... Впрочемъ, виновать, это ужъ черезчуръ кажется....

— Ничего, будьте какъ дома.

— Такъ съѣдимте его здѣсь.

— Какъ, въ этомъ видѣ? Она показала ему сырые грибы и живаго ежа, и оба расхохотались. Послѣдніе остатки натянутости исчезли.

— Въ самомъ дѣлѣ, чтобы не остаться при этомъ, дайте-ка ваше ружье.

Бронскій съ удивленіемъ видѣлъ, какъ она очень ловко приложилась и ударила въ самую середину кучи беззаботно плескавшихся домашнихъ утокъ. Собаки тотчасъ подали три жертвы.

Графъ шелъ по саду рядомъ съ ней, помахивая ружьемъ за плечами и тяжело ступая, будто пробуя, сдержитъ ли его земля. Инна наблюдала его манеры косыми взглядами; ей не понравилось, что онъ прикусилъ шею одной подстрѣленной уткой.

Войдя въ гостиную, она кликнула Грицька; велѣла ему немедленно содрать шкуру съ ежа; сама принялась щипать утокъ; гостя же, повидимому, рѣшилась озадачить во что бы то ни стало.

— Что жъ вы ничего не убили?

— А еще бы вы ваше болото все въ торфъ изрѣзали.... Совсѣмъ плохо охотникамъ на свѣтѣ жить стало.

— Ну, ступайте въ кухню, велите Горпинѣ зажарить эти грибы....

Онъ взялъ узелъ и понесъ его надъ головой.

— Ясновельможная Горпино! сказалъ онъ изумленной дѣвкѣ, потомокъ графовъ Бронскихъ проситъ васъ зажарить эти грибы въ возможно лучшей сметанѣ.—Вернувшись въ комнаты, Бронскій закурилъ надъ лампадкой сигару и, открывъ фортопіано, попросилъ Инну что-нибудь сыграть.

— Я не играю, а такъ иногда вою.

Она сѣла, и звучнымъ богатымъ контральто спѣла ему застольную пѣсенку Пажа изъ Лукреціи. Спокойно, игриво до самозабвенія, вылилась у нея первая половина. „Если весело жить вы хотите“, пѣла она, и слушателю ка-

залось, что только такъ и можно весело жить, настоящимъ лишь днемъ наслаждаясь. Потомъ стала протягивать окончаніе пѣсни, будто нехотя разставаясь съ мотивомъ; въ голосѣ слышалось дрожаніе. Она взяла странный, рѣзкій аккордъ; быстро модулируя, проворными пальцами, перешла въ мольный тонъ, и запѣла *le désir* Бетговена, съ такою неподдѣльною, страстною грустью, что Бронскій не могъ удивиться, та ли это беззаботная рѣзвушка, что сейчасъ чуть не на головѣ ходила.

— Хорошо? спросила она, остановясь.

— Вы поете не дурно ...

— Это я и безъ васъ знаю. Я спрашивала, нравятся ли вамъ эти вещи?

— Не люблю я этихъ медоточивыхъ....

— Стòить же для васъ пѣть, сказала она, и хотѣла захлопнуть крышку, когда Бронскій самъ сѣлъ на табуретъ.

— Вотъ моя музыка, сказалъ онъ, и мастерски сыгралъ *caprice héroïque* Контскаго *le réve — il du lion*....

Явилось импровизованное жаркое, простокваша и дыни. Инна усѣлась противъ графа и засадила себѣ въ ротъ огромный кусокъ ежа. Бронскій поглядывалъ на нее, улыбаясь.

— Послушайте, вы всегда такая?

— Всегда. День прошелъ, и слава Богу; приходи скорѣй другой....

— И не надоѣсть это вамъ?

— Э нѣтъ, не по той дорогѣ, ваше сіятельство! «Все вѣдомо, и только повторенье грядущее сулить».... продолжала она декламировать.

— Вѣдь это отъ бездѣлья....

Она скроила уморительную рожицу, пропѣла изъ какого-то водевиля: «Скучно за дѣломъ, скучно безъ дѣла, но безъ продѣлокъ скучнѣй!»

— Что жь ты не остановишь меня, обратилась она къ Грицьку, бессмысленно на нихъ глядѣвшему; вѣдь я за обѣдомъ пою.... Понимаете? Нѣтъ; вижу, что не понимаете.... Вы вотъ находите, что я не дурно пою, а я ботанику хорошо знаю. Грицько! хочешь, я прочту тебѣ лекцію, а впрочемъ свари лучше кофе, коль хватить способностей....

Бронскій все посмѣивался, да поглядывалъ на нее умными, проницательными глазами.

— Здѣшнія барышни выписываютъ собраніе романовъ и повѣстей, находя, что тутъ никакой критики пропускать не надо, все сподрядъ читается....

Бронскій разсмѣялся.

— Ну, а я именно то и читаю чего онѣ не разрѣзываютъ; да къ чему все это?... Скучно, графъ, очень скучно, а дѣлать нечего.

— Что жь будетъ лѣтъ черезъ двадцать?

— Что вы это, почти вскрикнула она:—а я еще не въ комплиментъ вамъ, считала васъ

паенькой. Развѣ въ наше время, когда и проч. и проч... люди живутъ по столку?

— Позвольте, вы напрасно разыгрываете безнадежную; а это что за кольцо у васъ?

— Кольцо, какъ кольцо!

— Нѣтъ-съ, это намъ знакомо.

Онъ подавилъ шпенекъ, кольцо открылось; въ перстнѣ былъ миниатюрный портретъ мужчины съ зачесанными назадъ волосами, бородой и сложенными на груди руками.

А — что?

— Это-то? Памятникъ прошлой вѣры...

— Будто бы?

— Гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

— И съ этимъ покончили? Жаль мнѣ васъ!

— Что вы? Я опять ждала чего-нибудь поумнѣй...

— Но вотъ что странно: глядя на васъ, никто бы не догадался, какія бури играли въ вашей головѣ. Лицо такъ спокойно, такъ даже... не желто....

— Я никогда не загораю, это плохой знакъ.

— Вы думаете это у меня загаръ? сказалъ графъ. — Этотъ загаръ и зимой не сходитъ. Иногда я встаю совершенно зеленый отъ злости.

— Вы стало-быть злитесь?

— А вы?

— Нѣтъ. Я только... пожалуйста не смѣйтесь, этого нельзя иначе выразить.... я *сковчу* *,

* Мѣстное названіе визга щенятъ.

какъ... Она вдругъ оборвалась и выглянула въ окно.

Бронскій увидалъ подѣзжавшій тарантасъ...

— Кто это съ Инной? крикнулъ Авениръ, соскакивая съ подножки.

— Человѣкъ отъ графовъ Бронскихъ, сказала Горпина, по своему понявшая слово потомокъ.

— И она посадила его съ собой? Я его, каналью!

Инна выбѣжала на крыльцо, а графъ сталъ кормить собакъ остатками трапезы. Черезъ нѣсколько времени ввалились Горобцы. Бронскій представился и, немного погодя, несмотря на усиленные просьбы остаться, поблагодарилъ за угощеніе, сѣлъ въ предложенный тарантасъ и, обѣщавъ какъ-нибудь завернуть, уѣхалъ.

«Это какой-то уродъ,» думалъ онъ дорогой: «я бы на ея мѣстѣ давно отравился, или замужъ вышелъ *par dѣpit*, что ли!»

— Какже онъ? самъ пришелъ? какъ онъ представился? закидала Анна Михайловна падчерицу вопросами: — каковъ онъ?

— Онъ мнѣ понравился, только у него какая-то пленка на мозгу....

— Чтò ты, Богъ съ тобой, можно ли такъ отзываться! Слышите, онъ ей понравился! Еще бы не понравиться!

— А зачѣмъ же онъ такія штуки выкидываетъ?

— Чтò жъ онъ выкинулъ?

— Перелѣзъ чрезъ заборъ въ саду, и выстрѣлилъ прямо въ трубу. Пять утокъ съѣлъ!

— Bravo! крикнулъ Авениръ:— откуда жъ они взялись?

— Онъ говоритъ, настрѣлялъ; купилъ должно-быть....

— А ты позволила ему въ нашемъ домѣ тратить свою провизію?

— А что жъ съ нимъ было дѣлать, коли онъ пошелъ на кухню, да еще поругался съ Горпиной.

— То-то ты, я думаю, съ нимъ любезничала, проговорила Юленька, охорашиваясь передъ зеркаломъ.

— Что жъ, я развѣ неумѣлая!

— Чьи жъ это косточки? спрашивалъ Авениръ.

— А это онъ своего ежа съѣлъ. Ахъ Юля, еслибы ты видѣла, что это за ежъ былъ! Ученый! Графъ игралъ, а ежъ танцевалъ, прелесть!

Послѣднѣе извѣстіе показалось до того невѣроятнымъ, что Горпина была призвана къ допросу; но показанія ея какъ нельзя болѣе подтвердили разказъ. Вслѣдствіе того, на домашнемъ совѣщаніи порѣшено было, что молодой графъ съ придурью.

— Да развѣ мало такихъ, распространялася Анна Михайловна:— вонъ Ишимовъ который годъ ѣздитъ; и до сихъ поръ не знаетъ, понимаю ли я его французскую брехню; такъ и горовитъ:

неспа мадамъ? Се вре? И пошелъ: та-та-та, чи-чи-чи!

— Все жь онъ первый женихъ, кончила Юленька.

— Однако, пора обѣдать, мы не ѣмши, сказала Анна Михайловна.

— Що жь обѣдать? ничòго нема, объявила Горпина:—панночка казала ничòго не трѣба....

— Вотъ оно чтооо! такъ вотъ, отчего графъ и велъ себя такъ странно! рѣшила Анна Михайловна:—осрамила ты насъ на весь уѣздъ!

Инна отошла и сѣла къ окну.

— Когда ты будешь сколько-нибудь похожа на людей? продолжала Анна Михайловна патетическимъ тономъ.

Инна молчала.

— Когда ты будешь видѣть что-нибудь у себя подъ носомъ? Когда ты сумѣешь принять гостя? А? когда?

— Никогда, обрѣзала падчерица.

— Господи, хоть бы насъ-то пожалѣла! Что теперь графъ скажетъ! Возьмешься-ли ты за разумъ?

— За вашъ? Ни за что!

— Инна, вмѣшалась Юленька:—можно ли такъ выходить изъ себя?

— Это фраза!

— Ты хочешь быть выше всѣхъ?

— Опять фраза!

— А глаза-то какіе сдѣлаетъ, горячилась

Анна Михайловна:—вся въ отца, какъ есть, вся въ отца!

— Вѣчно всѣмъ недовольна! говорила Юленька: — чего жъ тебѣ хочется?

— Чтобы меня оставила въ покоѣ!

— Безчувственная! безчувственная! стонала Анна Михайловна.

Инна поблѣднѣла, и выпрямилась.

— Анна Михайловна! сказала она:—вы одному человѣку отравили жизнь, удовольствуйтесь! Меня вамъ не свалить. И пошла изъ комнаты.

На порогѣ ея кабинета встрѣтилъ ее Аvenirъ, забившійся туда отъ сцены.

— Инночка! отъ тебя-то ужъ я этого не ожидалъ.

— Чего? Что эти бури въ стаканѣ воды меня когда-нибудь взбѣсятъ?

— Не то, Богъ съ ними! Ты и меня забыла съ этимъ проклятымъ графомъ! Бѣсть хочется!

— Пойдемъ, я тебѣ сдѣлаю вареники....

— Душечка, прикажи Горпинѣ!

— Нѣтъ, я сама; сама!

— Инночка, вѣдь.... какже....

— Ну?

— Вѣдь ихъ въ ротъ нельзя будетъ взять!

— Лага, ісі! крикнула Инна, схватили шляпу и выбѣжала въ садъ.

IV.

ТОВАРИЩИ.

На одной изъ лучшихъ улицъ уѣзднаго городка стоялъ домъ дворянскаго предводителя. Выстроилъ онъ его по поводу новой должности и давалъ балъ по случаю своихъ именинъ. Это и было причиной скорого возвращенія Горобцовъ: имъ надо было готовить наряды.

Громадное трехъэтажное зданіе, въ глубинѣ двора-не-двора, сада-не-сада, глядѣло на улицу сквозь вызолоченную рѣшетку. Широкія плитныя дорожки шли полукругомъ отъ подъѣзда къ двумъ воротамъ. Надъ антре, украшенномъ колоннами и капителями іонійскаго ордена, поднималось нѣчто въ родѣ индійской пагоды съ чернымъ циферблатомъ, а еще выше шпиць съ гербовымъ флагомъ. Справа, ни къ селу, ни къ городу, прилѣпилась хрустальная оранжерея. Кирпичнаго цвѣта стѣны пестрѣли бѣлыми лѣпными украшеніями. На ступенькахъ крыльца лежали два льва съ чорными гривами, а по кур-

тинамъ двора, межъ кустовъ сирени, торчали деревянные статуи тѣлеснаго цвѣта съ зелеными листочками. Вечеромъ, подъѣздъ и дворъ освѣтились площадками, а деревья разноцвѣтными фонариками.

— Magnifique! magnifique! восхищалась губернаторша, выпархивая изъ кареты и шурясь передъ фронтономъ.

— Шестьдесятъ тысячъ серебромъ сталъ, ваше превосходительство, сообщалъ хозяинъ, ведя ее подъ руку на крыльцо. Кареты то и дѣло мелькали свѣтлыми полосами фонарей.

Дамы спѣшили черезъ освѣщенные, окуренные залы въ уборную, шумя шелковыми платьями. Небольшая кучка офицеровъ и львовъ губернскаго общества, съѣхавшаяся на праздникъ, держалась въ сторонѣ отъ прочихъ. Военные горделиво натягивали лайковыя перчатки и прищелкивали шпорами. Но когда вошелъ весь въ золотѣ гродненскій гусарь, и они посторонились.

— Что, видно прогрессъ прогрессомъ, а гусарь гусаромъ, острился гимназистъ, племянникъ Конона Терентьича, извѣстный въ свѣтѣ, къ крайнему его прискорбію, подъ именемъ нигилиста-Коли.

— Ужъ вы до чего-нибудь договоритесь, замѣтилъ ему другой острякъ посоліднѣе.

Въ уборной происходила конференція о томъ, кому открыть балъ.

— Конечно гусару, съ твердымъ убѣжденіемъ

емъ высказалась одна дама, отряхая пышное
гласяе.

— Qu'est ce que c'est qu'un гусаръ? возра-
зила другая:—с'est pour ainsi dire метеоръ, мель-
кнулъ и нѣтъ его; а графъ здѣшній...

— Конечно, конечно! живо заговорила третья,
отвертываясь отъ зеркала:—изъ графа легко
сдѣлать гусара, а изъ гусара графа не сдѣлаешь...

— А какой онъ оригиналь! Вообразите си-
лою врывается въ дома!

— Э, полноте, отъ кого вы это слышали?

— Мнѣ говорила Дарья Дмитриевна, а ей по
секрету сказывала Анна Михайловна...

— Ну, куда жъ вы ходите съ вашею Дарьей
Дмитриевной; мнѣ сама Анна Михайловна...

— Уйдемъ, ma chère, ради Бога уйдемъ, го-
ворила одна молоденькая дама другой:—а то
пожалуй опоздаемъ...

Мущины тоже находили, что графъ заявилъ
себя нѣсколько страннымъ образомъ. Всѣ ожи-
дали, что онъ сформируетъ вокругъ себя пар-
тію въ чаяніи будущихъ выборовъ.

— Подобно тому, какъ ни одно порядочное
свѣтило не обходится безъ спутниковъ, гово-
рилъ мѣстный философъ:—я не говорю о сво-
лочи въ родѣ Меркурія. И что же? Вдругъ та-
кое равнодушіе! До сихъ поръ ни у кого не
былъ.

Вотъ почему, какъ только появился графъ,
во всѣхъ кружкахъ поднялись толки о его на-

ружности. Въ его костюмѣ не было ничего лишняго, ни одного брилліанта, ни одной брелочки; только бѣлье необыкновенной бѣлизны и атласистое сукно бросались въ глаза. Вошелъ онъ какъ-будто въ свой кабинетъ, отыскалъ глазами хозяйку, и представясь ей довольно холодно, отошелъ къ окну поставить шляпу. Нѣсколько минутъ спустя, хозяинъ, съ подобострастною улыбкой, просилъ его открыть балъ.

Сколько сердець забилося въ ту роковую минуту, когда Бронскій пристегнулъ на одну пуговицу свой фракъ и медленно пошелъ къ хору, отыскивая достойную жертву.

Русановъ пріѣхалъ съ дядей. Старика тотчасъ завербовали въ ералашъ, а Русановъ, остановясь у дверей, обвелъ залу взглядомъ, подошелъ къ Юленькѣ и столкнулся съ Бронскимъ.

— Владиславъ! Здравствуйте! вскрикнулъ онъ.

Бронскій поклонился и протянулъ руку.

Русановъ пошелъ дальше.

— Что жъ вы хотѣли представить меня Доминову, сказалъ онъ столкнувшись съ Ишимовымъ:—онъ, говорятъ, здѣсь.

Они пошли въ дальнія комнаты къ зеленому столу, за которымъ предсѣдательствовалъ молодой человекъ, очень красивой наружности, съ живыми карими глазками, крошечнымъ крестикомъ въ петличкѣ и бакенбардами en côtelettes.

Ишимовъ почему-то сробѣлъ передъ своимъ

пріятелемъ и пробормоталъ что-то о государственной службѣ.

— Не понимаю, лаконически отвѣтилъ тотъ

— Я желалъ бы съ вами служить, вмѣшался Русановъ:—Акиндинъ Павловичъ далъ мнѣ надежду, что вамъ это не будетъ непріятно.... Кандидатъ Русановъ, поспѣшилъ онъ прибавить, видя, что Ишимовъ вкатилъ его въ не совсѣмъ красивое положеніе.

— Charmé, сказалъ Доминовъ:—Король самъ другъ и не беретъ!.. У меня есть вакансія.... Я запишу за вами три взятки... Пріѣзжайте послѣзавтра ко мнѣ; очень радъ!

Русановъ подсѣлъ къ дядѣ и сталъ смотрѣть на игру.

— Голова онъ у меня, хвастался старикъ,— административная! Въ министры мѣтитъ, бестія! Нечего на ноги-то ступать, вѣдь мѣтишь?

Русановъ сталъ бродить по залѣ прислушиваясь къ толкамъ. Всѣ были въ восторгѣ отъ графа. Губернатору онъ помогъ счесть выигрышъ; въ мужскомъ кружкѣ разказалъ самый свѣженькій скандальчикъ; ни одной дамы не оставилъ своимъ вниманіемъ. Наконецъ Русановъ ушелъ отъ нестерпимой духоты въ боскетную. Тамъ, въ глубинѣ трельяжа изъ тропическихъ растеній, стояло маленькое голубое пате, слабо освѣщенное малиновымъ фонарикомъ. Онъ помѣстился на немъ и сталъ отмахиваться платкомъ. Сперва онъ думалъ объ

Иниѣ. Потомъ его заинтересовала мысль, что ему какъ будто скучно безъ нея; онъ искалъ, на комъ-бы изъ присутствующихъ остановиться, есть ли тутъ хоть одна сродная ему личность; и все глубже давало себя чувствовать одиночество. Даже Бронскій, старый товарищъ, и тотъ не выказывалъ особенной радости при свиданіи. «Иночка помѣшалась», пролетѣло въ ушахъ Русанова. Онъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться. Ишимовъ усаживалъ Анну Михайловну такъ близко отъ Русанова, что между ними оставался только трельяжъ.

— Неужели? говорилъ Ишимовъ: — а впрочемъ она ведетъ такую странную, созерцательную жизнь, долго ли до бѣды...

— Именно. Не говоря ужъ объ огорченіи видѣть ее въ такомъ положеніи, съ ней жить опасно! У ней раздражительность какая-то стала показываться.

— О, въ такомъ случаѣ, ее слѣдуетъ удалить, нельзя же жертвовать своимъ спокойствіемъ!

— Да, какъ же это сдѣлать? Что скажутъ? Имѣніе это вѣдь ея, материнское; она скоро выходитъ изъ-подъ опеки...

— Надѣюсь, дружескія отношенія дадутъ мнѣ право быть вамъ полезнымъ. Позвольте мнѣ за это взяться. Я приглашу доктора, мы побесѣдуемъ съ ней, и если окажется серіозное поврежденіе...

— Ну-те?

— Можно представить предводителю о не способности ея управлять имѣніемъ, освидѣтельствовать на законномъ основаніи...

Русановъ торопливо прошелъ залу, сказалъ дядѣ, чтобы тотъ о немъ не беспокоился и сталъ пробираться сквозь хитрѣйшій gond, который выдѣлывали пары подъ предводительствомъ графа.

— Ахъ! крикнула одна дама, замотавшись. Русановъ подхватилъ ее, думая что съ ней обморокъ. Она глядѣла чезерьъ плечо; весь задъ платья, оторванный отъ лифа, спустился и открылъ бѣлая юпки.

— Извините, бормоталъ сконфуженный Коля.

— Медвѣженокъ!

Тотъ проворчалъ что-то и пошелъ было.

— Чтò такое? сказала та, поднявъ носикъ.

— Я говорю, вольно жь вамъ такіе шлейфы отращивать, что ходить нельзя...

— Да какъ вы смѣете? Дерзкій мальчишка!

— А вы синица долгохвостая!

— Г. Горобецъ, извольте отправиться въ гимназію и объявить дежурному надзирателю, что вы мною арестованы въ карцеръ, сказалъ подошедшій инспекторъ губернской гимназіи.

— Позвольте вамъ замѣтить, господинъ Егоровъ, отвѣтилъ нисколько не смутившись юноша, — что вы мой начальникъ только въ зданіи гимназіи, а здѣсь такой же гражданинъ, какъ и я.

Разстроившійся gond собрался вокругъ спорившихъ.

— Что такое? Что такое? раздавались голоса.

— Ну всѣ на одного, кричалъ разгорячившійся питомецъ гимназіи:— милости просимъ, я давно до васъ добирался.

— А вотъ я тебѣ уши выдеру, не стерпѣлъ инспекторъ.

— Прошу рукавъ воли не давать, отвѣтилъ тотъ, взявшись за стулъ: вы сами прозвали нигилистомъ!

— Вотъ они вредоносные-то плоды литературы, вмѣшался старый чиновникъ.

— Это вы говорите потому что я васъ въ вѣдомостяхъ обличилъ, да еще въ воровствѣ?

— Il est poli ce petit bonhomme! Нечего сказать, слышались женскіе голоса.

— Это вы говорите оттого что я не хочу съ вами ногъ вывертывать, какъ ученая собачка, или оттого что у васъ подъ шляпками вмѣсто мозговъ цвѣты на сажень торчатъ?

— Позвольте васъ спросить, милостивый государь, гдѣ вы воспитывались? сказалъ Бронскій, подойдя въ свою очередь.

— Оставьте его, шепнулъ Доминовъ:—это забавно.

— Нѣтъ, онъ можетъ повредить... также полушопотомъ отвѣчалъ Бронскій.

— Наше поколѣніе само себя воспитывало, продолжалъ Коля.

— И съ перваго раза пореть дичь, спокойно возразилъ Бронскій.— Чтò это за ваше поколѣніе? Развѣ не каждую минуту люди рождаются?

— Браво! Браво! раздалось вокругъ.

— Чтò тутъ значать лѣта? Тутъ важны одинаковыя убѣжденія....

— Значить, ничего не признавая, признаемъ классификаціи, признаемъ убѣжденія....

— А да чортъ васъ побралъ бы, крикнулъ гимназистъ и улизнулъ изъ залы.

— Молодецъ, графъ, не нынѣшнимъ чета! замѣтилъ солидный господинъ, съ большимъ интересомъ слѣдившій за этимъ объясненіемъ.

— Знай нашихъ! восхищался Ишимовъ.

Между тѣмъ хозяинъ подошелъ къ Бронскому и подалъ ему записку.

— Къ вамъ изъ Ильцовъ съ нарочнымъ, сказалъ онъ. Графъ, болтая съ Юленькой, хотѣлъ положить ее въ карманъ, взглянулъ на печать, чуть примѣтно сдвинулъ брови и отошелъ къ карсели. Между тѣмъ предводительша, велѣвъ музыкантамъ дать сигналъ мазурки, слѣдила за своимъ кавалеромъ. Бронскій разсѣянно подошелъ къ окну, взялъ шляпу, и съ письмомъ въ рукѣ вышелъ изъ залы, какъ человекъ, у котораго одна мысль поглотила всѣ другія.

Собравшіеся въ кружокъ зрители съ нетерпѣніемъ дожидались мазурки; всѣмъ хотѣлось видѣть настоящаго мазуриста. Предводительша послала Ишимова узнать, чтò же наконецъ сдѣ-

лалось съ графомъ. Тотъ вернулся и объявилъ, что графъ уѣхалъ.

— Какъ? не извинившись? Должно быть какой-нибудь несчастный случай.

— Да вѣдь у отца подагра, что жь мудреного!

На крыльцѣ Бронскому попался разстроенный Русановъ.

— Я ищу, не ѣдетъ ли кто домой. Нельзя ли вамъ взять меня?

— Къ себѣ?

— Нѣтъ только до Нечуй-Вѣтера; это по дорогѣ.

— Поѣдемте.

Погода стояла сырая, ночь темная; бывшіе товарищи прижались каждый въ свой уголь и коляска покатилаь.

— А вѣдь это Юленька очень не дурна, сказалъ графъ.

— Да, глупа только больно.

— Это-то и хорошо; залежь, новинка; что посѣешь, то и вырастетъ.

— Пожалуй чертополохъ вырастетъ...

— И то добре, нехотя отвѣтилъ Бронскій.

Русановъ сталъ закуривать папирску и освѣтилъ лицо графа. Брови сдвинуты, губы стиснуты, глаза глядятъ жестко.

— Вы все такой же, Владиславъ! Вотъ вы опять утонули въ мечтахъ; когда-то вы ихъ приложите!

— А вы свои приложили?

— Да, помните, какъ мы, разставаясь на станціи, пили наше вступленіе въ жизнь? Съ завтрашняго дня я столоначальникъ гражданской палаты.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, сказалъ графъ, отодвигаясь. Русановъ расхохотался. — А дорого вы заплатили за это мѣстечко? прибавилъ Бронскій.

— Мнѣ его далъ Доминовъ.

— Протекція, понимаю. Ну вамъ не поздоровится съ такимъ начальникомъ!

— Это отчего?

— Да такъ, видна птица по полету. Онъ, должно-быть, изъ нашихъ.

— Нѣтъ, Бронскій, давайте намъ побольше такихъ нашихъ.

— Да вы разсмотрѣли чѣмъ у него шарфъ заколотъ? Какъ вы думаете, чтò значитъ этотъ золотой топорикъ?

— Ахъ, Бронскій! Бронскій!

— Ахъ, Русановъ! Русановъ!

У околицы хуторка товарищи разстались. Графъ велѣлъ кучеру не щадить лошадей и скоро остановился у подъѣзда великолѣпнаго замка. Онъ проворно выскочилъ изъ экипажа и взбѣжалъ по чугунной лѣстницѣ.

— Если отецъ спросить, сказалъ онъ встрѣтившему его лакею: — я легъ спать.

Въ кабинетѣ у затопленнаго камина сидѣлъ человекъ въ дорожномъ платьѣ. На полу валялись плащъ, войлочная шапка и сѣдло. Рѣдкіе длинные волосы съ серебристыми нитями сѣдинъ на вискахъ, пыльное, помятое лицо и густая борода странно противорѣчили блестящимъ чернымъ глазамъ и почти пѣвучему голосу. Подъ вѣками рѣзко выступали отеки, широкіе морщины прорѣзывали лобъ, но все лицо имѣло въ себѣ что-то привлекательное. Такъ и хотѣлось сказать, взглянувъ на него: «Ухъ, братъ! да какъ же ты здорово покутилъ на своемъ вѣку! Ну да былъ молодцу не укоръ: не дешево оно и досталось тебѣ сердечному.»

Онъ приподнялся было навстрѣчу графу, но тотчасъ опустился опять и только протянулъ руку.

— Я совсѣмъ разбитъ, сказалъ онъ:— такая варварская дорога!

— Какъ вы провезли такую кучу, спрашивалъ Бронскій, разбирая на столѣ бумаги.

Тотъ указалъ на распоронное сѣдло, протянулъ ноги на рѣшетку догораваго камина и впалъ въ какую-то истому, тупо глядя на красненькія и синенькія огоньки, перебѣгавшіе по головѣшкамъ.

Графъ снялъ со стѣны географическую карту, углубился въ бумаги, чертя карандашемъ, справляясь съ картою и ворочая листы.

— Чудная сторона, Леонъ, сказалъ графъ,

отрываясь отъ занятій: — и все это наша земля....

— Пожалуй, что и наша; я по крайней мѣрѣ знаю здѣсь каждый кустикъ.

— Вы развѣ здѣсь бывали?

— Я здѣсь родился. Было время весь этотъ край на два дня ѣзды собирался подъ бунчуки моего пращура. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Пращуръ мой захохоталъ бы и плюнулъ на щедушнаго потомка. А что въ свѣтѣ дѣлается?

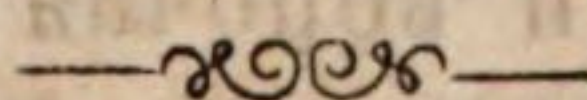
— Ничего, пока все обстоитъ благополучно. Намъ не мѣшаютъ. Я теперь у нихъ божкомъ.

— Хорошо у васъ графъ, говорилъ Леонъ, съ наслажденіемъ потягиваясь въ креслѣ: — давно я не бывалъ въ такомъ пріютѣ... Вспоминаются дѣтскіе года. Мнѣ и въ голову не приходило тогда, что зачастую придется ночевать то въ грязной корчмѣ, то въ пустой ригѣ, а то и въ степи подъ дождемъ.

— Однако вы вдаетесь въ элегію, а тутъ вотъ новости поинтереснѣй: работы предстоитъ порядочно...

— Хорошо вамъ и работать-то!

Часовая стрѣлка показывала уже четыре по полуночи. Леонъ спалъ, тяжело дыша и вздрагивая во снѣ; а графъ все сидѣлъ за бумагами; онъ налилъ себѣ стаканъ вина, оставшагося отъ ужина, и опять углубился въ свои занятія.

V.

НЕЖДАНЫЙ ГОСТЬ.

Грицько, краснощекой парень, никогда не зналъ что за штука сапоги; ходилъ онъ въ цвѣтной жилеткѣ съ мѣдными пуговками поверхъ бѣлыхъ портъ и рубахи. Онъ отличался самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ: лицо всегда гладко какъ только что выстроганная доска; сообразить что-нибудь для него было труднѣй всякаго дѣла. Напримѣръ: у Горобцевъ было заведено, чтобы дрова лежали въ сѣняхъ, вотъ и говоритъ Анна Михайловна: «Принеси дровъ...» — «Дровъ?» — «Да, дровъ...» — «Изъ сѣней?» — «Изъ сѣней.» — «Заразъ», тянетъ Грицько, точно родить свое слово. Ему, какъ и панночкѣ, очень пріятны были тѣ дни, которые Горобци проводили въ городѣ: онъ могъ спать сколько угодно.

«Отъ коли-бъ ще и вченья не було», думалъ онъ, доѣдая остатки панночкина обѣда. Одна-

ко дѣлать нечего: собралъ свои книги, вышелъ на крыльцо.

— Эге, се жъ вы и пріихали! сказалъ онъ, увидавъ Русанова.

— А гдѣ панночка? спрашивалъ тотъ.

— У школѣ, дѣтей учить.

— А у васъ есть школа? Гдѣ жъ она?

— А ось де.

Русановъ пошелъ за нимъ въ садъ и невольно залюбовался. На порогѣ старой, полуразвалившейся бесѣдки сидѣла Инна съ аспидною доской на колѣняхъ. Вокругъ нея крестьянскіе ребяташки въ рубашонкахъ, въ плахтахъ, иной въ отцовскихъ чоботахъ, кто стоя, кто сидя на травѣ, всѣ съ дешевыми букварями Золотова. Одинъ мальчуганъ, лежа на брюхѣ, старательно выводилъ грифелемъ оники, причемъ помогалъ себѣ языкомъ, высовывая его на сторону. Передъ панночкой стояла дѣвочка лѣтъ десяти, и опершись одною рукой на голову тутъ же засѣдавшего Лары, повторяла склады: «кри-ни-ця», «кре-са-ло», «ка-га-нець» писанные на доскѣ.

— Вотъ совершенно своеобразная школа, сказалъ Русановъ, подходя.

— Надѣюсь не то что ваши воскресныя, гдѣ учителя на вы съ учениками! За то какъ они у меня читаютъ! Ты лѣнтая, обратилась Инна къ Грицько, — вѣчно къ самому началу поспѣть! Ну, армія въ походъ, веселѣй, ска-

зала она, одѣлая дѣтей вишнями:—завтра хорошенько уроки готовить.

Армія не ударила лицомъ въ грязь, и выступила въ разсыпную съ пѣснями, криками, какъ было приказано. Лара кинулся со всѣхъ ногъ въ догонки.

— Чтò жь васъ вчера не было?

— А демократія-то эта съ кѣмъ бы осталась? Намъ здѣсь веселѣй!

— Я вѣдь къ вамъ по дѣлу...

— А вотъ не хотите ли прежде сдѣлать со мной обходъ по деревнѣ?

— Куда угодно.

— Ну, и прекрасно.

Она привела его въ свою комнату, достала изъ коммоды баночку съ мазью, какую-то стеклянку, нѣсколько тряпокъ.

— Держите, передавала она Русанову все это; потомъ отворила кранъ Либиховскаго аппарата, гдѣ готовился лимонадъ, наполнила графинъ и также передала ему.

— Несите за мной и постарайтесь не пускать въ ходъ извѣстной вашей ловкости...

— Посѣщеніе болящихъ?

— Да; чему же улыбаться-то? строго спросила она, накинула шляпку и пошла по улицѣ.

Вошли они въ грязную, темную хату; нестерпимая духота и вонь, какъ въ хлѣву, сразу ошибли Русанова, такъ что онъ пріостановился на порогѣ. При всемъ томъ стѣны были

чисто выбѣлены, въ печи виднѣлось нѣсколько горшковъ, и даже надъ божницей висѣло ожерелье изъ маленькихъ красныхъ тыквъ. На пологѣ подъ овчиннымъ тулупомъ охалъ старикъ.

— Що вінъ? спросила Инна у старухи, вѣроятно жены больного.

— Та усе нездужає *, зовсѣмъ смерзъ...

— Замерзъ, подумалъ Русановъ съ удивленіемъ.

Инна пощупала пульсъ у больного, передала старухѣ стклянку и проговорила со вздохомъ: «давай, какъ прежде».

— Ничего нельзя сдѣлать, грустно говорила она Русанову на улицѣ, — старику скоро девяносто лѣтъ, это просто дряхлость; а все не хочется умирать! Удивительно!

— Это ужасно, говорилъ Русановъ, — гдѣ жъ она хваленая опрятность Малоросса? Надо во что бы то ни стало развить эстетическія наклонности въ народѣ...

Проговоривъ это, Русановъ засмѣялся. Инна такъ свистнула, что хотъ любому ямщику.

— Каково жъ это! Эстетику проповѣдуетъ... Да у насъ бабки повивальной нѣтъ во всемъ околоткѣ! Эстетику! Вы бы хотъ Ивану Купалу изъ головы ихъ выбили, и то большое спасибо можно сказать; а то вотъ не угодно ли полюбопытствовать, какъ у насъ слушаются

* Боленъ.

запрещенія начальства прыгать черезъ огонь? сказала Инна, отворяя дверь въ другую хату.

На соломѣ лежала дѣвушка, лѣтъ двадцати двухъ, съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами. Большіе на выкатѣ голубые глаза ея съ безпредѣльнымъ изумленіемъ окинули вошедшихъ, и остановились на Иннѣ. Странная улыбка скользнула по губамъ, и лицо спряталось въ подушку.

— Не бійсь, Посмитюха; это я, а се братікъ мій, говорила Инна.

Дѣвушка тихо подняла голову и улыбнулась подсѣвшей къ ней Иннѣ, поглядѣла ей въ глаза, погладила по головѣ.

— Я тебе люблю, проговорила она тихимъ протяжнымъ голосомъ, достала изъ-за пазухи два яблока и подала Иннѣ. — Тото кислая; я знаю, ты любишь кислая... Что жь ты долго не приходила? Гдѣ была? Тамъ?

Дѣвушка махнула рукой на окно и улыбнулась.

Лѣтъ пять назадъ, позднею осенью, пошли крестьяне обмолачивать хлѣбъ и нашли забившуюся въ скирду дѣвочку. Она дрожала въ одномъ поношенномъ сарафанишкѣ и на всѣ ихъ разспросы только отмахивалась руками, да улыбалась, потомъ вскочила и пропала въ садахъ. На другое утро опять въ скирдѣ. «Возь-

* Обычай прыгать черезъ костры въ ночь на Ива Купалу, несмотря на запрещеніе, сохраняется во всей вобытной чистотѣ.

мать її, тетко Маруся, въ васъ нема дѣтокъ», порѣшили люди. Вдова взяла ее къ себѣ, отогрѣла, накормила и вечеромъ, присѣвъ къ постели новой питомицы, стала ей шить плахту. На утро постель оказалась пустою; потолковали люди, погорѣвала тетка Маруся «ну, знать така її доля». Глядь! къ ночи идетъ бѣглянка къ Марусѣ, сѣла за столъ, вечераетъ. Такъ и прижилась на хуторѣ; помѣщики выхлопотали ей видъ, и люди всѣ къ ней привыкли. Бывало, мужикъ рубить дрова въ лѣсу, начинаютъ на него сыпаться жолуди; онъ такъ и знаетъ, что это «Посмитюхо» взлѣзла на дерево, и только крикнетъ: «а ну, кажи піку *, не ховайсь». Изъ зелени покажется смѣющееся личико и опять спрячется. Часто мельникъ, неся кули по лѣстницѣ, заставлялъ ее на самомъ верху. Она выскакивала изъ темнаго угла и съ хохотомъ пробѣгала мимо его. «Бачъ бѣсѣвска дѣвчина, якъ злякала» **, говорилъ онъ, выходя въ окно; и бѣсѣвска дѣвчина съ ловкостью проскакивала взадъ и впередъ крыльевъ вѣтряка. А тамъ была, на три. Такъ и ка, віткіля». Голымъ нарѣчіемъ: вовсе непонятныя хозяйству. Старая

Маруся подзоветъ ее бывало, и долго толкуетъ какъ хлѣбы мѣсить; та стоитъ, смотритъ, поворачивая голову съ боку на бокъ, улыбаясь,—вдругъ щелкнетъ пальцами, прыгнетъ на порогъ; только ее и видѣли. А какъ осенью налетаютъ маленькія пичужки, называемыя въ народѣ «посмитюхами», и бѣгаютъ по грязи съ маленькимъ пискомъ, кивая на ходу бѣленькими головками, то хуторъ такъ и прозвалъ ее «Посмитюхой».

— Ну, теперь покажи ногу, говорила Инна, что, небого, небось упрыгалась.

Посмитюха выставила изъ-подъ одѣяла обернутую въ холстъ ногу. Инна стала ее разбинтовывать. Русановъ тоже подошелъ, но не могъ удержать конвульсивную гримасу, увидавъ на грязномъ тѣлѣ красную рану обжога.

— Дайте мазь; да не падайте въ обморокъ, сказала Инна, замѣтивъ его отвращеніе, и принялась намазывать на тряпки.

— Вотъ это ей питье, передала она Марусѣ графинъ: — да не давайте ей вставать; разбередитъ, такъ и безъ ноги останется... Ну, теперь я къ вашимъ услугамъ, обратилась она къ Русанову, и взявъ его подъ руку, вышла на улицу.

— Однако, сказалъ тотъ, — нужно много смѣлости, чтобы брать на себя отвѣтственность въ такихъ важныхъ случаяхъ, гдѣ и докторъ не всегда успѣшно дѣйствуетъ...

— Впервыхъ народъ докторамъ не вѣритъ, а я еще и не на такія штуки поднимаюсь. Какъ-то тутъ обварили мальчика кипяткомъ: вся кожа со спины слѣзла; докторъ приказалъ обложить ватой; стали прикладывать—кричитъ, просить холодной воды. Я его посадила въ ванну—боль унялась; какъ только вышелъ, опять кричитъ. Такъ я его цѣлую недѣлю въ ваннѣ и продержала, а потомъ *ceratum simplex*, и какъ рукой сняло.

— Какъ вы должны быть счастливы въ такія минуты, восторженно сказалъ Русановъ, пожимая ея руку.

— Вы думаете? задумчиво проговорила она, и вдругъ, что всегда поражало Русанова, голосъ ея зазвучалъ нотой, близкою къ отчаянію. — Все бесполезно! Все напрасно! Ни къ чему не ведетъ...

— Ну, сказалъ Русановъ, — такъ вотъ о чемъ я пріѣхалъ говорить; я вчера подслушалъ заговоръ...

— Вотъ какъ! Я замѣчаю это у васъ обращается въ привычку...

— И прекрасно, сказалъ онъ, —это касается васъ...

— Тѣмъ хуже, я и слушать не хочу; если вы заговорите, я убѣгу; а вамъ меня не догнать...

— Но, послушайте, сказалъ Русановъ, засмѣявшись этому тревожному потоку словъ:

— если вамъ будетъ бѣда, или по крайней мѣрѣ большая непріятность...

— Вамъ-то какое дѣло?

Онъ потупился было, но тотчасъ же поднялъ на нее глаза.

— Не смотрите на меня такъ пристально, проговорилъ онъ: — я не могу привыкнуть къ вашему взгляду.

— Ага, то-то!

— Да вѣдь больно, коли ни за что ни про что не довѣряютъ ..

— Ну, миръ, сказала Инна, подавая ему руку:—это у меня тоже дурная привычка; теперь мнѣ ужъ трудно отстать, не обращайтесь вниманія. Одно только скажите, кто это злоумышляетъ противъ меня?

Русановъ назвалъ мачиху и Ишимова.

— Достойные союзники! Желала бы я знать что я имъ сдѣлала?

Они шли нѣсколько времени молча.

— Когда-то и я жила въ вашемъ свѣтѣ; опротивѣло мнѣ, заперлась дома; и тутъ страхи да ужаси! Куда жъ бѣжать? На какой благодатный островъ? Впрочемъ, что-жь это я васъ поучаю... Вамъ еще жить хочется.

— Я думаю, возразилъ Русановъ.

— А все хотя изъ любопытства желательно бы знать, что это васъ такъ привязываетъ къ жизни?

— Развѣ у меня не можетъ быть привязанности?

— У васъ? Полноте!

— Вы думаете, я не способенъ?

— Вы? Полноте!

— Инна Николаевна! Вы вотъ смотрите на меня, да только и говорите, что полноте; а есть ли какая-нибудь возможность выдаваться такъ, чтобы вы этого не сказали? Чѣмъ же я виновать, что это случается только въ романахъ, да еще въ тѣхъ что Бѣлинскій велитъ Ванькѣ по субботамъ читать...

— Не горячитесь, подите! Какое у васъ смѣшное лицо!

— Ну, вотъ видите!

— Что видѣть-то? Вовсе не то. И теперь можно; только это труднѣй чѣмъ боксомъ дѣйствовать.

— Мы когда-нибудь поговоримъ объ этомъ, а теперь...

Онъ началъ отвязывать отъ крыльца свою лошадь;—я завтра уѣзжаю въ губернію...

— Что у васъ служба, что ли?

— Служба. Прощайте, сказалъ онъ, взявъ ее руку,—вспоминайте иногда, а я....

Она посмотрѣла на него серьезно.

— Я все-таки лучше объ васъ думала, тихо проговорила она.

— Какъ такъ? озадачился онъ.

— Я не думала, чтобъ и вы пошли по изби-

той колеѣ. Неужели нельзя пробить свою тропинку?

— Вотъ что! Ну это точно, какъ вамъ сказать вѣрнѣе, выше или ниже силъ... Помните, Лермонтовъ говоритъ, что живетъ, точно читаетъ дурной переводъ книги, послѣ оригинала? Да, горько, когда жизнь разбиваетъ всѣ мечты, а намъ и того хуже; мы опытны....

— То-есть?

— То-есть, у насъ и мечты-то никакой нѣтъ, нечѣмъ и въ молодости-то было скрасить дѣйствительность.

— А лазѣйку нашли, гдѣ можно ничего не дѣлать? Странно!

— Инна Николаевна, да кто жь мнѣ мѣшалъ жить въ Москвѣ, сложа руки? Тамъ у меня и домъ есть и доходъ порядочный. Нѣтъ, это мое убѣжденіе, только такъ и можно что-нибудь сдѣлать; все остальное безсильно....

— Ну, помогите мнѣ написать въ *Искру* стихи. Начнемъ такъ:

Не хочу я служить Аполлону,
Навѣваетъ онъ дикую чушь,

а окончимъ:

И въ объятія слѣпыя Фемиды
Отдаются горячей душой.

— Некогда, некогда, говорилъ Русановъ, усаживаясь на дрожки.

— Пхе! подумала Инна, глядя ему вслѣдъ.
И у этихъ добровольныхъ бываютъ вспышки!

Тоже, поди, чай и любвишка есть, и честишка водится; и проживетъ, не пропадетъ.

Вечеръ былъ душный, солнце садилось въ сухомъ туманѣ, называемомъ у мѣстныхъ жителей вьюгой. Черное облако мошкары вилось высоко надъ деревьями. Инна подсѣла къ окну и развернула книгу, но ей не читалось. Мысли, одна другой безотраднѣй, шли водоворотомъ въ головѣ. Наканунѣ у ней опять была стычка съ Анной Михайловной. Той почему-то хотѣлось, чтобы падчерица ѣхала на балъ. Стали одѣваться; то не такъ, другое не такъ, ничего ты не умѣешь сдѣлать. Принесли раскаленные щипцы, и хотѣли припекать ея волосы. Она вскочила со стула и наотрѣзъ отказалась отъ поѣздки. Зачѣмъ чужой хлѣбъ отбивать? Безъ меня много найдется тряпичницъ. Анна Михайловна не замедлила принять это на свой счетъ, и пошла потѣха. Все это было очень смѣшно, но тѣмъ не менѣе невыносимо; цѣлая жизнь впереди съ періодическими грибными дождями. Продать имѣніе? Уѣхать? Но куда же? Будетъ ли она кому-нибудь нужна? А здѣсь все-таки что-нибудь есть, да и привыкла она... Утомленная безконечною вереницей предположеній, она задремала и погрузилась въ то полусладкое, полуапатическое забытье, которое всегда слѣдуетъ за головою бурей. Часы мѣрно постукивали маятникомъ, сверчокъ уныло покрикивалъ въ пе-

чкѣ. Лара протяжно храпѣлъ, взлаивая во снѣ и перебирая лапами по ковру. Вдругъ ей почудилось, кто-то пробѣжалъ подъ окномъ и что-то упало ей на колѣни. Она открыла глаза и удивилась, что такъ долго проспала. Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло, на платѣ у ней лежала записка.

«Что за нѣжности въ деревнѣ? подумала она, зажигая свѣчу, и пробѣгая начерченные карандашемъ строки. Вдругъ она поблѣднѣла, схватила свѣчу, проворно обѣжала комнаты и опрометью пустилась назадъ. «Онъ! Онъ!» шептала она, прислонясь къ окну и колеблясь, какъ бы собирая силы; потомъ три раза хлопнула въ ладоши.

Въ темныхъ кустахъ слышались торопливые шаги: человекъ, закутанный въ плащъ, перелѣзъ подоконникъ и подошелъ къ ней. Она кинулась къ нему на шею, несвязно лепеча: «Леня!... Ты!... Милый ты мой!» Онъ поцѣловалъ ее съ нѣжностію; по щекѣ его катилась слеза. Водолазъ поднялся съ ковра, съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на нихъ, и глухо зарычалъ, не зная, на что рѣшиться.

— Лара! окликнулъ Леонъ.

Собака насторожила уши, скосила голову на бокъ и вглядывалась.

— Лара, Лара! убѣждалъ тотъ.

Водолазъ обнюхалъ его, кинулся лапами на плеча и лизнулъ его въ лицо, махая хвостомъ.

Потомъ, будто дѣло сдѣлалъ, улегся у ногъ и сталъ глядѣть въ глаза.

Леонъ обернулся къ Иннѣ; тихая радость разлилась по его лицу. Она усадила гостя и обвила его шею руками.

— Живъ? Здоровъ? заглядывала она ему въ глаза.

— Какъ видишь....

— Негодный, въ два года ни строчки.... Я даже завираюсь отъ радости, а право я думала, ты умеръ....

— Нѣтъ, не умеръ, да что толку....

— Леня, ты все также несчастливъ? Надо чего-нибудь? Денегъ?

— Не нужно ли тебѣ....

— Такъ ты разжился? Милый мой, я все не опомнюсь.... Какъ много разказывать!... Ну, скорѣй.... Какъ живешь, можешь? Гдѣ? Помирися ли? Ну, хоть немного?

— А совѣсть?

— Ну, и славно, Леня, славно! И я не мирюсь.

— Все-таки лучше!

— Ластовка ты моя! Какъ же долго я тебя не видала. И она опять поцѣловала его.

— Какъ ты похудѣла! Они тебя замучаютъ.

— Какже не такъ! Ахъ, Леня, Леня! Гдѣ жъ они ти люде, дѣ ти добри, що хотѣлось зъ ними жити, ихъ любити? Какъ это они непримѣтно закутались?

— Милый ты мой сумасбродъ!

— Нѣтъ, давай поговоримъ, какъ въ старину, въ счастливые дни, помнишь? Ты теперь одинъ только и поймешь меня.... Его нѣту....

— Слышалъ, проговорилъ Леонъ опавшимъ голосомъ, — и можетъ-быть.... передъ смертью онъ....

— Нѣтъ, нѣтъ быстро перебила она: — онъ простилъ тебя.

— Простилъ? вскрикнулъ Леонъ, и глаза его засверкали: — онъ простилъ меня и за себя и за тебя?

— Я рыдала передъ нимъ, я умоляла его, не уносить ненависти, хоть къ тебѣ; я ему говорила, что видно уже не судьба сбыться нашимъ надеждамъ. Я заклинала его смириться передъ этимъ непостижимымъ, чѣмъ-то страшнымъ что все по своему ломаетъ. Отецъ.... Нѣтъ, не могу...

Голосъ ея оборвался, она зарыдала и спрятала голову на груди Леона.

— Ну, полно, полно, говорилъ онъ съ испугомъ, лаская ее.

— Ничего.... оставь.... улыбалась она сквозь слезы — Мнѣ хорошо. Ты не знаешь, какъ этого давно не было со мной.... Пройдетъ....

— Спасибо тебѣ, говорилъ Леонъ, — и мнѣ теперь легче; лучше о себѣ разкажи; ты вѣдь съ нимъ въ Петербургѣ жила послѣднее время....

— Онъ не могъ выносить этого чистилища. Я съ нимъ уѣзжала, я и привезла его оттуда

въ засмоленномъ гробу. Вотъ онъ тутъ подь окномъ и похороненъ.

— Ну, будетъ объ этомъ. А твоя комнатка ничуть не измѣнилась, проговорилъ Леонъ, подходя къ комоду, — только вотъ это-то новое.

Онъ снялъ полотняный чехолъ, подь нимъ оказался фантомъ человѣка изъ папье-маше, съ красными, синими жилками, бѣлыми нервами.

— Да, это новое, усмѣхнулась она:—это я то же изъ Петербурга вывезла; тутъ вся ихъ и мудрость! Смотри, отойди лучше, того и гляди обругаетъ да еще ударить.

Леонъ засмѣялся.

— Да ты не шути этимъ... Я еще и не тому тамъ, въ Петербургѣ, выучилась... Ты можеть-быть думаешь, что ты свободное существо, а ты просто физико-химическая машина. Чтò? Небось языкъ хочешь мнѣ высунуть? Какъ же не такъ. Это вонъ электричество изъ той тучи подѣйствовало на твой мозгъ, и онъ передалъ языкоглоточному нерву....

— Инна, чтò у тебя за порывы? Это меня беспокоить, право.

— Ничего мнѣ давно такъ хорошо не было.... Ты думаешь, я вру? Это не ты думаешь, это фосфоръ въ твоёмъ мозгу отдѣляетъ мысль. Что за безобразіе! вскрикнула она, толкнувъ фантомъ.

Тотъ закачался, тяжело стукнулся на комодъ, нѣсколько кусочковъ свалилось на полъ.

— Зачѣмъ же ломать? Вѣдь это, я думаю, дорого?

— Два семейства цѣлый годъ сыты будутъ этою дрянью. Нѣтъ, слушай Лenea: въ самомъ дѣлѣ, ѣсть, пить, расти, дряхлѣть, разсыпаться, тутъ и все?

— Да будетъ тебѣ....

— Нѣтъ, это трусость, это остатки глупыхъ надеждъ. Стоить рѣшиться, да и кинуться.

— Вотъ я и кинулся! Пока ты тутъ съ книгами, да съ этою дрянью возилась, я перебывалъ и въ раскольничьихъ скитахъ, и въ цыганскихъ таборахъ, корчемничалъ, у контрабандистовъ на Прутѣ годъ прожилъ. Чтò жъ ты думаешь, есть въ этомъ хоть капля поэзіи? Сволочь!

— Нѣтъ, Лenea, люди правы! Съ нами имъ житья не было бы. Вспомни ты, кто въ нашей семьѣ кончилъ путнымъ? То энергія безъ удержу, точно нефть горитъ въ жилахъ, то апатія до самоубійства, или до сумашествія....

— Не кощунствуй, смѣясь говорилъ Леонъ: —ты и меня въ отчаяніе приведешь.

— О, о! Я еще тебя твоимъ любимымъ вареньемъ угощу.

Она достала банку и, откупоривая, шутливо продекламировала ему: «о, наша жизнь, гдѣ сладко лишь варенье», «Гдѣ вечеромъ опасно такъ ходить». Ну, а теперь гдѣ жъ ты живешь? «Птичка Божія не знаетъ»...

— Нѣтъ, я почти осѣдлымъ сталъ.

— По какому виду? Или ты ихъ самъ выдаешь?

— Мало ли насъ безвидныхъ-то! Всѣхъ не переловишь; кто поумнѣй и самъ не попадается.

Они стали говорить такъ тихо, что въ комнатѣ стало слышно какъ шелестилъ вѣтеръ въ темной листвѣ сада и тамъ, гдѣ-то въ глуши, перекликались сычи.

VI.

ЗАКАЗЪ.

Невесело глядитъ уѣздный городишка южной полосы,—особенно подальше отъ центра его, гдѣ на двухъ, трехъ улицахъ, да на грязной площади сбились присутственные мѣста, лавки, двѣ церкви, а иногда и одна, и каменные дома зажиточныхъ обывателей. Чѣмъ ближе къ чертѣ города, тѣмъ кривѣй и тѣснѣй становятся улицы; въ дождливую погоду немощеный черноземъ растворяется въ жидкое мѣсиво съ заплывшими колеями воевъ. Раздолье цѣлымъ стадамъ свиней, которыя публично занимаются своими дѣлами; хаты покривились, крыши почернѣли, людей не видишь. Если невзначай въѣдешь въ предмѣстье, такъ и не узнаешь что городъ. Гремить столичная печать противъ татарщины и лѣни провинціаловъ, поучаетъ ихъ дѣятельности, мощенію мостовыхъ, освѣщенію газомъ, посыпанію тротуаровъ пескомъ и разнымъ хорошимъ вещамъ. Сидятъ провин-

ціялы по темнымъ угламъ, охотятся по-праздникамъ на дикихъ утокъ въ чертѣ роднаго города, въ темныя ночи пробуютъ относительную плотность лбовъ и столбовъ, изрѣдко утонетъ какой-нибудь пьяница въ невылазной грязи. И нѣтъ имъ дѣла до столичной печати, что такъ краснорѣчиво сулитъ журавля въ небѣ

По одному изъ переулковъ, выходившихъ на живописную природную набережную узенькой рѣчонки, пробиралась старуха, тяжело шлепая по липкой грязи развалившимися башмаками. Крехтя наклонилась она къ землѣ, подняла чурку и морщинистое лицо просіяло. Она положила находку въ фартукъ, юркнула, сгорбившись въ калитку и вошла въ небольшую комнату, перегороженную еще пополамъ. Молодой парень прилежно строгалъ доску у единственного окна и загораживалъ свѣтъ. Старуха завозила въ печкѣ, шаря по холодному поду. Парень взглянулъ на нее, тряхнулъ подстриженными въ скобку волосами и еще проворнѣе заработалъ фуганкомъ.

— Что жь, матушка? не выгораетъ? спросилъ онъ немного погодя, словно нехотя.

— Эко горе, эко горе, зашамшила старуха: — всю улицу избѣгала... Просила ужь хоть двугривеннаго всего на два дня до получки. Ни у кого нѣтъ. Арсениха вчера и курицу свою на базаръ снесла...

— Ну не бѣда, пока есть лебеда, похлѣбаемъ и ее, молодцовато сострилъ парень.

— То-то не бѣда! Изморилась я на тебя гляючи; шутка-ль другая недѣля, все квасъ да квасъ! Какая тутъ работа на умъ пойдетъ?...

Парень сильно пустилъ фуганокъ, вырвалъ длинную стружку, бросилъ ее на полъ и сѣлъ за столъ, подгорюнившись. Худощавый овалъ лица его съ темными глазами носилъ отпечатокъ той думы, которую сплошь и рядомъ встрѣчаешь у рабочаго люда. Чувалась въ этомъ взглядѣ живая русская сметка, туманился онъ слегка дѣйствительнымъ горемъ, нуждой безысходною; да и не безъ гордости глянулъ бы онъ въ глаза вамъ, готовясь отпустить мѣткое словцо, не то на вашъ счетъ, не то въ пику усиленной судьбѣ. Онъ засучилъ рукава засаленной ситцевой рубахи, утеръ капли пота на лбу, перетянутомъ ремешкомъ, и принялся хлѣбать приготовленную матерью тюрю съ лукомъ и квасомъ. Старуха покачивала головой, да приговаривала вполголоса.

— Да полно жь, матушка! Было бѣ о чемъ! дасть Богъ поправимся... Вотъ братишка подростетъ, изъ ученья выйдетъ, вмѣстѣ захозяйничаемъ; знамо, одному не сподручно...

— Охъ, дитятко! Гляди-ко-сь выйдетъ ли еще твой Алешка-то... Заколотить его этотъ людоѣдъ, прости Господи...

— Этого нынче не велятъ...

— Не велятъ, да быють, родимый... —

— Нѣтъ, нынче строже стало, а безъ этого нельзя. Меня небось не заколотиль... —

— То-то ты и жирный такой!

— Ну, что объ этомъ толковать! Откроемъ тогда по маленьку свое заведеніе. И тебѣ матушка помощница будетъ... Право, заживемъ...

— Гдѣ жъ ты ее возьмешь-то? говорила старуха, внезапно веселѣя и лукаво поглядывая на сына.

Тотъ молчалъ, глядя въ чашку.

— Нынче невѣсты-то больно спѣсивы стали, продолжала старуха: — развѣ на селѣ какую возьмешь.

— Мало ихъ что ли! возразилъ сынъ съ легкимъ оттѣнкомъ досады въ голосъ: — вонъ хоть Аленку взять, опять же можно и другую.

— Какую жъ такую другую-то?

— Да чѣмъ же тебѣ Аленка-то не любя? говорилъ парень, наклоняясь къ краяхъ.

— Люди говорятъ, не поидеть она за тебя, Аленка-то, трунила старуха.

— Говорятъ, гдѣ наварятъ, а у насъ съ тобой вонъ какое варево-то!

Видно было, что мать и сынъ совершенно понимали другъ друга; это было своего рода кокетство, заигрыванье.

Подъ окномъ застучали колеса и легкая коляска, пробираясь въ колеяхъ, остановилась у калитки.

— Эна! Неужто къ намъ? удивлялась старуха.

— Эва! Какую ворону занесло! ухмыльнулся сынъ.

Вошелъ Бронскій. Хозяева переглянулись и поклонились.

— На силу, братъ Григорій, нашелъ тебя, заговорилъ графъ, опускаясь на лавку. — Хлѣбъ да соль!

— Нешто вы меня знаете, баринъ?

— А ты говори: «хлѣба кушать!» Я не откажусь...

— Пожалуйте, баринъ, да ужь не судите, ѣда у насъ самая такая, конфузилась старуха.

— Ничего, мы не брезгаемъ, не чиновные... Онъ хлѣбнулъ раза два предложенною ложкой, но такой ѣды видно не ожидалъ, поморщился....

— Чтò жь ты сталъ, Григорій, садись! А то и я встану вѣдь....

— Ничего-съ, постоймъ.

— Садись знай!

Мастеровой присѣлъ на лавку, какъ-то неловко крикнувъ. Ему почему-то казалось, что баринъ надъ нимъ подтруниваетъ.

— Вотъ чтò, заговорилъ Бронскій, доставая бумажникъ:—можешь ты мнѣ сдѣлать станокъ вотъ по этому рисунку? Онъ вынулъ бумажку съ чертежомъ литографнаго станка.

Рабочій окинулъ взглядомъ чертежъ.

— Можно-съ, отчего не сдѣлать? Былъ бы рисунокъ да размѣръ....

— Ну такъ вотъ такихъ три станка, хорошаго дубоваго дерева.... Не спѣши дѣлать, чтобы послѣ не чинить. За цѣной я не постою.

Глаза у рабочаго заискрились.

— Это все можно. Зачѣмъ же намъ охулку на руку класть. Будетъ въ лучшемъ видѣ-съ.

— Какой у тебя взглядъ славный!

— Взглядъ-съ? усмѣхнулся рабочій.

— Ну, такъ дѣлай.

— Это точно-съ, заговорилъ тотъ въ смущеньи:—то-есть теперь матеріалу много пойдетъ, а пора трудная...

— Денегъ нужно? Ты такъ и говори, сказалъ графъ, вынимая красненькую:—вотъ покупай что нужно; послѣ сочтемся.

— Благодарители вы наши! Какъ намъ за васъ Бога молить? заговорила старуха.

И парень повеселѣлъ.

— Не надо, сказалъ Бронскій.—Мы попросту, мы за васъ стоимъ, а не за сильныхъ; и вы за насъ держитесь...

— Кого жъ намъ и держаться, какъ не давальцевъ, вступился парень:—извѣстно, кто честно расплатился, тому и мы всею душой....

— Дѣла-то твои, я вижу, не больно хорошо идутъ, ласково говорилъ графъ.

— Гдѣ хорошо идти! Такъ кое-какъ перебиваемся. Гдѣ большой хозяинъ, да много работ-

никовъ, всѣ туда и даютъ.... Опять же машины эти....

— А я вотъ видишь къ тебѣ; ты только насъ держись, мы друзья народу, мы и отъ богатыхъ васъ избавимъ.... Всѣмъ будетъ хорошо....

— Такъ-съ, нашелся отвѣтить мастеровой. — Вотъ этой штуки я не понимаю: въ колесѣ этомъ значить ободка не надѣть? Однѣ спицы во втулкѣ?

— Однѣ, однѣ; и покрѣпче ихъ надо вдѣлать; ихъ во всѣ стороны вертѣть будутъ....

— Это, примѣрно, машина такая?

— Да, если кто спросить, такъ и скажи: машина, моль, масло жать. У тебя она скоро поспѣетъ?

— Да черезъ недѣлку, не ближе.

— Ну, ладно, я заѣду. А лучше ты побереги ее отъ чужаго глаза-то, а то сосѣди переймутъ, она привилегированная....

— Не извольте беспокоиться, никто не увидитъ.

— Вижу, ты малый смысленый. Ты изъ какихъ?

— Господина Ишимова человѣкъ былъ, въ Москвѣ обучался, теперь извѣстно.... свобода-съ.

— Мнѣ бы съ тобой покорооче хотѣлось сойтись! Ты мнѣ жизнь свою расскажешь...

— Жизнь-съ? усмѣхнулся Григорій: — какая-жь наша жизнь....

Послѣдовало молчаніе. Графъ вертѣлъ шляпу, взглядывая на Григорья изъ подлобья. Тотъ ломалъ голову, чего баринъ не уѣзжаетъ? Можетъ тутъ что-нибудь сдѣлать надо.... А кто его знаетъ! Извѣстно, кабы свой братъ, въ трактиръ свести, чайкомъ попоить, хоть и на его жь деньги....

— Да, такъ мы еще поговоримъ, торопливо заговорилъ графъ:—ты такъ и другимъ скажи, коли кому нужда будетъ, пусть ко мнѣ идутъ; у меня работа найдется....

— Зачѣмъ-же-съ? Если ужъ вашей милости моя работа понравится, такъ не оставьте....

— Ну, все-таки.... Я васъ всѣхъ люблю.... Вы труженики... А эти что обираютъ васъ, не долго напануютъ....

Хозяева съ низкими поклонами проводили богатаго барина до коляски.

— Не надо, не надо, говорилъ онъ:—не студи-тесь....

Коляска покати-лась.

— Чудной баринъ! проговорилъ Григорій.

— Такъ-то, соколикъ, радовалась старуха:—голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ....

— Это кто говоритъ! А баринъ чудной! Взглядъ вишь пондравился? Совсѣмъ на барина не похожъ, ровно онъ къ тебѣ подлащивается....

— А-а-ахъ! Свѣтики! Глянь-ко, это онъ свой бумажникъ забылъ... Какъ же такъ, надо бы

добѣжать, воротить надо; гляди, како дѣло! всхлопоталась старуха.

— Гдѣ жь его теперь искать? Самъ пріѣдетъ... Какая штука! Работа, надо быть, нѣмецкая! Поди рублей двадцать одна стòитъ... А денегъ-то въ ней, я чай...

— Не тронь, Гриша, еще вернется неравно.

— Ничего, поглядѣть можно; чай онъ имъ счетъ знаетъ! И не сочтешь, все красненькія, да сѣренькія.... Эхъ, хоть бы четвертушку, сейчасъ бы заходяйничали, и вывѣску повѣсили бѣ золотыми литерами: столяръ Григорій Орудный! На, матушка, убери подѣ божницу, ажъ глядѣть противно. Отъ богатыхъ, говоритъ, избавлю, а самъ-то чтò!

Онъ сѣлъ за столъ и принялся разсматривать рисунокъ. Вошла дѣвушка въ полугородскомъ нарядѣ, въ шубейкѣ, съ платочкомъ на головѣ, помолилась и обратилась къ хозяйкѣ.

— Я, тетушка Ѳедосьевна, по сосѣдству зашла... Вамъ денегъ нужно было?

— И чтò ты, красавица, нѣтъ!... Такъ я говорила, примѣрно... У мово сына деньги водятся, онъ не шалопутный какой!

— То-то, а то у меня возьмите.

Парень ужъ чертилъ рисунокъ въ большомъ размѣрѣ, и, будто тутъ только слышавъ приходъ гости, поднялъ голову...

— Аленѣ Тимоѳеевнѣ наше почтенье! проговорилъ онъ, — садитесь, гости будете...

— Здравствуйте, Григорій Сидорычъ, отвѣтила та, потупившись и прикрываясь рукавомъ. Подошла къ столу и заглянула въ бумагу.

— Работу получили? спросила она просто.

— Получилъ, благодареніе Богу. Ваши всѣ ли здоровы?

— Живутъ помаленьку. Что жъ это будетъ?

— Кто ее знаетъ, не женское дѣло. Матушка, надо бы самоварчикъ поставить....

— Нѣтъ, заговорила дѣвушка:—коли для меня, не надо; я на минуту...

— Куда, мать моя, сама-то я больно охоча, не могу ужъ безъ этого зелья теперь, прилыгала старуха.

— Вотъ, матушка, размѣняй, сказалъ Григорій, вынимая изъ-за пазухи красненькую.— Кажется чай-то весь у насъ...

Кто бы подумалъ, глядя на степенно-важныя лица молодыхъ людей, что у нихъ все полагено ужъ межъ собою и ждутъ они только поправки въ дѣлахъ, чтобы завестись своимъ домкомъ!

Какъ только старуха мелькнула мимо окна, Григорій подвинулся къ стоявшей возлѣ него дѣвушкѣ и обнялъ ея талію. Она глядѣла въ окно, покраснѣвши; чуть замѣтная усмѣшка блуждала на губахъ. Онъ сталъ притягивать ее къ себѣ, она защищалась локтемъ.

— Не трожьте, не балуйте, шептала она.

— Любъ я тебѣ, Леня? Любъ что ли?

Она повернула къ нему запылавшее лицо и такъ и впиалась въ губы....

Въ ту же минуту дверь сильно распахнулась, вошелъ Бронскій, блѣдный, съ встревоженнымъ лицомъ. Дѣвушка, какъ испуганная птичка, отскочила въ сторону; Григорій смѣшался, но графъ ничего не замѣчалъ.

— Не обронилъ ли я тутъ бумажника? растерянно говорилъ онъ:—тамъ деньги... деньги...

— Здѣсь-съ, оправился рабочій:—цѣлы всѣ...

И вынесъ ему бумажникъ.

Графъ торопливо открылъ его дрожавшими руками, еще проворнѣй пересмотрѣлъ всѣ отдѣленія, и насилу успокоился...

— Ты честный человѣкъ, Гриша, проговорилъ онъ:—я не ожидалъ...

— То-есть какъ-съ?

Графъ выложилъ всѣ деньги изъ бумажника и подалъ ему.

— Это тебѣ на разживу; смотри, никому не сказывай!

Григорій глядѣлъ на него, выпучивъ глаза.

— Ты тутъ ничего не читалъ? спросилъ графъ, пытливо на него посматривая...

— Зачѣмъ же-съ? За чтò же это баринъ?

— Ну, прощай! прощай! крикнулъ Бронскій, уходя.

Все это произошло такъ скоро, что мастеровой рѣшительно не могъ придти въ себя. Дѣвушка даже и не поняла ничего съ испугу.

— Матушки, денегъ-то сколько? говорила она, опомнившись;—рублей триста будетъ...

— Рехнулся онъ что ли? засмѣялся мастеровой:—то деньги подай, то ужъ и не надо стало. Ну, матушка, крикнулъ онъ входившей старухѣ, — знать мы съ тобой въ сорочкѣ родились... Спрашивай скорѣй, пойдеть ли за меня. Такую заведенію открою! И машины будутъ! Старуха стала креститься.

VII.

НАСЛѢДСТВО.

— Богъ съ тобой, говорилъ старый майоръ племяннику:—тебѣ видно скучно со мной, старикомъ...

Русановъ намекнулъ ему, что не хочетъ быть ему въ тягость, особенно въ такое время, когда доходы и безъ того уменьшились.

— А вотъ видишь, вотъ ужъ и не хорошо, Володичка! Гордость смертный грѣхъ! На нашъ вѣкъ съ тобой хватить, дружочекъ.

— Да не въ томъ дѣло, дяденька...

— А я было какъ привыкъ-то къ тебѣ! Сына роднаго такъ не любилъ! говорилъ майоръ, забывая, что у него такого предмета и въ заводи не бывало.

— Дяденька, говорятъ, люди нужны; упрекаютъ, что никто не хочетъ служить.

— Да, послушай, дружочекъ, попробовалъ еще

возразить майоръ, — съ какими ты еще людьми сойдешься, оцѣнять ли?

— Точно я красный товаръ! смѣялся Русановъ.

И майоръ захотѣлъ поѣхать съ племянникомъ. Увязали въ чемоданы всю движимость Русанова. Толстая Стеха, ключница, сама укладывала на дорогу пироги, цыплятъ. Обывательскія живо помчали родичей. Тряская жидовская бричка скоро укачала майора. Онъ долго кивалъ головой, наконецъ, опустился на подушки и заснулъ, а Русановъ глядѣлъ на окрестности, медленно уплывавшія за бричку. Напомнили онъ ему движущуюся картину Миссиссипи, видѣнную въ Москвѣ почти ребенкомъ, и мало-по-малу, не званое не прошеное, стало ему приходить на память прошлое. Вотъ онъ кудрявый, краснощекій бутузъ бѣгаетъ по двору въ красной рубашонкѣ, и съ любопытствомъ разглядываетъ старый, обросшій мохомъ заборъ. «Это няня, что?» — «Это паукъ-коси-сѣно, оторвать ему ногу, онъ все будетъ косить.» И ребенокъ спѣшитъ оторвать ногу, и долго носитъ ее на ладони, любуясь странными движеніями. Вотъ красный мундиръ гимназиста, шапка на затылкѣ, отважно шлепаетъ по лужамъ съ портфелемъ подъ мышкой, а уличные ребятишки никакъ не хотятъ признать мужа науки и выражаютъ плебейское негодованіе громкими криками: «красная говядина!» До нихъ ли ему, когда въ головѣ рѣшается Пифагорова теорема! Вотъ университетскій

садъ, шумитъ кружокъ синихъ воротниковъ. Господинъ Пшиндишкевичъ, носящій бакенбарды и потому считающійся отчасти передовымъ, становится на дерновую скамью, опирается на суковатую палку, и громко читаетъ адресъ почтительному: «Мы нижеподписавшіеся обязываемся заставить начальство дать отчетъ, за что оно погубило будущность Лжемпиковского, исключивъ его изъ студентовъ...» — «Господинъ Русановъ, говоритъ Вшисцинскій, вы, конечно, не подпишетесь?» — «Развѣ медалисты подписываются? Ихъ дѣло въ передней ректора торчать», говоритъ Лжемпиковский. — «О, если такъ, господа! чтобъ доказать вамъ, я готовъ», говоритъ герой, и подписываетъ адресъ. Большинство благоразумныхъ разрываетъ его. — «Господа», говоритъ Русановъ, «вы играли моею фамиліей, моею будущностью, слишкомъ безцеремонно; позвольте же выразить мое презрѣніе къ этой комедіи!» — «Господинъ Русановъ,» говоритъ Пшиндишкевичъ, заходя къ нему въ домъ: «вы должны мнѣ дать удовлетвореніе!» Обнажаются студентскія шпаги, господинъ Русановъ получаетъ уколъ въ плечо, господинъ Пшиндишкевичъ въ бокъ, и оба довольны на другой день своими ранами, возбуждающими любопытство товарищей. А милая Зиночка встрѣчаетъ своего героя кузена чуть не со слезами: «не стыдно ли, Вольдемаръ, рисковать дорогою жизнью?» А тамъ смерть отца, отъѣздъ... Все это далеко, далеко позади. Те-

перь надо цѣпляться за новыя снасти, держаться на шаткой палубѣ...

— Довезите, просилъ женскій голосъ.

Русановъ выглянулъ изъ брички. На пригоркѣ сидѣла дѣвушка въ сѣренькомъ ситцевомъ платьѣ, повязанная платочкомъ; возлѣ нея лежалъ бѣлый узелъ.

— Довезите, баринъ, говорила она, — смерть устала.

Русановъ велѣлъ остановиться. Дѣвушка взобралась на облучокъ, и опустила глаза.

— Вы куда же идете? спрашивалъ Русановъ.

— Въ городъ-съ, искать работы, не смѣло отвѣтила та.

— Много вы прошли?

— Верстъ десять; я сегодня съ зорькой вышла...

— У васъ тамъ знакомые въ городѣ?...

— Нѣтъ-съ, никого нѣтъ...

— Какъ же это? Дали ль вамъ, по крайней мѣрѣ, на дорогу?

Дѣвушка покраснѣла и пробормотала, что это очень не далеко. Русановъ, спустя нѣсколько времени, развернулъ пирожки и предложилъ ей закусить вмѣстѣ. Она поблагодарила, не отказывая. Тутъ только онъ разглядѣлъ ее. Дѣвушка была очень миловидна. Свѣженькое, румяное личико, съ ямочками и легкимъ пушкомъ на щекахъ; бойкіе, каріе глаза, съ немного опухшими вѣками, словно недавно пе-

режили какое-то горе; руки бѣлы и нѣжны, волосы причесаны по-городски.

— Вы что жь на фабрику хотите?

— Нѣтъ, я бы куда-нибудь въ горничныя, или какъ это, Haushälterin...

— Вы по-нѣмецки говорите?

— Дѣдушка былъ нѣмецъ, я еще маленькая съ нимъ въ Россію пріѣхала; онъ тутъ у богатого барина служилъ, въ садовникахъ занимался...

— А теперь?

— Померъ. Никто этимъ нынче не занимается, а дѣдушка богатые оранжереи разводилъ; но потомъ все меньше было достатку; вмѣсто того чтобы накопить денегъ, да ѣхать на родину, сталъ проживать... Потомъ заболѣлъ, и корову нашу продали... А потомъ и меня не стали держать, теперь въ чужихъ людяхъ надо жить.

— Но зачѣмъ же въ горничныя? Лучше шить на какой-нибудь магазинъ...

— Я къ этому не приучена, не умѣю... Вотъ бы какой-нибудь старой барынѣ книжки читать. Я дѣдушкѣ все газеты читала!

— Кто это съ тобой разговариваетъ? — отозвался майоръ въ полудремотѣ.

— Тутъ, дяденька, дѣвушка одна... Въ городъ идетъ!

— А, ну, ну, ну! Пусть ее...

Ночью въѣхали они въ заставу губернскаго

города. Мостовая задребезжала, каменные дома тихо двигались мимо, по окнамъ свѣтились огни. Экипажъ остановился у гостиницы.

Майоръ тотчасъ отправился хлопотать о номерѣ и переноскѣ вещей. Русановъ присѣлъ съ дѣвушкой на крыльцо. Полный мѣсяцъ ярко освѣщалъ бѣлый домъ, обливая голубоватымъ отливомъ выступы и карнизы, бросая тѣни на земь, золотя крестъ какой-то церкви. Подъ навѣсомъ храпѣли кони; по двору расхаживали ямщики; кто-то наигрывалъ на гармоникѣ «барыню».

— Ну, вотъ мы съ вами и доѣхали, Нилочка. Вы теперь куда думаете идти?

— Куда-нибудь на постоянный дворъ, тамъ не дорого, у меня есть два рубля....

— Живали вы когда въ городахъ?

— Ниразу еще. Какъ не хорошо пахнетъ! Что-то страшно: много такъ народу, я совсемъ здѣсь чужая...

— Еще бы, такая чистая, свѣжая! Хотите, я вамъ дамъ совѣтъ?

Дѣвушка простодушно глянула на него.

— Берите первое попавшееся мѣсто, принимайтесь скорѣй за работу; а то васъ какъ разъ испортятъ! Нилочка, вѣдь вы не поддадитесь дурному, неправда ли?

— Ни за что на свѣтъ! вскрикнула она съ жаромъ, схвативъ его руку.

— А пока возьмите это на память отъ меня, на случай, пока прищете себѣ мѣсто...

Дѣвушка развернула ассигнацію и не рѣшалась.....

— Куда ее столько! Какой вы добрый!

— Берите, берите, это отъ друга...

— Какъ васъ звать? Чтобы знать, за кого молиться?

— Вы часто молитесь, Нилочка?

— И утромъ, и вечеромъ...

— Поминайте въ вашихъ молитвахъ... Инну, попросите ей счастья... Иду, иду! крикнулъ онъ дядѣ, звавшему его съ лѣстницы.— Будетъ нужда, спросите въ гражданской палатѣ Русанова, упомяните?

Онъ пожалъ ей руку и сталъ подниматься по грязнымъ ступенькамъ. Вошедши въ номеръ, онъ тотчасъ улегся на тюфякъ, и майоръ погасилъ свѣчку.

«Бѣдная», думалось ему: «одна, совершенно одна, безъ родныхъ, безъ знакомыхъ, безъ средствъ, безъ знанья... Въ этомъ омутѣ... Что еслибы та гордая душа была на ея мѣстѣ? Вынесла ли бы она?»

Глаза стали слипаться, пріятная усталость охватила все тѣло. Русановъ сталъ забываться. Казалось ему, что онъ ѣдетъ по степи на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ и серебристый ковыль волнуется, волнуется, наводя на него усыпление... Довезите, доведите, раздаются серебри-

стые голоски... Сколько Нилочекъ! На каждомъ пригоркѣ, у cadaго ручейка, все Нилочки... Онъ беретъ одну на руки, привозитъ въ какой-то мраморный храмъ; портики, колонада, розовый занавѣсъ, и все освѣщено голубымъ свѣтомъ... А Нилочка ужъ не Нилочка, а гордая красавица въ черномъ платьѣ, съ пышными черными кудрями, и онъ стоитъ передъ ней на колѣняхъ. Инна Николаевна, говоритъ онъ, — вы извините меня, пожалуйста; я никакъ не могу влюбиться въ васъ... Не потому что у меня только тысяча рублей наслѣдства, да домъ на Пречистенкѣ; я не боюсь смерти, я дрался на шпагахъ съ господиномъ Пшиндишкевичемъ... Да отчего же? грустно говоритъ Инна Николаевна: вѣдь только за васъ я и могу выйти, вы одинъ изъ нихъ... Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ Русановъ, — и слезы подступаютъ къ горлу: Мальвина мнѣ не позволить, я долженъ посвятить себя для высшихъ цѣлей... Ха, ха, ха! раздается смѣхъ Инны: я и забыла, что вы мировой посредникъ, ха, ха, ха!

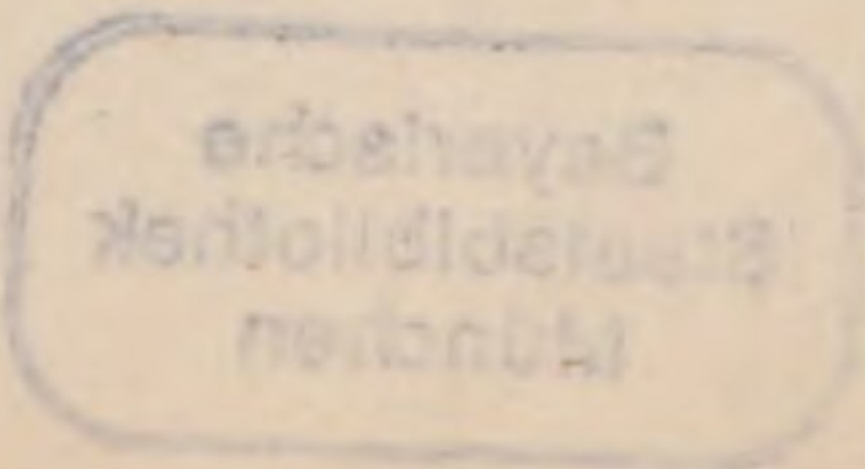
— Ха, ха ха! раздается явственнѣй.

— Что такое? вскакиваетъ Русановъ.

— Какже, помилуй, говоритъ майоръ, — одиннадцать часовъ ужъ, я и къ обѣднѣ сходилъ, смотрю, а онъ тутъ цѣлуетъ подушку.... Что это ты видѣлъ во снѣ?

— Мало ли что во снѣ привидится?

— Я дружочекъ поѣду; къ губернатору надо,

еще кой-куда, ты меня не жди.... Сходи, городъ осмотри, достопамятности.

— Куда спѣшить? Жить буду, все узнаю.

Владиміръ Ивановичъ, проводивъ дядю, одѣлся и сошелъ въ билліардную; народу набралось порядкомъ. Онъ велѣлъ дать себѣ чаю и усѣлся на диванчикъ.

— Сыграть что ли? предлагала одна личность съ багровымъ носомъ и щетинистыми усами въ военномъ пальто.

— Да вѣдь ты обѣгоришь, голова, возражала другая въ долгополомъ сюртукѣ, съ небритою фізіономіей.

— Ну, наладилъ, на четвертакъ идетъ?

— Чтò, ай завелся? Гдѣ Богъ послалъ?

— Чтò я, жуликъ что ли?

— Много ль впередъ-то?

— Впередъ сколько угодно, нынче такъ и такъ.

— Ну ставь, маркеръ, пять шаровъ.

— Съ нашимъ почтеньемъ-съ, на чай будетъ съ кого получать?

— Ладно, заговаривай зубы-то!

— Партія съ того, кто выиграетъ, что ли?

— Извѣстно, съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.

Пальто прицѣлилось, поерзгало кіемъ и съ трескомъ влѣпило жолтаго въ уголъ.

— Упалъ? крикнуло оно носовымъ акцентомъ.

— На себя! крикнулъ другой.

— Не нашелъ лучше на кого упасть! проворчалъ пьяный горбунъ, облокотившись на бортъ и слѣдя за игрой.

Особа прекраснаго пола влетѣла въ залу въ необъятномъ кринолинѣ, напѣвая сиплымъ голосомъ разудалую пѣсню; за ней купчикъ съ французскою бородкой.

— Люблю, крикнулъ горбунъ, — никто не смѣй моему ндраву препятствовать.

— Кто это такой? спросилъ купчикъ полового.

— Это горбатый-то-съ? отвѣтилъ тотъ, молодцовато тряхнувъ головою и перекинувъ полотенцо на другое плечо: — учитель какой-то былъ, на музыкѣ что-ли; да больно ужъ изъ себя-то не удались; опять же и жена бросила; таперича третій мѣсяць кутятъ. Это они еще въ своемъ видѣ, а къ вечеру не хороши бываютъ; зачнуть это все бить, совсѣмъ не годятся!

— Тридцать шесть и очень досадно! покривалъ маркеръ.

— Не разойдтись ли намъ? сказала пальто, положивъ кій.

— Тридцать шесть и никого-то?

— Не разойдтись ли?

— Катай, катай знай!

— Отходу не даешь? Ну, держись же!

Пальто съ удару кончило партію. Долгопый пустилъ ругательство; разряженная особа

взвизгнула; всѣ хохотали, натягивали носы, стучали ногами; посуда звенѣла.

— Молодой человѣкъ, сыграемте, предложилъ побѣдитель, подсаживаясь къ Русанову:—отставной поручикъ Кондачковъ!

Отставной поручикъ произнесъ все это очень быстро въ носъ и нагло глядя въ лицо Русанову.

— Я не играю, отодвинулся Русановъ.

— Можетъ ли быть? Молодой чѣзакъ не играетъ на билліардѣ? Ну, на китайскомъ, по пирожку партія?

— И на китайскомъ не умѣю, сказалъ Русановъ, улыбаясь. Собесѣдникъ начиналъ интересоваться его.

— Ну, кто дальше плюнетъ—по рюмкѣ коньяку плевокъ!

И поручикъ, какъ пулю, влѣпилъ плевокъ черезъ всю комнату въ аспидную доску.

— Неискусень и въ этомъ, расхохотался Русановъ.

— Ну, хорошо! На порцію котлетъ.... Сколько въ комнатѣ шаговъ? Двадцать три—считайте!

— Пойдите, я лучше такъ закажу. Не знаете ли, не отдаются ли тутъ квартиры?

— Вамъ велику ли надо! Вонъ у Пудъ Савича комнаты три есть.... Почтеннѣйшій, пожалуйста сюда!

Небритый Пудъ Савичъ подошелъ и сталъ описывать Русанову удобства своихъ квартиръ. Потомъ замѣтилъ, что дѣло-то вести въ сухо-

мятку какъ-то не приходится; надобы, по русскому обычаю, чайку испить и малую толику пропустить.

Русановъ велѣлъ подать чаю, водки; подоспѣлъ завтракъ и новые пріатели усѣлись къ столу.

Отставной поручикъ, почувствовавъ себя окончательно въ своей сферѣ, развеселился.

— Я вамъ разкажу случай, молодой человекъ, заговорилъ онъ, кладя въ ротъ полъ-соленого огурца. Играемъ разъ въ банкъ! Я, майоръ Бурзюкъ, помѣщикъ Бобырецъ, еще кто-то. Вдругъ входитъ въ енотовой шубѣ. Позвольте поставить карту? Извольте. Ставить—беретъ; другую ставить—беретъ; третью—опять беретъ. Я, говорю, господа! шулеръ! Терпѣть не могу шулеровъ! Взяли его за ноги, окно отворили, до половины высунули... Хочешь? говоримъ... Такъ это онъ откровенно и говоритъ: не хочу!

— Скажите, какая странность!

— Ну, взяли мы его дегтемъ вымазали, въ пуху обваляли и съ лѣстницы въ три шеи! Такъ вѣдь это недоволенъ остался!

Пудъ Савичъ упрекалъ Русанова неумѣньемъ усидѣть графинчикъ.

— Вы не сумѣвайте, говорилъ онъ,—только первая рюмка коломъ, вторая соколомъ, а тамъ ужъ пошли мелкія *птишки*!

Отдавъ должное русскому обычаю, пріатели отправились въ домъ мѣщанина Растравилова

(онъ же и Пудъ Савичъ), и порѣшили тамъ тричистенькія комнаты за сто рублей въ годъ. За столъ Русановъ будетъ платить пять съ полтиною въ мѣсяцъ; ему въ придачу будутъ сапоги чистить.

Потомъ они отправились по мебельнымъ лавкамъ, по магазинамъ, и цѣлый день прошелъ въ торгахъ и переторжкахъ. Только къ вечеру вернулись домой съ тремя возами къ великому соблазну сосѣдей, которые пораскрывали окна и слѣдили за перетаскиваніемъ мебели съ такимъ участіемъ, какого не у всякаго историка заслуживаетъ великое переселеніе народовъ. Такъ и оставались до тѣхъ поръ, пока растворенныя на обѣ половинки двери не поглотили послѣдняго стула. И тутъ все еще чего-то ждали; въ окнахъ двигалась свѣча, изъ чего они заключили, что мебель разставляютъ; когда же свѣтъ сталъ неподвиженъ, успокоились на томъ, что все въ порядкѣ и имъ тутъ больше нечего дѣлать.

— Такъ вотъ гдѣ ты устроился, дружокъ, говорилъ дядя, входя къ племяннику.

Старикъ дивился комфортабельной обстановкѣ, радовался каждой мелочи какъ ребенокъ. Въ кабинетъ онъ пришелъ въ совершенный восторгъ.

— Вѣдь это дорого? спрашивалъ онъ.

— Я, дяденька, порѣшилъ наслѣдство-то....

— Володя, ты геній!

И майоръ шагнулъ къ третьей комнаткѣ, но

геній шагнулъ еще проворнѣй и загородилъ дорогу, заперевъ дверь на ключъ.

— Это что жь за комната?

— Тутъ всякій хламъ....

— Ничего, покажи и хламъ, у тебя и хламъ-то долженъ быть губернаторскій.

— Да это спальня.... Право, дяденька, не интересно.

— Ну, ну, не безпокойся; ты, братъ, не обзавелся ли ужь канареечкой какой, вишь ты какъ прытко!

Русановъ увѣрялъ дядю, что онъ вообще до пѣвчихъ птицъ не охотникъ, а до канареекъ въ особенности.

— Ой ли? сказалъ майоръ.

Уѣзжая и прощаясь, майоръ остановился въ раздумьи на крыльцѣ.

— Володя, комнатка-то? а?

— Что же?

— Кавуръ! сказалъ дядя, погрозивъ пальцемъ. — Ну, дай Богъ жить поживать, да добра наживать; пиши же хоть разъ въ недѣльку.

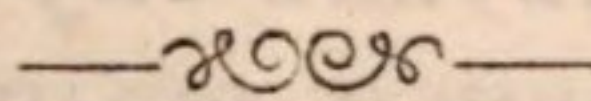
Въ послѣдствіи въ сосѣдствѣ распространился слухъ, что новый жилецъ—чернокнижникъ. Старухи даже подсмотрѣли съ сосѣдняго чердака, въ чемъ заключается его спеціальность. Оказывалось, что онъ по ночамъ не спитъ часовъ до двухъ. И все что-то пишетъ, пишетъ, а потомъ погаситъ свѣчку, и не видать, какъ онъ въ трубу вылетаетъ.

— Не русскій, матушка, человѣкъ, не русскій, сообщала хозяйка на рынкѣ какой-то старушкѣ-просвирнѣ. — Ни молебна не отслужилъ на новой квартирѣ, ни въ баню не ходитъ, ни что....

— Вотъ они жильцы-то, поди пушай ихъ, соболѣзновала та.

— А пожаловаться грѣхъ; за полгода впередъ деньги отдалъ; и такъ простъ, такъ простъ, что ии!... точно и не чиновникъ.

— Кто его знаетъ, родимая? Чужая душа потемки!

VIII.

О Т С Т А Л Ы Е.

На другой день, часовъ въ десять поутру, Русановъ снималъ пальто въ приѣмной гражданской палаты.

— Тутотка не вѣшайте, ваше благородіе, флегматически замѣтилъ ему сторожъ:—это для начальства мѣсто.

— Такъ куда же?

— Вы къ намъ на службу, что ли? Вотъ съ чиновниками извольте....

— Не все равно?

— Нѣтъ-съ, ужь это у насъ порядокъ такой. Съ монаршею милостью честь имѣю поздравить, прибавилъ онъ, протягивая руку.

Русановъ далъ ему что-то и вошелъ въ канцелярію, поправляя волосы.

— Позвольте спросить, гдѣ тутъ вакантный столъ? обратился онъ къ одному чиновнику, усердно строчившему опредѣленіе.

— Не знаю, грубо отвѣтилъ тотъ и уткнулся въ бумаги.

Онъ очень хорошо зналъ, гдѣ былъ этотъ столъ, котораго онъ ждалъ цѣлыхъ три года, и радъ былъ хоть чѣмъ-нибудь кольнуть студентика, сѣвшаго ему на шею по протекціи.

— Пожалуйста, Владиміръ Ивановичъ, пожалуйста, подскочилъ къ нему маленькій, худенькій человѣчекъ въ потертомъ вицъ-мундирѣ въ обтяжку.—Позвольте рекомендоваться, коллежскій регистраторъ Чижиговъ, помощникъ вашъ!

Что-то пришибенное, покорное свѣтилось въ его прищуренныхъ глазкахъ.

— Очень пріятно, проговорилъ Русановъ, садясь къ столу, покрытому изрѣзанномъ, закапанномъ чернилами, зеленымъ сукномъ.—Присутствіе собралось?

— Нѣтъ-съ, раньше одиннадцати у насъ рѣдко кто пріѣзжаетъ, развѣ когда докладъ. Позвольте, торопливо проговорилъ онъ, замѣтивъ, что Русановъ положилъ локти на столъ:—тутъ пыльно!

И въ самомъ дѣлѣ локти и обшлага были всѣ въ пыли.

— Развѣ у насъ только одинъ писецъ? спросилъ Русановъ, рассматривая молодого человека съ бессмысленными, оловянными глазами и желтымъ, геморроидальнымъ лицомъ, наваливагося всею грудью на столъ.

— Нѣтъ-съ, да тѣ на телеграфъ пошли....

— Это зачѣмъ же?

— Вы не извольте удивляться; это у насъ погребокъ такъ прозывается; по лѣстницѣ-то вмѣсто перилъ веревочка протянута; ну, они и выражаются такъ, что мордомоченіе, дескать, совершаемъ по телеграфу.

— А-а-а! И часто это бываетъ?

— Какъ случится, наивно отвѣтилъ Чижи-
кокъ.

— Ну-съ, указы сегодня есть?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Русановъ подошелъ къ шкафу.

— Что̀ это? Ревизія была?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Да что̀ жь это, и апелляціонныя, и частныя, и доклады, и рѣшенныя, и мелкія бумаги, все какъ попало?

— Это у насъ всегда такъ, чтобы подь рукой ближе было.

— Нѣтъ, ужь сдѣлайте одолженіе.... Это какой-то хаосъ; тутъ чортъ ногу переломить.... Давайте разберемъ.

Стали разбирать. Русанову попалась купчая, помѣченная вступившей за два мѣсяца.

— Почему жь это до сихъ поръ не доложено, спросилъ онъ, уже нахмурясь.

Помощникъ мгновенно струсилъ и съежился.

— Завалилось какъ-нибудь.

— Это ужь и вовсе не хорошо, сказалъ Русановъ, откладывая ее въ сторону.

Тутъ къ нимъ подошелъ другой столоначальникъ, старичокъ. Стриженные, бѣлые съ желтизной волосы торчали вверхъ, плутоватые глазки такъ и бѣгали; онъ все помаргивалъ, да подергивалъ губами...

— Занялись горяченько, сказалъ онъ съ сладенькою улыбочкой;—извѣстно, новая метла чисто мететъ...

— Вы развѣ находите, что я похожъ на метлу? спросилъ Русановъ, которому эта личность почему-то сразу не понравилась.

— Нѣтъ-съ, какъ можно! Это такъ пословица...

— Ну тутъ, кажется, никакія пословицы не помогутъ, говорилъ Русановъ, отыскавъ просроченный указъ.

— Горячо вы очень къ сердцу принимаете, не обтерпѣлись еще, не настоящій чиновникъ! увѣщевалъ старичокъ.

— Съ такимъ, какъ вы говорите, терпѣніемъ и до взятокъ не далеко, рѣзко замѣтилъ Русановъ.

— Хе, хе!.. Молода еще...

— Чтò?

— Въ Саксоніи не была... Эхъ, молодой человекъ! Кто же беретъ взятки? Это запрещено закономъ, за это лишаютъ чиновъ, дворянства...

— А все-таки берутъ...

— Да не взятки же: благодарность за труды! Если вы, примѣрно, ночь просидите за какимъ-нибудь дѣломъ, изготовите къ докладу, какая

же это взятка? Развѣ вы обязаны сидѣть ночь? Въ Сводѣ Законовъ полагается присутствовать только до двухъ часовъ...

И старичокъ, доставъ красный фуляръ, вы-
сморкался съ полнымъ сознаниемъ неотразимаго
аргумента...

— Да почтеннѣйшій collega, перебилъ Руса-
новъ, — если предлагаютъ деньги, такъ вѣрно
не за очередное: то и безъ того доложится...
Стало-быть взятка!

— Погодите, послужите; попривыкнете къ на-
шему порядку...

— Ну, ужъ это дудки! Это вамъ придется къ
нашему порядку-то приглядываться...

-- Какъ вы находите новенькаго-то? спраши-
валъ пріѣхавшій между тѣмъ секретарь, солид-
ный мущина въ золотыхъ очкахъ у отошедша-
го старичка.

— Это... это революціонеръ какой-то.

— Экъ вы вѣдь хватите-то всегда, словно
чортъ въ лужу...

— Да, помилуйте, я думалъ, онъ на ново-
селье позоветъ; а онъ чуть не ругается...

— Ничего, умается! Видали мы слетковъ-то
и почище! сказалъ секретарь, и оба засмѣялись.

Такъ и прошелъ день въ переборкѣ бумагъ.
На слѣдующіе пошла спѣшная работа, и Руса-
новъ пожалѣлъ, что ухлопалъ на первыхъ порахъ
свои капиталы на омеблированіе своей квартиры.
Оказывалось, что штатныхъ писцовъ не хватаетъ

на переписку докладныхъ записокъ; онъ долженъ былъ принанять своего и значительно урѣзалъ у себя жалованье. Мало-по-малу косо стали посматривать на него сослуживцы.

— Что жь это, говорили пожилые:—просителей на домъ не принимаетъ, даже бумагой казенною не пользуется? Чѣмъ онъ жить будетъ?

— Говорятъ, пишетъ по ночамъ, должно-быть въ *Колоколъ*...

Съ своей стороны Русановъ сталъ открыто въ разрѣзъ съ канцелярскою братіей.

Однажды послѣ присутствія подошелъ къ нему Чижиговъ.

— Позвольте надѣяться, Владиміръ Ивановичъ, что вы не откажете мнѣ въ покорнѣйшей просьбѣ откушать у меня сегодня...

Проговоривъ эту очевидно приготовленную фразу, помощникъ столоначальника совсѣмъ сконфузился....

Они пошли, разговаривая, на самый конецъ города. Чижиговъ заботливо обходилъ лужи и рытвины, стараясь при этомъ уступать Русанову лучшую дорогу.

— Вотъ моя обитель, проговорилъ онъ, переходя черезъ улицу къ крошечному деревянному домику съ мезониномъ. Въ открытыя окна свѣсились вѣтки герани, бальзамина, слышалось разбитое фортепіано; хлопнула низенькая калитка, со двора пахнуло сырыми дровами, фортепіано замолкло...

— Кто жь это у васъ играетъ?

— А вотъ сейчасъ познакомитесь, отвѣчалъ хозяинъ, вводя Русанова въ низенькую гостиную.

Мебель была обтянута коленкоровыми чехлами; пестрыя занавѣски по окнамъ; по стѣнамъ обиліе литографій въ доمودѣльныхъ рамкахъ. На столѣ лежали разобранные стѣнные часы и прошлогодній нумеръ *Отечественныхъ Записокъ*. Каковы были прочіе апартаменты, предоставлялось фантазіи гостя, такъ какъ хозяинъ, вошедши въ нихъ, старательно притворилъ дверь. Русановъ заглядѣлся на гравюру Татьяны, чертящей завѣтный вензель на стеклѣ, когда Чижиговъ снова вошелъ, облаченный въ покойное пальто, расправляя спину и потягиваясь; за нимъ вошла молодая особа лѣтъ двадцати, подстриженная въ скобку, въ черномъ фартукѣ сверхъ шерстянаго платья.

— Прошу любить, да жаловать... Ну-ко угости насъ, чѣмъ Богъ послалъ...

— Я васъ ждала, Владиміръ Ивановичъ, я была увѣрена...

— Это ваша сестрица? спросилъ Русановъ. Молодые люди переглянулись, улыбаясь.

— Это жена моя, Катерина Васильевна, урожденная Ишимова. Такъ дѣвчонкой и осталась: стрижка! вы мнѣ позвольте съ вами здѣсь за-просто...

— Какъ вамъ не совѣстно...

— Фууу! Отлегло! Ну, значитъ «громъ побѣды

раздавайся, веселися храбрый Россъ!» Не хотите ли папиросъ, прибавилъ хозяинъ, развеселившись и подвигая Русанову пачку жиденько набитыхъ патроновъ. — Табакъ не взыщите незавидный, что называется самъ-панъ-тре.

Катерина Васильевна принесла суповую чашку, и горячій паръ борща пріятно защекоталъ обоняніе проголодавшихся служакъ.

— Милости просимъ! Опять-таки не взыщите. За моею женой три су, а за мной и тѣхъ нѣтъ. Какъ намъ жить съ тобою въ мірѣ, а?

— Ну, ну, какъ нибудь-проживемъ... Вѣчно у него шуточки! обратилась она къ Русанову.

— Нѣтъ, не вѣрьте, ничто не вѣчно подъ луною. Небось, какъ хворала-то, досталось ему и отъ меня на орѣхи...

— Кому это?

— Да вотъ братцу-то любезному...

— Ну, полно; Богъ съ нимъ...

— Вина у насъ не водится, говорилъ Чижи-ковъ, подвигая графинъ: — а вотъ наливкой я васъ угощу такой, какую только Катенька и умѣетъ готовить.

Обѣдъ пролетѣлъ какъ на рельсахъ. Служаки закурили самъ-панъ-тре и расположились на диванѣ. Катенька понесла куда-то хлѣбныя крошки въ фартукъ.

— Скажите, какъ это вы въ самомъ дѣлѣ жевете?...

— Да такъ!

— Сколько, бишь, получаете жалованья?

— Четыре рубля въ мѣсяць.... Что не дурно? Да вотъ къ слову, посмотрите!

Русановъ выглянулъ въ окно, выходившее на палисадникъ съ клумбами малины, крыжовнику и нѣсколькими яблонями. Катенька сидѣла на самомъ припекѣ и бросала крошки тремъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, королямъ; пѣтушка можно было узнать только по гребешку. Они путались мохнатыми ножками и, кудахтая, подбирали крошки.

— Такъ-то, сказалъ Чижиговъ, — курочка по зернышку...

— Нѣтъ, серьезно?

Чижиговъ задумался на минуту.

— По правдѣ сказать, Владиміръ Ивановичъ, я не безъ задней мысли и пригласилъ васъ поглядѣть на наше житье-бытье... Я васъ побаивался...

— Меня-то?

— Вы вѣдь того-съ... изъ нынѣшнихъ, сказалъ Чижиговъ, посмѣиваясь: — а я... лучше ужъ разомъ покаяться... я беру взятки.... А вы погодите, вы не сразу казните... Я и уроки даю, получаю рублей пятнадцать въ мѣсяць; ну мезонинъ доставляетъ пятьдесятъ ежегодно. Этимъ бы можно и жить, да вы возьмите то: начальство требуетъ, чтобъ являлись въ своемъ видѣ, не оборвышемъ; ну и сапоги... хотя съ высшей точки зрѣнія, казалось бы, что такое сапоги! А тутъ благодарятъ двумя, тремя рублями...

Не бралъ-съ, ей-Богу не бралъ, пока оставалось кой-что у жены; все надѣялся на повышение, а вышло вотъ что...

Чижиговъ пустилъ густое, бѣлое кольцо дыму; оно плыло, плыло, расширилось въ темную ленту и пропало въ воздухѣ...

— Скажите пожалуйста, началъ Русановъ, желая прекратить тяжелое объясненіе:—неужели Ишимовъ ничего не далъ за сестрой?

— Какже, раззорился! По закону четырнадцатую часть отсыпалъ. Вотъ домикъ этотъ и купили. И то вѣдь я Катеньку почти похитилъ. И думать у меня, говорить, не смѣй за нищаго выходить. Ну, она, русская душа, и говоритъ ему: думать-то я, братецъ, не намѣрена,—а выйти-выду. Съ тѣхъ поръ у насъ онъ ни ногой....

— Такъ она у васъ бой!

— Да, вотъ тутъ и подумай! Конечно, въ видахъ современныхъ потребностей, можно на меня смотрѣть какъ на гадину, пожалуй и раздавить можно; да вотъ какъ у меня на рукахъ этотъ бой, а пожалуй и боята пойдутъ, такъ я и самъ, того-съ, право!

Русановъ засмѣялся.

— Идетъ! Вы при ней пожалуйста...

— Что жъ ты, Митя, ничего не сыграешь Владиміру Ивановичу, сказала Катенька, садясь къ нимъ и отряхая фартукъ.

— Если ихъ благородіе прикажутъ, не смѣю отговариваться. Да что! Все играю-то я такое....

Онъ развязно сѣлъ за фортепіано и бойко заигралъ польку-folichon.

«А, каковъ? Еще и польки на умѣ!» думалъ Русановъ.

— Хотите? подошла къ нему Катенька, подставляя руку на плечо.

Русановъ отъ души сдѣлалъ съ ней тура три.

— Не хорошо, что дѣлать! говорилъ Чижи-ковъ:—пристрастился къ бальнымъ танцамъ; переписывалъ когда-то ноты, какъ Руссо!.. Вотъ и пристрастился...

— Слушайте вы его; пристрастился къ бальнымъ танцамъ, передразнила Катенька:—у купцовъ иногда вечера бываютъ, понимаете? А ты лучше свое-то сыграй...

Чижиковъ немного смѣшался.

— Я, Владиміръ Ивановичъ, написалъ вальсикъ... Совѣтовали напечатать, да что! Русская фамилія туго идетъ.

Онъ махнулъ рукой и заигралъ свой вальсикъ.

И это былъ вальсъ для танцевъ, но какъ будто въ немъ вертѣлись и «Лучинушка» и «Матушка голубушка» и «Борода ль моя бородушка». Что-то широкое, русское слышалось въ бѣглыхъ звукахъ...

«Откуда это сила берется?» думалъ Русановъ, катенькастояла, облокотясь, противъиграющаго,

и, когда вальсикъ замеръ на послѣдней пѣвучей ноткѣ, она взяла его за голову, и притянувъ къ себѣ, звонко чмокнула.

— О чемъ это вы задумались, Владиміръ Ивановичъ?

— Ахъ, еслибы вы знали, какъ я васъ понимаю!

— А что? спросилъ Чижиговъ.

— Нѣтъ, такъ! спохватился Русановъ.

— Нѣтъ не такъ! И Катенька лукаво погрозила ему пальчикомъ.

Отецъ-командиръ покраснѣлъ и перемѣнилъ разговоръ.

IX.

ПЕРЕДОВЫЕ.

Наступили два дня табельные. Еще наканунѣ Русановъ въ какомъ-то тревожномъ состояніи ходилъ по своимъ комнатамъ; поглядѣлъ въ окно; шарманщикъ вертитъ свой органъ—скучно! Снялъ со стѣны скрипку, сталъ вспоминать недавно слышанный *dèsir*—скучно!

«А что если поѣхать? Отчего жъ и не поѣхать? Что за бѣда? Мнѣ просто весело тамъ; съ ней пріятно время провести....»

Полутру онъ ужъ выѣзжалъ изъ брички у крыльца Конона Терентьевича, владѣльца перваго знакомаго хутора по пути.

— Покорми тутъ, сказалъ онъ Жиду, входя въ переднюю.

Слышались голоса дяди и племянника въ горячемъ спорѣ.

— Я удивляюсь, говорилъ Кононъ Терентьевичъ,—какъ это тебя можетъ занимать!

— А я вотъ удивляюсь, какъ это васъ занимаетъ, что меня это занимаетъ....

Русановъ увидалъ Конона Терентьевича, умывавшагося въ двухъ тазахъ; сперва съ мыломъ, а потомъ набѣло въ чистой водѣ; племянникъ стоялъ на стулѣ и курилъ въ душникъ, такъ-какъ дядя терпѣть не могъ табачнаго воздуха, увѣряя, что дышать имъ гораздо вреднѣе чѣмъ самому курить.

— Хвала Аллаху, насилу-то путное сказалъ.... Ахъ. здравствуйте!... Извините пожалуйста....

— Продолжайте, продолжайте.... Въ чемъ дѣло?

— Да, вотъ юноша воюетъ....

— Но, послушайте, дяденька, надобно же что-нибудь дѣлать....

— Кто жь тебѣ сказалъ, что есть на свѣтѣ дѣло? Никакого дѣла нѣтъ, все это фантасмагорія!

Русановъ поглядѣлъ на оратора, а племянникъ даже и курить пересталъ.

— Ну будешь служить, вотъ спроси у него: изъ чего? Жалованье получать! Будешь литераторомъ—гонорарій; купцомъ—барышъ; а результатъ одинъ: пить, ѣсть, наслаждаться жизнью.... Дураки хлопочутъ, изъ кожи вонъ дѣзутъ, а умный человекъ и такъ проживетъ....

— Да какже, по вашему, и цѣли въ жизни нѣтъ?

— Да что ты лошакъ что ли испанскій? Тѣмъ вотъ, когда на гору ѣдутъ, клочокъ сѣна передъ мордой вѣшаютъ; ну они и идутъ, все хотятъ дойти.... И ты туда же?

— Послѣ этого и призванія никакого нѣтъ?

— Отстань, надоѣлъ.... Ничего нѣтъ.

— Нѣтъ, дяденька! Вы сами себѣ противорѣчите.... На той недѣлѣ вы читали Искандера и восхищались; вчера перечитывали *Переписку* Гоголя, и опять восхищались, а нынче опять другое говорите....

— Да ты глупъ! Ну смотришь ты на розу — тебѣ нравится; нюхаешь жасминъ — опять нравится....

— Да? Такъ это все цвѣточки?

— А ты въ самомъ дѣлѣ думалъ ягодки?

Русановъ прислушивался къ литературному каруселю не безъ любопытства. Онъ ждалъ какого-нибудь рѣшительнаго удара, когда вошелъ мужикъ съ глуповатымъ лицомъ и остановился у притолки.

— Что ты, Хведько?... Да, я за тобой посылалъ, заговорилъ Кононъ Терентьевичъ. — Поѣдешь въ городъ, купи ты мнѣ сала...

— Чую, протянулъ мужикъ.

— Ну, что чую? Ничего не чуешь! Сало бываетъ двухъ сортовъ: одно бѣлое, другое желтое....

— Се я понимаю....

— Такъ ты мнѣ самого желтаго привези: это

самое лучшее, оно на заграничный рынокъ идетъ.... въ Лондонъ. Когда спросъ увеличился, такъ наши купцы стали бѣлое подкрашивать орлеаномъ и гуммигутомъ, чтобы показистѣй было.... Понялъ?

— Эге! почесывался мужикъ, оглядывая всѣхъ изподлобья. Русановъ улыбался.

— Такъ смотри жь самага желтаго! Да еще вотъ что попробуй; сало вѣдь состоитъ изъ трехъ кислотъ: олеиновой, маргариновой и стеариновой, да еще органическое основаніе — глицеринъ. Такъ это дурное сало, коли въ немъ много олеину?

Мужикъ переминался съ ноги на ногу и съ ожесточеніемъ глядѣлъ на сапоги.

— Ты его пожми сквозь тряпку!

— Звольте! согласился мужикъ.

— Коли олеинъ потечетъ—не бери!

— Коли олея * пидетъ, не бери! повторилъ мужикъ.

— Ну такъ ступай, да помни; сдѣлай это не въ службу, а въ дружбу; я вѣдь не панъ теперь.

— Якъ же не панъ? возражалъ мужикъ....

— Мы теперь сосѣди, объяснялъ Кононъ Терентьевичъ....

— Спасиби вамъ, кланялся мужикъ; — дозвольте мини вже и сынку взять зъ собой; вони тамъ на ставу ** карасей ловятъ....

* Конопляное масло.

** На пруду.

— Карасей ловятъ? Ребятишки? Какъ же они смѣютъ? Коля, дай-ка мнѣ шубу!

— Помилуйте, дяденька, жара такая!

— Давай, давай, проворно одѣвался Кононъ Терентьевичъ:—извините на минутку....

— Ничего, и я съ вами, сказалъ Русановъ.

Коля послѣдовалъ за ними въ сопровожденіи мужика. На пруду ребятишекъ не застали. Пошли по хатамъ.

— Съ чѣмъ у васъ борщъ? спрашивалъ Кононъ Терентьевичъ, входя въ комнату:—съ карасями?

— Съ якими карасями? Виткиля? огрызлась бабуся, закрывая заслонкой печь.

— А вотъ я погляжу виткиля....—И Кононъ Терентьевичъ, какъ былъ въ шубѣ, полѣзъ въ печь и сталъ вытаскивать ухватомъ горшки....

— Это что, не караси? кричалъ онъ, вытаскивая деревянною ложкой рыбу изъ горшка и швыряя въ лохань:—это не караси?

— Та хай вамъ бѣсъ, панъ, кричала баба, —увись борщъ замутили!

— А изъ панскаго пруда таскать умѣете! Чтобы впередъ не было! Въ судъ отправлю!

— Съ чѣмъ борщъ, спрашивалъ онъ въ друго хатѣ.

— Та не ма въ насъ, паночку, весело обрадовалась молодуха:—може каши поснидаете: е и чорна, и била!

— Съ карасями?

— Отъ се такъ? Яка жь така каша съ карасями?

Русановъ взялъ подъ руку Колю и пошелъ съ нимъ по деревнѣ, предоставляя на волю Конону Терентьевичу продолжать свои странствія.

— Это ужасно! горячился гимназистъ:— до какой пошлости можетъ дойти человѣкъ! Сколько лѣтъ владѣетъ здѣсь, а ни одного грамотнаго на всемъ хуторѣ нѣтъ! Это какой-то феодалный баронъ!

— Это Кононъ Терентичъ-то? усмѣхнулся Русановъ.— А у васъ славный черноземъ, почти на три четверти аршина, продолжалъ онъ, осматривая оврагъ.

— Да, вѣдь вся эта полоса была покрыта моремъ....

— Чтò такое?

— Я говорю про допотопный періодъ: тутъ море было, рыбы громадныя плавали, звѣри.... А потомъ, вымирая, гнили вмѣстѣ съ растеніями, образовали черноземъ; море стекало, появились рѣки, и прорыли эти овраги....

— Куда жь оно стекало?

— Оно стекало.... разумѣется куда? Съ земли... Дяденька ничему этому не вѣритъ... Онъ даже въ микроскопъ не вѣритъ! съ грустью говорилъ юноша.

— А! соболѣзновалъ Русановъ:— ну-те?

— Конечно, тутъ много правды! Вѣдь мы съ вами призраки?

— Нѣтъ, неужели?

— Да какъ же? Чтò такое вѣсь? Давленіе на вашу руку—ощущеніе! Цвѣтъ—раздраженіе вашего глаза—ощущеніе! Кто жь поручится, что ощущенія ваши вѣрны? И что такое вы сами? Призракъ!

— Какъ же вы это мирите геологію и Канта?

— Мирить не надо, воскликнулъ юноша:— это подлецы-умѣренные выдумали! Мы принадлежимъ къ краснымъ; мы должны слѣдовать Руссо! Еслибы всѣ читали *Contrat Social*, весь міръ передѣлался бы самъ собою...

— Ну, весь запасъ свѣдѣній выложили? Или еще чтò есть? Экаго сумбура вамъ дяденька въ голову набилъ....

— Какъ дяденька? Я самостоятельныя изслѣдованія произвожу.... Конечно, онъ мнѣ много помогъ въ развитіи....

— Чѣмъ же вы теперь занимаетесь?

— Акклиматизаціей. Вѣдь мы съ вами отъ обезьянъ произошли, такъ?

— Такъ, говорилъ Русановъ.

— Ну, точно такимъ же рядомъ постепеннаго совершенствованія, можно довести вѣрона, сороку до того, что они будутъ свободно выражаться на человѣчьемъ языкѣ....

Русановъ улыбался, но юноша, замѣтивъ это, нахмурился.

— Вы не вѣрите? Вы стало-быть принадлежите къ партіи ретроградовъ?

— Я ни къ какой партіи не принадлежу, го-

ворилъ Русановъ.—Ну, что же вы будете дѣлать съ вашими сороками?

— Какъ не видѣть пользы! Дѣло говоритъ само за себя; тогда можно будетъ замѣнить ими разсылныхъ съ эстафетами....

Хведько въ это время поровнялся съ ними выѣзжая за околицу.

— Ну что, крикнулъ Русановъ:—понялъ какого сала барину надо?

— Эге, самого билѣйшаго, крикнулъ тотъ, снимая шапку.

Русановъ окончательно расхохотался.

— Господа, пойдете скорѣй домой, подошелъ къ нимъ Кононъ Терентьевичъ,—со мной несчастье!

— Что такое? тревожно спросилъ Русановъ.

— Да вотъ съ этими проклятыми хамами! Полѣзъ на лавку, хотѣлъ осмотрѣть посуду, да объ полку носомъ и стукнулся.... что-нибудь вскочить.... Оподельдоку приложить или аглицкаго пластыря?

— Нѣтъ, задумчиво говорилъ Коля,—это невозможно, тутъ нужны радикальные средства....

— Ты полагаешь?

Кононъ Терентьевичъ уже поблѣднѣлъ.

— Да какже, посудите сами; мы гибнемъ и никому до этого дѣла нѣтъ! Лучшіе люди, на примѣръ графъ, вотъ онъ, и мало ли ихъ, всѣ они не обращаютъ ...

— Что ты за чепуху несешь?

— Я все про Россію, дяденька.

— Тьфу, чортъ побери! Я думалъ про ушибъ....

— Нѣтъ, это невыносимо! Это возмутительно. На что жь вы учились? На что вамъ вся эта философія?...

— Прощайте-ка, господа, мнѣ пора, сказалъ Русановъ, и поѣхалъ.

«Гниль проклятая!» думалъ онъ, выѣзжая со двора. «Мало того, что самъ до сумашествія зарапортовался, еще и молокососа этого на свою дорожку тянетъ....»

А вечеромъ онъ уже подъѣзжалъ къ Горобцовскому хутору, несмотря на просьбы дяди остаться у него.

— Вотъ вы какимъ букой сдѣлались! встрѣтила его Инна на крыльцѣ: — по двѣ недѣли глазъ не кажете!

— Неужели это замѣтно?—И Русановъ просіялъ.

— Нѣтъ! *Qui va à la chasse, perd sa place*, весело говорила она, таща его въ гостиную.— Теперь насъ веселитъ графъ: повадился каждый день....

Владиміръ Ивановичъ не узналъ было своего товарища. Бронскій сидѣлъ съ Юленькой на диванѣ въ какой-то красной, шитой золотомъ венгеркѣ и блестящихъ ботфортахъ.

— Ба! Машина! сказалъ онъ, протягивая руку Русанову.

Всѣ, и Анна Михайловна, и Авениръ, несказанно обрадовались гостю.

— Ну-те, Владиміръ Ивановичъ, умильно спрашивала Анна Михайловна:—вступили въ должность? Дѣла у васъ есть?

— Есть, отвѣчалъ Русановъ.

— Идутъ?

— Идутъ.

— Ну, какъ же у васъ тамъ?

Русановъ началъ описывать чиновный міръ. Онъ привыкъ овладѣвать разговоромъ въ маленькомъ кружкѣ, и пошелъ по своей колеѣ съ собственнымъ ему добродушнымъ юморомъ.

Бронскій слушалъ съ саркастическою улыбкой, покачивая ногой. Его замѣтно подмывало....

— Да, да, заговорилъ онъ вдругъ:—я самъ былъ вчера въ судѣ и видѣлъ тамъ судью.... Ну такъ и кажется, что быть ему въ раю! Какъ не пожалѣть въ самомъ дѣлѣ! Жена, дѣти et caetera, et caetera.... О, благодѣтели! Неужели это оправданіе? Неужели по этой причинѣ вашъ убѣленный сѣдинами, угобзившійся въ Сводѣ секретарь достоинъ снисхожденія? Да чортъ съ нимъ! Дурную траву изъ поля вонъ, и конецъ! А вотъ, пока не переведутся такіе молодцы, какъ ваша милость, и того нельзя будетъ сдѣлать!

— За что меня-то въ опалу?

— А вотъ за то, что вы этимъ самымъ тономъ говорите и съ ними, и со мной, со всякимъ! По моему, ужъ лучше быть отъявленнымъ плутомъ; по крайней мѣрѣ знаешь, съ кѣмъ дѣло имѣешь. Но аще будите ни теплы, ни холодны.... такъ что ли это по вашему... изблюю васъ изъ устъ моихъ.

И Бронскій принялся говорить въ духѣ такой нетерпимости, что Русановъ рѣшился уступить поле противнику и удалился въ уголокъ. Бронскій громилъ все сплеча, говорилъ съ жаромъ; въ голосѣ слышалась правда. Онъ далъ полную волю негодованію и накопившейся желчи. Отъ чиновничества перешелъ къ обществу, что такъ равнодушно смотритъ на продѣлки служилыхъ; досталось и литературѣ.

— Куда мы идемъ! восклицалъ онъ:— есть ли у насъ просвѣщенные вожаки? Какая у насъ наука? Понюхаетъ того, другаго, заглянетъ въ двѣ-три книжонки и пошелъ благовѣстить съ кафедръ!

А Владиміръ наблюдалъ издали за впечатлѣніями слушателей. Анна Михайловна сидѣла, сложа руки, не спуская глазъ съ сіятельнаго гостя, и только изрѣдка съ улыбкой поглядывала на другихъ: дескать, вотъ какіе люди къ намъ ѣздить! Авениръ копался въ журналахъ и поднималъ голову только при высокихъ нотахъ. Юленька, къ которой Бронскій чаще всѣхъ обращался, дѣйствовала мимикой, ста-

раясь выказать сочувствіе красотѣ слога. Инна лежала на козеткѣ, поглаживая усѣвшагося подлѣ Лару; но глаза ея свѣтились, вспыхивали при неожиданныхъ оборотахъ рѣчи, и по этимъ взглядамъ, по неожиданному жесту, Русановъ видѣлъ, что она не пропускаетъ ни одной сколько-нибудь замѣчательной мысли. Онъ очень хорошо зналъ привычки Бронскаго, понималъ, что тотъ не даромъ это дѣлаетъ. «Которая же изъ двухъ?» вотъ въ чемъ вопросъ!

— Ни на чемъ нельзя остановиться, кончилъ Бронскій:— нѣтъ ни одного отраднаго явленія!

— Въ чемъ же спасенье? сказалъ Русановъ, подходя и облокачиваясь на столъ.

— Спасенье?—Бронскій тоже всталъ и прямо смотрѣлъ ему въ лицо. — Ага! Вотъ что! Доктрину имъ подавай! Формулы для жизни!

— Да, твердо сказалъ Русановъ, — и хорошую доктрину! Дѣльные формулы!

— Дайте срокъ, дадутъ вамъ и доктрину, и дѣйствовать научатъ, а теперь пока мы можемъ высказаться только такой душѣ, которая совместила бы въ себѣ жаръ расплавленного желѣза съ молчаніемъ гробовой плиты....

— Помилуй Богъ, какіе страхи! съ улыбкою сказалъ Русановъ. — Скажите, графъ, что это за охота....—Онъ чуть не сказалъ: «дурачить себя....»—Что это за охота дѣлать изъ себя какого-то сфинкса?

Бронскій сдвинулъ брови, и, кто знаетъ,
часть I.

чѣмъ кончился бы споръ, еслибы не вмѣшалась Инна.

— А я вотъ разгадала этого сфинкса, сказала она поднимаясь. — Что такое значить do-wódca?

Бронскій вспыхнулъ, и обвелъ всѣхъ безпкойнымъ взглядомъ.

— Мнѣ кажется.... началъ было онъ.

— Мнѣ кажется, перебила Юленька, — завтра все-таки надо устроить кавалькаду, графъ.

Русановъ расхохотался, и разговоръ принялъ другое направленіе.

Послѣ ужина всѣ вышли провожать гостей. Двое дворовыхъ съ трудомъ удерживали графскаго коня, покрытаго тигровымъ вальтрапомъ; бѣлая пѣна капала съ мундштука; онъ рылъ землю ногой, и, храпя, косился на дрожащее пламя свѣчи. Графъ, чуть коснувшись чолки, сидѣлъ уже въ сѣдлѣ, а конь, почувствовавъ себя на свободѣ, взвился было на дыбы, но тотчасъ сталъ какъ вкопанный подъ сильнымъ цукомъ. Владиміръ усѣлся на свои дрожки.

— Вы не злитесь на меня? говорилъ графъ, выѣзжая изъ воротъ.

— Ничуть: вы испортили мнѣ вечеръ, вотъ и все!

— Фу, какъ вы поэтически выражаетесь!

— У васъ научился.... Вамъ налѣво?

— Да, не по пути. До завтра?

— До завтра.

Владиміръ, пріѣхавъ домой, тотчасъ кинулся на приготовленное ему ложе, и погасилъ свѣчу. Мухи, озадаченныя внезапною темнотою, подняли неистовое жужжанье, бились въ потолокъ, лѣзли въ глаза и насили, насили успокоились. А онъ все не могъ заснуть, ворочался съ боку на бокъ и освобождалъ себя вздохомъ какъ изъ бочки. Старый майоръ слушалъ, слушалъ; наконецъ потерялъ терпѣнье....

— Да что съ тобою?

— Мухи, дяденька, жалобно отвѣтилъ племянникъ.

— Кавуръ! сказалъ дядя.

— Ну, Юльчикъ, говорила Анна Михайловна, сидя у постели дочери, — поцѣлуй меня, такихъ успѣховъ я отъ тебя и не ожидала! Ты просто обворожила графа!

— Что вы, татап! Мнѣ стыдно! сказала та, потупивъ глазки и позируя въ живописномъ де-забиле, охватывавшемъ ея роскошныя формы.

— Да какъ и не обворожить! Какъ и не обворожить этакой красавицѣ! Только ты ужъ больно проста, надо посмѣлѣй, да понѣжнѣй...

— Какъ это можно, татап! При всѣхъ-то? Наединѣ съ нимъ я могу быть понѣжнѣе, а при другихъ нельзя и виду показать...

— Графинюшка ты моя! Гдѣ мнѣ учить? Ты умнѣй меня!

— Не правда ли, татап, какое громкое имя:

графиня Юлія Бронская? Я непременно упрошу его провести медовый мѣсяцъ въ Парижѣ...

— Развѣ я тебѣ наскучила? говорила Анна Михайловна:—мнѣ бы только порадоваться на васъ...

— Мы скоро вернемся, татап, право скоро... Какъ вы думаете, можетъ онъ къ вѣнцу сдѣлать мнѣ головной уборъ изъ золотыхъ розъ съ брилліантами вмѣсто росы? Недурно вѣдь!

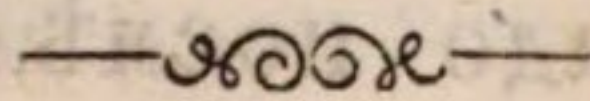
— Какое-жъ въ этомъ сомнѣніе!

— То-то. Я не хочу его раззорять...

Онѣ распрощались, но на порогѣ Анна Михайловна остановилась въ раздумьи.

— А ты, душечка, вотъ что еще. Ты напрасно Ишимова-то совсѣмъ отпихнула. Хорошо, какъ Богъ дастъ графа, а то не ровень случай. Да и графъ приревнуеть, и это лучше.

— Еі, татап!... Ишимовъ! сказала дочка, выставивъ губку. Она это переняла у Бронскаго.

Х.

Т А Й Н А.

На другой день графъ Бронскій и Русановъ опять встрѣтились на хуторѣ Горобцовъ. Только спала жара, графскіе берейторы подвели лошадей къ крылечку. Графъ хлопоталъ около Юленьки, и усаживалъ ее на сѣдло.

Русановъ подошелъ къ Иннѣ.

— Не трудитесь, beau chevalier, я сама сажусь на лошадь.

Она стала горячить вороного коня, и поскакала впередъ. Русановъ за ней, любуясь ловкостью и непринужденностью, съ какою она держалась на сѣдлѣ: точно она всю жизнь ничего другого и не дѣлала....

— Васъ узнать нельзя, говорилъ онъ, едва поспѣвая за ней:—вы сегодня такъ веселы, такъ оживлены!

— Забудьте мою брюзгливость, которая, я думаю, порядкомъ надоѣла вамъ! Вы ее больше не увидите...

— И давно такая перемѣна?

— Да какъ вамъ сказать? Съ того дня, какъ мы съ вами распрощались....

— Какъ это понимать?

— Какъ хотите, такъ и понимайте!

И, поднявъ лошадь въ галопъ, она запѣла:

Полно прѣсть, о, сага mia,
Брось свое веретено!
Въ San Luigi прозвонили
Ave Maria давно!

— Будемъ жить и веселиться! крикнула она вдругъ, повертывая лошадь къ кавалькадѣ.

Они обогнули прудъ и остановились у довольно широкой канавы. Юленька проворно обскакала ее и стала вызывать графа обогнать ее до роши, рисуясь и шая, какъ дитя. Голубая амазонка такъ и волновалась въ кокетливыхъ движеніяхъ, раскраснѣвшееся лицо дышало веселымъ лукавствомъ, расширенныя ноздри и плутовскіе глазки такъ и поддразнивали....

— Усидите ли вы? говорилъ графъ, не спускающая глазъ съ нея.

— Ловите жь! крикнула она, и, ударивъ лошадь хлыстомъ, съ хохотомъ понеслась по полю....

Графъ нагнулся, далъ шпоры, и перескочивъ канаву, пустился въ карьеръ за ней.

Инна хотѣла послѣдовать его примѣру, но, обернувшись, увидала Русанова, объѣзжавшаго канаву съ опущенною головой...

— Что это вы такую пѣночкой? сказала она, подѣхавъ къ нему.

— Я думалъ объ васъ, встрепенулся онъ.

— Можно узнать эту думу?

— Я боюсь, что вы попадете подъ вліяніе Бронскаго.

— А что? Развѣ онъ брыкается?

— Вы не знаете, что это за человѣкъ....

— Нѣтъ, это вы не знаете! Развѣ не правду говорилъ онъ вчера? поправились она.

— Правду!

Она поглядѣла на Русанова сбоку.

— Вы, стало-быть, сознаетесь? Все, на что онъ нападалъ, дурно?

— Стало-быть.

Она подняла брови.

— Да вѣдь это все одни слова, заговорилъ Русановъ....

— А чего жъ вамъ еще? Неужели вы не видите, что пока возможны только слова, слова и слова! Можно впрочемъ еще ждать....

— Чего-же?

— Пришествія того времени, когда первые будутъ послѣдними....

— Вы этому вѣрите?

— О, какой вы глупый! Не пеняйте, сами напросились на дружбу!

— А онъ, я вамъ доложу, бѣдовый! Онъ ужъ не одну молодую голову вскружилъ, онъ на это мастеръ....

— Да вѣдь тутъ есть цѣль!

— Какая жь цѣль?—Русановъ сорвалъ кленовый листъ, положилъ на ладонь и хлопнулъ.— Вотъ какъ дѣти забавляются: хлопнулъ одинъ, давай другой, это его тѣшитъ....

— И вы съ нимъ росли, учились, были пріятелями... Какъ вы его славно поняли!

— Мы никогда не были задумчивыми пріятелями: развѣ вы не знаете, что Поляки даже и въ университетѣ отдѣльнымъ кружкомъ. Онъ, правда, былъ общительнѣй, любилъ ходить ко мнѣ поспорить... Есть вещи, до которыхъ если дойдетъ, мы съ нимъ хоть на ножи...

— Чтò жь онъ по вашему?

— Баричъ, мечтатель! Признаться, я за то и люблю его, что онъ не такъ страшенъ, какъ самъ себя размалевываетъ. Поглядите-ка его въ обществѣ: тамъ онъ и властямъ угождаетъ, и на всѣ руки...

— Онъ другое дѣло!

— Это какъ же?

— Ишь какой любопытный. Ау! крикнула она на опушкѣ.

Изъ роши не откликались.

— Я его прозвалъ изжогой...

— Что-о-о?

— Изжога послѣ тридцатилѣтняго поста.

— Говорите проще, я терпѣть не могу метафоръ.

— Ну вотъ какъ изъ темной комнаты выйдешь

на свѣтъ, долго еще шуришься; такъ и эти господа воображаютъ, что фронда ихъ современна...

— Хорошо, да вѣдь до сихъ поръ и вы только отрицаете. Какой же вашъ-то идеаль? Обрисуйте...

— Чтò за идеаль? Хорошее встрѣчается и въ дѣйствительности.

— Кто жь это? спросила она насмѣшливо, ожидая, что онъ или скажетъ ей комплиментъ, или замнется и тонко намекнетъ на себя. Въ послѣднемъ случаѣ она рѣшилась взбѣсить его.

— Вотъ на примѣръ Доминовъ, сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

— Доминовъ? Я и не подозрѣвала.

— Да, заговорилъ Русановъ съ увлеченіемъ: — вотъ умный-то человѣкъ. Свѣтлый взглядъ, знанье дѣла...

Инна слушала съ улыбкой.

— А его юморъ? Я помню, недавно мы съ нимъ бродили въ городскомъ саду; онъ остановился у штамба георгинъ, наблюдая тлю... Вы никогда не видали? Это прелюбопытно! Кучка этой мелюзги облѣпить стебель и сосеть соки, а два-три муравья суеются и хлопочутъ около нихъ. Я, профанъ въ зоологіи, думалъ, что они ѣдятъ тлю. Доминовъ обратилъ мое вниманіе на ихъ занятія и разъяснилъ фактъ. Муравей подбѣжитъ къ букашкѣ, пощекочетъ ее щупальцами; она поднимется на переднія

ножки, выпустить каплю переработанного, прозрачного, сахарного сока, а муравей проворно завладѣть ей. Какъ бы славно было, говоритъ Петръ Николаевичъ, кабы и мы такими же лишними соками питались!

— А мнѣ вотъ и не нравится въ немъ именно то, что онъ самымъ разнохарактернымъ людямъ умѣетъ понравится. Не вѣрю я въ хамеоновъ этихъ! Представьте, графъ поетъ ему почти такой же панегирикъ! Мы впрочемъ незамѣтно удалились отъ начала разговора: вы меня сегодня просто поразили, и потому объявляю вамъ, сэръ, разъ навсегда, что никогда ни подчьимъ вліяніемъ состоять не намѣрена...

Они вѣхали въ самую чашу роши. Инна бросила поводья, и пустила лошадь шагомъ по извилистой, перерѣзанной корнями лѣсной тропинкѣ. Вечерѣло, посвистывали малиновки, гдѣ-то невдалекѣ журчалъ ручеекъ. Инна вдругъ откинула съ лица локоны, и проговорила: «бѣдный, бѣдный мой Леонъ!»

— Какъ? спросилъ Русановъ измѣнившимся голосомъ. Ему было такъ хорошо въ эту минуту ѣхать съ ней рядомъ, будто они вмѣстѣ переживали какую-то тихую мелодію, и вдругъ такой рѣзкій диссонансъ....

— Хотите я вамъ на ночь разкажу страшную сказку? Вы хорошо знаете дядю Конона Терентьича...

— Кролика-то? Имѣлъ счастье познакомиться.

— Это нисколько не мѣшало ему быть въ свое время волтеріанцемъ, гегелистомъ, байронистомъ, чѣмъ угодно. Это его послѣднія реформы такъ ошеломили, что у него все спуталось... Ну-съ, такъ года три тому назадъ, здѣсь былъ одинъ молодой человѣкъ, красавецъ, благородный, смѣлый, умный... Да впрочемъ, благо вамъ знакомо: одинъ изъ нихъ.... Мы жили съ нимъ душа въ душу.

— Вы?

— Да, не перебивайте, если хотите дослушать. Дяденька тогда часто ѣздилъ къ намъ и бесѣдовалъ все больше о матерьяхъ важныхъ... Ну вотъ онъ и принялся просвѣщать насъ; училъ «на жизнь насмѣшливо глядѣть».

— И вы уцѣлѣли?

— Я? Я и не поддавалась. Когда онъ пріѣхалъ сюда изъ столицы, мнѣ было пятнадцать лѣтъ. Онъ не догадался, что я почти ребенкомъ покончила съ его проповѣдями. Чтобъ это васъ не сбило съ толку, смотрите: отъ меня двѣ тѣни...

Русановъ въ самомъ дѣлѣ увидалъ на землѣ двѣ тѣни, одну рѣзкую черную, другую свѣтлѣе, туманнѣе...

— Не примите меня за сверхъестественное существо! Она, смѣясь, показала ему солнце, отраженное въ болотной лужѣ.

— Такъ вотъ эта рѣзкая тѣнь — это я, какъ вы меня знаете; а эта я же, если заглянуть въ

меня попристальнѣй. Меня уберегъ отцовскій закалъ, а Леонъ благоговѣлъ предъ столичнымъ ученымъ и вѣрилъ въ него, какъ Турокъ въ Коранъ. Мнѣ тяжело объ этомъ говорить, хоть и сама вызвалась...

Не легко было и Русанову: но на его лицѣ, всегда спокойномъ, какъ въ стоячей водѣ, никогда не было зыби...

— Онъ скоро превзошелъ учителя, собралъ уѣздную молодежь: пасквили, попойки, развратъ перессорили ихъ со всѣми сосѣдями. Это они звали отсутствіемъ предразсудковъ, оппозиціей застою, и еще сколько названій! Онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, вошелъ въ долги, а за все это платилась я.

Лошадь Русанова кашлянула, и попробовала укусить его шенкель.

— Сижу, бывало, и плачу цѣлую ночь напролетъ, чтобы двери ему отворить, чтобы отецъ не зналъ. Онъ придетъ пьяный, а на другой день рветъ не себѣ волосы, клянется оставить безпорядочную жизнь.

— Чѣмъ же это кончилось?

— Чѣмъ кончилось? Да надо еще придумать, вѣдь это сказка.... Продолжаю фантазировать. Онъ увлекъ жену одного изъ сосѣдей, мужу шепнули; тотъ подкараулилъ ихъ съ дворовыми и хотѣлъ попросту на конюшнѣ отодрать. А у Леона всегда съ собой былъ тульскій ножъ,

мой подарокъ. Онъ ударилъ супруга рукояткой въ високъ, и тотъ отправился къ предкамъ.

— Что жъ случилось съ тѣмъ несчастнымъ?

— Онъ бѣжалъ, и съ тѣхъ поръ я такъ и не имѣла объ немъ извѣстiя; только очень недавно....

Невдалекѣ слышались голоса графа и Юленьки, топотъ лошадей....

— Я надѣюсь, эта дикая фантазія останется между нами, сказала Инна, повертывая лошадь навстрѣчу имъ.

— Гдѣ вы были, милыя дѣти? Мы васъ цѣлый часъ ищемъ, кричала Юленька.

— Гдѣ жъ часъ? Не можетъ быть, говорилъ графъ. Онъ принялся болтать и выдѣлывать разныя эволюціи на лошади, пока кавалькада выбиралась изъ лѣсу.

— Проидеитесь пѣшкомъ, сказала Юленька, остановивъ лошадь: — я устала.

Бропскій вспыхнулъ и заботливо снялъ ее съ сѣдла.

— Возьмите мою руку, если устали.

Онъ повелъ ее, держа въ другой рукѣ поводья.

— Нѣтъ лучше ѣхать, рѣшила она, — только не шибко; я отвыкла отъ сѣдла.

Совсѣмъ стемнѣло, когда они подъѣзжали къ дому. Русановъ взялъ Иннину лошадь подъ уздцы и удержалъ назади.

— Что же, чѣмъ кончилось?

— Я его недавно видѣла.

— Но, ради Бога, кто онъ? Чтò онъ вамъ такое?

— Нѣтъ, проговорила Инна, взявъ его за руку:—обдумали ли вы, чего вы добиваетесь? Малѣйшая промолвка, и вся сказка, — прибавила она, смѣясь, — погибла....

— Не мучьте же меня!

— Чтò такое? — Она отдернула руку.

— Я привыкъ почти молиться на васъ. Ради нашей дружбы, зачѣмъ вы бросили на себя тѣнь?

— А-а-а! Вотъ пусть это и будетъ вашей дружбѣ испытаніемъ.

Она ударила лошадь хлыстомъ и присоединилась къ другой парѣ. Анна Михайловна дожидалась ихъ на террасѣ, боясь, чтобы не произошло чего любимой дочкѣ. Юленька, сойдя съ лошади, бросилась въ ея объятья, смѣясь и плача въ одно и тоже время. Бронскій стоялъ, кусая усы.

— Чтò ты, голубчикъ, чтò съ тобой, всхлопоталась Анна Михайловна.

— Устала, проговорила Юленька и торопливо, путаясь въ шлейфѣ, побѣжала въ комнаты.

— Пора гостямъ ко дворамъ, сказалъ графъ.

— Вы завтра въ городъ? обратился онъ къ Русанову.

— Да.

— Пріѣзжайте ко мнѣ; вмѣстѣ отправимся.

XI.

ИНТРИГА.

Леонъ сидѣлъ въ кабинетѣ графа за письменнымъ столомъ, освѣщеннымъ матовымъ свѣтомъ лампы. Передъ нимъ лежали бумаги, счета, ландкарты; онъ машинально чертилъ по нимъ перочиннымъ ножомъ, безцѣльно глядя въ темное окно. Лицо его всегда серьезное, почти мрачное въ людяхъ, имѣло какое-то страдальческое выраженіе, когда онъ оставался съ самимъ собою. Прошло еще нѣсколько времени; въ домѣ слышалась бѣготня прислуги. Бронскій весело вошелъ и бросилъ на столъ хлысть.

— Ужинъ! Лучшаго вина! Мы сегодня кутимъ, Леонъ! Проворнѣй! приказывалъ онъ лакею.

— Позволено ли мнѣ спросить что мы здѣсь дѣлаемъ, графъ? сурово проговорилъ Леонъ.

— Пока тонемъ въ роскоши Капуи, милѣйшій! говорилъ графъ, трепля его по плечу.

— А наши?

— Что жь? Мы не теряемъ времени, мы вербуемъ хорошенькихъ прозелитокъ.

— Ужь не женитесь ли вы, чего добраго?

— Я женюсь? У васъ бѣлая горячка?

Леонъ нахмурился.

— Такъ, люблюсь. Скажите ка лучше, какъ идетъ крестьянское дѣло? развѣдали вы?

— Ходилъ, угрюмо отвѣтилъ Леонъ

— Ну, и какъ же они приняли наши грамоты?

— Въ Терешковской волости повѣрили, волнуются....

— За успѣхъ! крикнулъ Бронскій, поднимая бокаль,

— Погодите радоваться-то! Въ другихъ стоять на своемъ, а изъ одной вашъ посланецъ на силу ноги унесъ.

— Что за вздоръ! сказалъ графъ, стукнувъ бокаль объ столъ такъ неосторожно, что ножка отскочила и порѣзала ему руку.— Не умѣютъ взяться, продолжалъ онъ, слизывая кровь;— нужно добиться, во что бы то ни стало. Я и не такимъ народомъ верчу, какъ пѣшками, а тутъ чтобъ не сладить съ этимъ *быдломъ*!

— Попробуйте, говорилъ Леонъ.

Онъ сталъ опаражнѣвать стаканъ за стаканомъ, и все угрюмѣй дѣлалось красивое лицо.

— Вамъ не слѣдуетъ пить, сказалъ графъ, вставая изъ-за стола:— васъ вино не веселитъ!

— Старая мораль, замѣтилъ Леонъ, — и гораздо хуже вашего венгерскаго.

Спустя часъ графъ ужь спалъ, беззаботно раскинувшись на постели; одна рука лежала на груди, будто прислушиваясь къ ровному біенію сердца. Курчавые волосы разметались на подушкѣ, на губахъ бродила улыбка. Леонъ, охмѣлѣвъ еще за ужиномъ, стоялъ надъ нимъ въ одной изъ тѣхъ думъ, которыя обыкновенно развязываетъ вино.

«Счастливецъ, думалось ему, можетъ-быть его завтра схватятъ; онъ гордо выйдетъ на судъ. Кто вы такой? Званіе, имя, фамилія? Графъ Владиславъ Бронскій. Какого вѣроисповѣданія? Никакого. Ни дѣйствовали ли вы противъ правительства? Дѣйствовалъ. Знаете ли вы, чему вы подвергаетесь? Знаетъ, и спитъ.... покойно. Онъ вѣритъ, вѣритъ!»

Леонъ спустился невѣрною походкой по витой лѣстницѣ въ нижній этажъ, и пошелъ черезъ огромную залу, бѣлую подъ мраморъ, увешенную семейными портретами. Мѣсяцъ слабо освѣщалъ ее сквозь стеклянныя двери и окна оранжеріи. Шаги его съ трескучимъ эхомъ отдавались въ залѣ. Онъ безцѣльно остановился передъ портретомъ какого-то рыцаря въ латахъ.

«Убійца!» проговорилъ онъ глухимъ голосомъ: «убійца!» повторилъ онъ передъ другимъ портретомъ, вышелъ въ садъ и зашагалъ по темнымъ аллеямъ. На воздухѣ вино еще больше бросилось ему въ голову; онъ разстегнулъ во-

ротъ рубашки и слонялся по песчанымъ дорожкамъ, шатаясь по сторонамъ, хватаясь руками за колючую акацію. Весь садъ какъ разомъ мелькнулъ въ усталыхъ глазахъ.....

Онъ повалился на траву, и тяжело заснулъ.

Спустя два или три часа, онъ проснулся и оглядѣлся съ изумленіемъ. На востокѣ краснѣло, сумерки будто уходили за сплоченную массу мелкихъ барашковъ; чешуйчатая броня ихъ зарумянилась по краямъ; золотистая полоска прорѣзала тучу; того и гляди выйдетъ солнце.

Леонъ подошелъ къ берегу рѣчки, огибавшей садъ. Будто дымъ отъ выстрѣла въ сырую погоду, стлался туманъ по изливамъ воды. Куличокъ съ громкимъ свистомъ потянулъ изъ-подъ ногъ Леона. Онъ сталъ освѣжать голову холодною водой. Стая утокъ просвистала рѣзвыми крыльями надъ нимъ; онъ проводилъ ее глазами и пошелъ въ поле разминать тѣло, утомленное возліаніями, безсонницей и разгоряченнымъ воображеніемъ. Когда онъ вернулся къ дому, солнце ужъ было высоко. На дворѣ графъ разговаривалъ съ незнакомымъ ему господиномъ, садясь въ коляску. Леонъ спрятался отъ нихъ за уголъ.

— Экое утро! проговорилъ Русановъ, прищуриваясь отъ блеснувшихъ прямо въ лицо теплыхъ лучей.

— Да, восторженный бюрократъ: свѣжее какъ огурецъ, покойное какъ лежація рессоры!

— Такъ, такъ! перебилъ Русановъ: — вѣчное глумленіе! Человѣкъ такъ устроенъ, что ему надо чему-нибудь кланяться; генераламъ совѣстно ужь, такъ давай духу времени.

— Какой слогъ! Какая глубина! посмѣивался Бронскій. — Не будемъ ругаться, давайте лучше говорить о Фейербахѣ: это нѣчто нейтральное.

— Не надоѣлъ онъ вамъ еще, пока литографировали? А кстати, графъ, вамъ ничего, а тамъ вѣдь кое-кто посидѣлъ за эту продѣлку.

— Что, небось, жалко стало? Фарисеи всегда заботятся о мятѣ, рутѣ, а лѣса истребляютъ безъ зазрѣнія.

— Что это, ваше сіятельство, на церковной гласѣ запѣли? Нѣтъ, Христосъ не проповѣдывалъ рѣзни. Онъ и плевель не велѣлъ дергать, чтобы пшеницы не сгубить.

— За то и привилось его ученіе на кострахъ инквизиціи!

— Этакъ мы съ вами и за горло другъ друга схватимъ, сказалъ Русановъ.

— Доказательство сильное! возразилъ Бронскій, завертываясь въ плащъ.

Часовъ въ двѣнадцать доѣхали до города. Русановъ пошелъ прямо на службу, а графъ велѣлъ остановиться у губернаторскаго дома, проворно взобрался по коврамъ лѣстницы и вошелъ въ пріемную залу. Нѣсколько просителей ожидали выхода его превосходительства. Де-

журный чиновникъ расхаживалъ изъ угла въ уголъ, считая паркетныя клѣтки и стараясь попадать ногой въ темныя.

— Потрудитесь доложить его превосходительству: графъ Бронскій, по дѣлу, не терпящему отлагательства.

— Его превосходительство заняты, не смѣю взять на себя вашего порученія.

— А возьмете вы на себя отвѣтственность въ государственномъ преступленіи, если оно совершится, пока я буду ждать?

Чиновникъ поклонился, вошелъ въ кабинетъ и спустя нѣсколько минутъ попросилъ графа пожаловать.

— А, очень радъ, проговорилъ губернаторъ, протягивая руку.

— Ваше превосходительство, сказалъ Бронскій, раскланиваясь: — я никакъ не осмѣлился бы отвлекать васъ, еслибы не забота объ общественной безопасности.

— Что такое, графъ? Садитесь пожалуйста!

— Мнѣ стало извѣстно, началъ Бронскій офиціальнымъ тономъ: — что нѣкоторые неблагонамѣренныя люди смущаютъ крестьянъ, научаютъ ихъ неповиновенію властямъ и всѣми силами стараются произвести смуту въ нашемъ краѣ.

— Скажите! Стало-быть, правда? проговорилъ губернаторъ, блѣднѣя.

— Со дня на день должно вспыхнуть воз-

мущеніе въ Терешковской волости. Не смѣю совѣтывать....

— Говорите, графъ, говорите!

— Я полагаю бы немедленно послать туда военную силу, для энергическаго вразумленія непокорныхъ.

— Разумѣется! Большое вамъ спасибо, что вы во время пріѣхали; представьте, въ какое затрудненіе я былъ поставленъ; все это хотѣли на васъ свалить. Я вчера получилъ на васъ доносъ. Не угодно ли любопытствовать?—Онъ указалъ графу листъ почтовой бумаги, и тотъ взволнованнымъ голосомъ прочелъ: «Честь имѣю увѣдомить ваше превосходительство, что графъ Бронскій, дѣйствуя постоянно во вредъ законному правительству, распространяетъ ложные слухи и пагубныя идеи въ народъ. Не утруждая васъ изложеніемъ причинъ моего инкогнито, осмѣливаюсь просить, для блага ввѣренной вашему управленію губерніи, обратить особенное вниманіе ваше на возмутителя общественнаго спокойствія.»

— И только, сказалъ графъ съ презрительною усмѣшкой,—но вѣдь это анонимное письмо, и я надѣюсь, ваше превосходительство цѣните его, какъ должно. Какая гнусность! Какое холопство!

— Успокойтесь, графъ.

— Да, сказалъ Бронскій, вздохнувъ,—у меня много враговъ.

«Русановъ, непременно Русановъ», вертѣлось у него въ головѣ.

— Много враговъ слѣдятъ за мною, продолжалъ онъ съ грустью:—они знаютъ, что пока я живъ, ни одинъ бездѣльникъ....

— Но кто же эти бездѣльники? перебилъ губернаторъ.

— Настоящіе дѣятели въ здѣшнемъ краѣ неизвестны мнѣ; я эти свѣдѣнія получилъ отъ преданныхъ людей, но имѣю сильное подозрѣніе на нѣкоторыхъ....

— Здѣшнихъ?

— Ваше превосходительство, это дѣло очень щекотливое, пока подозрѣніе не оправдалось. По мѣрѣ подтвержденія, я не премину сообщить вамъ имена людей, которыхъ слѣдуетъ удалить. Пока я могу назвать только чиновника гражданской палаты, Русанова.

— Русановъ? переспросилъ губернаторъ, записывая въ памятную книжку.

— Точно такъ, человѣкъ очень вреднаго направленія.

— И все молодежь? А?

— Большею частію, ваше превосходительство. Вотъ они надежды нашего бѣднаго отечества, безмысленная болтовня, духъ отрицанія! Таковы ли истинные патріоты? Станутъ ли они попусту разглагольствовать тамъ, гдѣ нужны живыя силы, рабочія способности?

— Но если такъ, это еще не страшно.

— Нѣтъ, они опаснѣй, чѣмъ вы изволите полагать; они рѣшились развращать народъ до послѣдней степени и произвести всеобщее возстаніе.

Долгое еще бесѣдовалъ графъ съ губернаторомъ. Генераль проводилъ его до залы, и остановясь въ дверяхъ, обратился къ нему съ любезною улыбкой.

— Отчего вы не служите, графъ? Я поручилъ бы вамъ почетный постъ.

— Цѣню выше всего благосклонность вашего превосходительства, но предпочитаю служить интересамъ отечества, не стѣсняя себя формальными обязанностями.

Губернаторъ подозвалъ дежурнаго чиновника.

— Потрудитесь передать вашимъ товарищамъ секретно: графъ Бронскій входитъ ко мнѣ во всякое время дня и ночи безъ доклада, сказалъ онъ, и началъ обходить просителей.

А графъ, въ сопровожденіи чиновника, спустился въ переднюю, далъ ассигнацію швейцару и сѣлъ въ коляску.

— Имѣю честь поручить себя вашему сіятельству, неизвѣстно для чего говорилъ дежурный, откланиваясь графу съ крыльца, безъ шляпы, съ заискивающею улыбкой.

Бронскій торопилъ кучера, разваясь на подушкахъ.

— Buona sera! Buona se-e-e-ra! напѣвалъ онъ, посмѣиваясь и покачиваясь въ экипажѣ. Про-

хожіе, останавливаясь, съ завистью любовались кровными сѣрыми рысаками.

Въ то же утро, едва Доминовъ увидалъ вошедшаго Русанова, взялъ его подъ руку, и отошелъ въ сторону.

— Я не могу нахвалиться вами, началъ онъ: такой распорядительности, такой дѣятельности, я право не ожидалъ; нынѣшніе студенты... охъ!

Русановъ поклонился.

— Это заслуживаетъ особенаго поощренія; не останавливайтесь на полдорогѣ. Я не доволенъ секретаремъ, это мѣсто будетъ ваше. Не обращайтесь вниманія на толки здѣшнихъ слугъ; это люди съ толкучаго рынка: они дотягиваютъ свою лямку. Найдутся другіе, которые отдадутъ вамъ справедливость... Пойдите, есть еще частное дѣльце, объясните мнѣ что это значитъ?

Доминовъ показалъ ему какую-то бумагу.

Русановъ взглянулъ и покраснѣлъ.

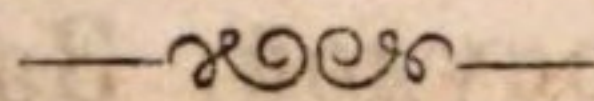
— Какъ это... я... такъ? могъ онъ только проговорить. Въ концѣ бумаги вмѣсто его подписи значилось: Инночка.

— Ничего, ничего. Выскоблить и сандаракомъ потереть, вотъ и все. Не въ томъ дѣло. Вы ужь не влюбились ли? говорилъ Доминовъ, слегка подтрунивая. — Смотрите Владиміръ Ивановичъ, не дайте маху! Передъ вами прекрасная карьера, у васъ отличныя способности... Положимъ, же-

нитьба дѣло тоже хорошее. Если вы возьмете за женой тысячь пятьдесятъ, шестьдесятъ, это не помѣшаетъ, даже выдвинетъ васъ. Но вотъ бѣда: въ ваши лѣта такъ не женятся...

Русановъ улыбался.

— Вы извините меня пожалуйста; я говорю по дружбѣ и по опыту. Это имя напомнило мнѣ одну госпожу, извѣстную своею эксцентричностью, и я такъ только предостерегаю васъ. Мы, новые люди, должны крѣпко стоять другъ за друга, прибавилъ онъ, пожимая руку Русанову.

XII.

БРОДЯЧАЯ ТРУППА.

Въ началѣ августа уѣздный городокъ замѣтно оживился, открылась ярмарка. Вдоль по главной улицѣ и на всей площади потянулись ряды палатокъ съ краснымъ товаромъ, возы со всевозможными фруктами, рядомъ съ деревянною и глиняною посудой. За городомъ въ полѣ пасся табунъ лошадей въ дощатой загороди. Покупатель на свое счастье и на потѣху зрителей забрасывалъ арканъ; поднималась бѣготня, ржанье, и пойманнаго степняка выводили при одобрительныхъ крикахъ толпы. Два ремонтера ругались съ барышниками. На перекресткахъ сидѣли бабы съ мѣшками вареныхъ раковъ; ихъ тутъ же поглощали мѣстные гастрономы на мѣдные деньги. Губернская и уѣздная аристократія каталась въ разнообразныхъ экипажахъ; помѣщики толкались на торгу. Тамъ и сямъ расхаживали продавцы пряниковъ и

прочей мелочи. Въ толпѣ любопытныхъ проворный Жидокъ предлагалъ попытать фортуны на попорченной астролѣбіи; кто поставитъ сразу алидаду на извѣстную черту—тому карбованецъ; промахнется — давай гривну; и много гривенъ перешло въ карманъ хитреца, Хотѣли ужъ побить его, но вмѣшалась полиція. Большой кружокъ народа собрался подлѣ фонарнаго столба съ длинною афишей; на ней было изображено крупными буквами:

«Съ дозволенія начальства, труппою путешествующихъ артистовъ представлено будетъ съ участіемъ мѣстныхъ любителей, подъ дирекціей Шураховскаго»... Потомъ шло исчисленіе піесъ, изъ которыхъ одна была малороссійская, и въ заключеніе обѣщался дивертисментъ съ танцами, пѣніемъ, чтеніемъ стиховъ и чуть не фейерверкомъ.

— Cousin! кричала Юленька, высовываясь изъ кареты: — venez donc!

Коля подбѣжалъ къ дверцамъ.

— Чтò это вы покупаете?...

— Конфедератку, важно отвѣтилъ онъ, показывая ей четырехъугольную шапку, съ мерлушковымъ околышемъ.

— Возьмите намъ ложу поближе къ сценѣ. Вы будете, конечно?

— Непремѣнно, устраивается демонстрація...

— Ну, то-то!

Карета покатилаь.

На дворѣ предводительскаго дома, въ просторномъ манежѣ устроили сцену. Наскоро отгородили полукругомъ рядъ ложъ, поставили стулья, а позади ихъ горкой возвышались скамьи для *галерки*, какъ называли студенты раекъ. Въ семь часовъ театръ наполнился. Въ ложахъ рисовались дамы *декольте*. Изъ послѣдней къ сценѣ, драпированной красными занавѣсками, предводительша слѣдила за Бронскимъ. Онъ стоялъ въ первомъ ряду креселъ и фамиліярно разговаривалъ съ какимъ-то, повидимому, мѣщаниномъ, въ сѣрой поддевкѣ, въ очкахъ, съ длинною бородой. Тотъ явно важничалъ, поднималъ красное лицо къ ложамъ, и отрывисто отвѣчалъ на вопросы. Цѣлая компанія молодежи въ бѣлыхъ свиткахъ окружала ихъ.

— Кто это? спросилъ Русановъ у пріѣхавшаго съ нимъ Доминова.

— Какъ! Вы не знакомы? Это извѣстный Лукошкинъ, всю Россію обошелъ...

— А, это онъ? Слыхалъ, сказалъ Русановъ и обернулся къ ложамъ, отыскивая Горобцевъ. Онъ увидалъ въ ихъ ложѣ Инну въ черномъ шелковомъ платьѣ съ высокимъ воротомъ. Она смотрѣла на *галерку*, откуда раздавались нетерпѣливыя рукоплесканія.

Плохой оркестръ мѣдныхъ инструментовъ проигралъ что-то. Занавѣсъ съ изображеніемъ жертвенника раздвинулся на стороны. Шураховскій въ казацкомъ костюмѣ расхаживалъ по

сценѣ, представлявшей внутренность хаты, ломаясь и размахивая руками. Жена его въ красномъ казакинѣ съ корабликомъ * на головѣ, очень смазливенькая, уперла руки въ боки, и притопывая подковами черевиковъ, запѣла довольно пріятнымъ голосомъ:

И вчора пампушки!

И сегодня пампушки!

Графъ первый началъ хлопать, молодежь подхватила, за ней *галерка*, и вся зала затряслась отъ аплодисментовъ. Инна наклонилась черезъ барьеръ и бросила къ ногамъ артистки букетъ бѣлыхъ гарденій.

— Неужели это такъ хорошо? спрашивалъ озадаченный Русановъ. Онъ съ самаго начала пробрался въ ложу и стоялъ за стуломъ Инны.

— Это такъ нужно; это льститъ національности, сказала она, обертываясь къ нему.

— Странно что-то! Отчего жъ эта жинка измѣняетъ мужу для москаля. Вотъ и москаль-чаривникъ, и тамъ тоже....

— Ну, вотъ вѣчно съ серіозными вопросами! говорила Инна, обмахиваясь вѣеромъ: — подите, не портите мнѣ *bien-aise*....

— Вы рѣшительно перемѣнились...

— Да, можетъ-быть отъ того, что частое удовольствіе не въ удовольствіе! Мнѣ хорошо въ толпѣ нынче... И какъ-то право весело... Что-

* Головной уборъ.

то такое во мнѣ...—И она такъ взглянула на Русанова, что у того все запрыгало въ глазахъ...

Шла нѣмая игра изумленного мужа при видѣ жены, преобразившейся въ солдата. Въ одной изъ ложъ шумно усаживались новоприбывшіе. Русановъ направилъ свой бинокль, и узналъ Ишимова съ разряженной молоденькою женщиной. Онъ бережно снималъ съ нея бархатную тальму, она кивнула ему хорошенькою головкой съ васильковымъ вѣнкомъ на взбитыхъ волосахъ.

— Это онъ въ пику мнѣ! сказала Юленька сестрѣ, добродушно улыбаясь.

Въ партерѣ все любовалось красавицей.

— Это возмутительно! Въ три недѣли! проговорилъ Русановъ какимъ-то болѣзненнымъ голосомъ, опуская бинокль.

Инна взглянула на него. Владиміръ Ивановичъ былъ блѣденъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она его знала.

Піеса кончилась при громкихъ рукоплесканіяхъ. Вызывали Шураховскаго.

— Всѣхъ! всѣхъ! раздавались голоса.

— Чтò съ вами такое было? спросила Инна, обертываясь къ Русанову.

— Помните, я вамъ разказывалъ про Нилочку?... Это она, бѣдная Нилочка, въ золотыхъ браслетахъ, въ кружевахъ...

— А! Ну, подите, выпейте стаканъ лимонаду.... Послѣ! Послѣ!

Опять поднялся занавѣсъ. Пошла русская пѣса: *Не мѣсто красить челоуѣка*. Актеры играли вяло, говорили заученнымъ голосомъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ.

— Этого слушать просто нельзя, сказала Инна: — ну не отчаивайтесь же, можетъ-быть это такъ только...

— Чтò такое? спросилъ Русановъ.

— Да, Нилочка-то ваша...

— Инна Николавна, мнѣ не слѣдовало объ этомъ и заговаривать....

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйте; я не изъ московскихъ барышень, хоть можетъ-быть и меньше ихъ знаю. Чтò онъ перебилъ у васъ любовницу, это вы хотѣли сказать?

— У меня? Какъ у меня?

— Такъ это не ревность? Чтò жь это?

— Неужели жь вамъ не жалко бѣдной, развращенной дѣвушки?

— Это развѣ развратъ? Вотъ видите, какъ различны бываютъ взгляды! А я ее уважаю; она по крайней мѣрѣ живетъ...

«Я становой приставъ и не могу измѣнить моимъ убѣжденіямъ», трагически произнесъ молодой актеръ.

Графъ приподнялся и шикнулъ, въ партерѣ опять подхватили...

— Насилу-то! сказала Инна и подала руку Русанову. — Проидеитесь, здѣсь жарко.

Русановъ накинулъ ей бедуинку и повелъ по

дорожкѣ, межъ двухъ рядовъ статуй, освѣщенныхъ красноватымъ свѣтомъ плашекъ.

— А все-таки она стояла не такой любви, говорилъ Русановъ.—Онъ ее бросить!

— Вы вѣрите въ неизмѣнную? насмѣшливо спросила Инна.

— Мнѣ непріятно это слышать отъ васъ; особенно послѣ грустныхъ извѣстій, которыя получены мной изъ Петербурга...

— Что жъ такое?

— Тамъ у меня пріятель есть: удивительныя новости сообщаетъ. Что вы скажете, напримеръ, о семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, которая вскакиваетъ на столъ съ бокаломъ въ рукѣ и кричитъ: «крови! крови»!

— Ну, Петербургъ, это извѣстно.

— Только извѣстно?

— Нѣтъ, пожалуй съ одной стороны этому радоваться надо...

— Вотъ какъ! А мнѣ кажется, что это со всѣхъ сторонъ безобразіе. Вонъ мой пріятель, пожалуй, восхищается, что выпущенные изъ крѣпости молодые люди хвастаются тѣмъ, будто они чему-то научились на предки... Люди, значить, энергіи и дѣла!

— Что жъ, и этому можно порадоваться!

— Да помилуйте, что жъ тутъ хорошаго! Безсмысленными выходками добиться до безпощадной реакціи. Вонъ и воскресныя школы закрыли, потому что тамъ коммунизмъ проповѣ-

дывался; и читальни закрыли: тамъ то же чортъ знаетъ что творилось... Ну и на здоровье имъ, за что жь народу-то въ чужомъ пиру похмѣлье? Последнія средства выйти изъ невѣжества отнимаются.

Инна сѣла на скамейку, и прислонясь къ рѣшетчатой спинкѣ, смотрѣла на вьющіеся огоньки плашекъ и шкаликовъ.

— Вспомнилось и наше студенчество, продолжалъ Русановъ. Сколько силъ потрачено! Сколько времени убито! И для чего? Разграничивали, разграничивали Европу, а потомъ пошли на площадь и тамъ ихъ лавочники похватили! До чего дошло: своими ушами слышалъ въ Англійскомъ клубѣ господина. На что намъ, говоритъ, образованные люди?

— Ну-съ, перебила Инна, наговорили вы много, къ какому результату вы пришли?

— Какой же тутъ результатъ?

— Очень простой: не остановить вамъ этого движенія никакими сентенціями. Пойдемте лучше русскую комедію дослушивать!

Между тѣмъ Бронскій отправился за кулисы. Тамъ Коля ухаживалъ за молоденькою танцовщицей; она сидѣла у одной изъ плашекъ, освѣщавшихъ боковыя декорации и протягивала ножку поклоннику искусства. Окружавшіе молодые люди спорили за право надѣть ей башмачекъ.

— Мы живемъ *ан-сосіетэ*, сообщалъ Колѣ
часть I.

jeune premier: — бѣольшая часть выручки идетъ на великое дѣло, остальное мы дѣлимъ поровну....

— Вотъ жизнь! восхищался тотъ: — право еслибы mademoiselle поцѣловала меня, я бы пошелъ къ вамъ въ труппу.

— Въ поцѣлуѣ нѣтъ грѣха, сострила Терпсихора, протягивая губки.

Начался дивертисементъ. Одинъ любитель пѣлъ малороссійскую пѣсню, въ которой излагались похождения, нравы и обычаи различныхъ птицъ, начиная съ синицы и кончая журавлемъ. Это особенно нравилось галеркѣ, которая въ простотѣ сердечной и не понимала политическаго смысла пѣсни. Оттуда слышались восклицанія въ родѣ: «швидче *, сучій сынку»!

— Голова! сообщалъ Колѣ jeune premier, указывая на любителя: — кандидатомъ курсъ кончилъ въ Кіевѣ, да замотался, запился въ этой затхлой средѣ; теперь къ намъ хочетъ...

— Рѣшительно иду въ труппу! восклицалъ Коля.

— Вы все еще сердитесь на меня? подошелъ къ нему Бронскій.

— Полноте, графъ, отвѣтилъ обрадованный юноша.

— Вспомните, что мы были въ обществѣ обскурантовъ. Зачѣмъ открывать игру? Высшая та-

* Шибче

ктика: «скачи враже, якъ панъ каже»; надо брать людей, какъ они есть, чтобъ они на что-нибудь годились... А васъ я еще тогда замѣтилъ, вы одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ передовыхъ людей.

— Ахъ, графъ! могъ только проговорить юноша, захлебываясь отъ восторга.

Краковякъ прошелъ превосходно къ общему удовольствию публики. Танцовщица не скупилась на позы; видно было многое. Одинъ помѣщикъ выходилъ изъ себя, высовывался изъ ложи, и отбилъ себѣ до-красна ладони. *Галерка* неистовствовала.

Наконецъ выступилъ московскій купецъ Заевъ, пріѣхавшій на ярмарку съ книгами. Онъ держалъ въ рукѣ томъ Лермонтова, и сталъ читать пѣсню о купцѣ Калашниковѣ.

Прошли три, четыре строфы. Съ галерки раздалось: «довольно». Купчикъ дрогнулъ, по лицу пробѣжала краска, но онъ все-таки продолжалъ.

Въ креслахъ слышался свистокъ, другой, третій. Заевъ опустилъ книгу и растерялся.

— Го! Га! Втикай! гремѣли свитки въ партерѣ.

— Чуешь? Отзывались на *галерку*, може такъ и треба?—Галерка подхватила.

Шураховскій съ Колей вскочили на сцену.

— Кланяйтесь и благодарите! крикнулъ первый. Заевъ до того сконфузился, что кланялся

волновавшейся и хохотавшей публикѣ, и улыбался блѣдный, какъ мертвецъ.

— Надѣньте шапку, кричалъ Коля, нахлобучивая ему капелюхи.

— Занавѣсь! Занавѣсь! Кричалъ графъ изъ креселъ, покрывая шумъ своимъ голосомъ.

У выхода поднялась давка. Зрители расходились и разѣзжались въ темнотѣ. Графъ и Русановъ усаживали въ карету Горобцевъ.

— Вы завтра у насъ, графъ? спрашивала Юленька, выставя назадъ ручку.

— Непремѣнно, сказалъ Бронскій, украдкой прижимая ее къ губамъ.

— Счастливецъ, говорилъ Русановъ Иннѣ: — можетъ располагать своимъ временемъ.

— А вы опять на двѣ недѣли, и къ моему рожденію не пріѣдете?..

— Во что бы то ни стало, говорилъ Русановъ, въ восторгѣ. — Я и завтра еще пробуду здѣсь. .

— Ну, такъ до свиданія — въ библіотекѣ!

На сценѣ тушили плошки, подметали грязь; танцовщица безъ церемоніи облекалась въ обыкновенное, засаленное платье; *société* перепилось до вращенія земли и подралось при дѣлежѣ

— Что жь это? думалъ Русановъ, пробираясь по забору, это просто демонстрація; то-то порадуются противники искусства для искусства.

Графъ выѣхалъ въ своемъ экипажѣ на уголъ

улицы и дожидался кого-то, завернувшись въ плащъ. Подошелъ мущина въ пальто съ поднятымъ воротникомъ.

— Шураховскій, вы?

— Я.

— Садитесь. Пошелъ! Выручка велика?

— Больше тысячи рублей; насъ вездѣ встрѣчали съ сочувствіемъ; третьяго дня вѣнокъ поднесли.

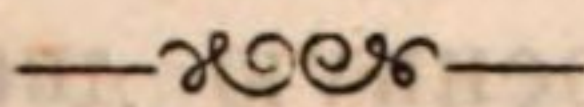
— Это хорошо; вы получите отъ меня еще пять тысячъ. Сдайте кому-нибудь дирекцію и отправляйтесь завтра въ Литтихъ; я вамъ дамъ адресъ завода. Смотрите, чтобы всѣ ружья были съ моимъ клеймомъ: В и Б подъ короной; тамъ ихъ вамъ уложатъ, а провести ужъ ваше дѣло.

— Лучше всего на границѣ контрабандистамъ поручить.

— Ужъ тамъ какъ знаете. Кстати захватите экземпляровъ двѣсти *Колокола*, ну и еще какой-нибудь дряни; это удивительный конфертативъ на здѣшніе мозги!

— Чтò сказать отъ васъ варшавскимъ друзьямъ?

— Скоро самъ буду къ нимъ.

ХІІІ.

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Проснувшись поздно, Русановъ тотчасъ одѣлся и отправился въ библіотеку. Она помѣщалась на площади, въ небольшомъ, чистенькомъ домикѣ. Русановъ отворилъ обитую кленкой дверь, колокольчикъ задребезжалъ на всѣ комнаты.

«Все какъ быть должно,» подумалъ онъ, сбрасывая пальто, и вошелъ въ свѣтлую залу. По стѣнамъ висѣли портреты русскихъ писателей, по срединѣ стоялъ столъ, заваленный ежедневными газетами и окруженный стульями.

«И тутъ хорошо, рѣшительно мы цивилизуемся,» думалъ Русановъ, проходя въ слѣдующую комнату. Тамъ даже мебель была мягкая, на столѣ въ порядкѣ разложены толстые журналы; сквозь отворенную дверь виднѣлась спина библіотекаря за конторкою въ третьей комнатѣ. Но все это только мелькнуло въ глазахъ

молодаго человѣка. Облокотясь на одну руку и запустивъ ее въ роскошные волосы, Инна перелистывала журналъ; нѣсколько времени онъ любовался ею, пока она не подняла головы.

— Ну, васъ кошечка не съѣсть, сказала она, показывая часы, — скоро и обѣдать пора.

— Вы однѣ здѣсь?

— А что? Васъ это поражаетъ? Не тужите безвременно.... Ужо въ библіотекѣ будетъ цѣлый полкъ; у насъ аккуратно собираются по вечерамъ играть въ карты; недурно?

— Я и объ этомъ не тужу; изъ отчета видно, что карты доставляютъ половину всего дохода.

— Да, вотъ что! Утилитарность!

— А какъ же иначе? Эти господа и копѣйки бы не пожертвовали; играютъ они въ боковыхъ комнатахъ, заниматься не мѣшаютъ. А вы что это почитывали?

— *Основу.*

— Скажите пожалуйста, вамъ ближе знать, какая это *Основа*? чего? Я, признаюсь, думалъ, что это *основа* небывалаго языка.

— Ну, да ужъ вамъ стоить только подумать, непременно парадоксъ выйдетъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, для кого пишетъ хоть г. Кулишъ? Если для народа, такъ вѣдь мало написать *ындывыдуальность, цывылызацин*, надо растолковать въ чемъ дѣло, а на это понадобятся цѣлые тома; а если для общества — такъ какъ вамъ это нравится?

— Да ужь чтò вамъ за дѣло! Нравится ли, нѣтъ ли, а вотъ наша молодежь начинаетъ таки говорить на родномъ языкѣ.

— Вы стало-быть раздѣляете надежды хохломановъ?

— Да, вы не ругайтесь, я вамъ опять скажу, духа времени вамъ по своему не перевернуть.

— Чтò такое духъ времени? Это ужь для меня и совсѣмъ непонятно.

— А вотъ оно чтò! Вы просто оригинальничать изволите... Ну, теперь все понятно!

— Нѣтъ, не шутя, Инна Николаевна, чтò такое духъ времени? Вы вотъ, вѣроятно, представительница его? ну, а я какъ? Не во времени существую?

— А вы тормазъ его....

— И всѣ, кто также думаетъ?

— Вы хотите сказать, что васъ больше? Тѣмъ стыднѣй!

— Да послушайте, еслибъ это было къ лучшему, я первый присталь бы.... Ну, скажите по совѣсти, какіе идеалы выработали эти господа? Шевченко, напимѣръ.... Последнее слово? Максимъ *ръже*, а Ярема, еще лучше—не *ръже*—*лютуе* на пожарищахъ.

— А нуте-ка, я вамъ задамъ такой же вопросъ: порѣшили ли вы чтò лучше, то ли чтò вамъ кажется такимъ, или чтò мнѣ? Вамъ вотъ съ дѣтства говорили, что это зеленое сукно, вы его и называете такъ, и я тоже; а такъ

ли глазъ нашъ видитъ его? Очень можетъ-быть, мы называемъ по привычкѣ однимъ именемъ разные цвѣта.

— Вотъ она, батюшка, вотъ она! еще въ залѣ кричалъ Коля, таща подъ руку Лукошкина.

Онъ сбросилъ свитку, надѣтую сверхъ красной рубашки, и подвелъ товарища къ Иннѣ.

— Позвольте вамъ представить русскую женщину: моя кузина!

Русановъ поглядѣлъ на нихъ съ усмѣшкою: Сама Инна сконфузилась.

— Я видала monsieur Лукошкина въ Петербургѣ, поспѣшно проговорила она, протягивая руку.—Вы теперь наши края посѣщаете?

— Да, путешествую по великой и обильной землѣ нашей и все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что порядка въ ней нѣтъ.

— Тутъ чортъ знаетъ что дѣлается! прорвало вдругъ гимназиста: — вотъ полюбуйте: *Русскіе Вѣстники, Домашнія Бесѣды, Сыны Отечества*.... знаете на что все это пригодно?

— А на что? спросилъ Лукошкинъ, видимо ждавшій надлежащаго отвѣта.

— Запалить ихъ, да и подпалить вонъ то прекрасное зданіе, отвѣтилъ гимназистъ, показывая въ окно на стоявшій насупротивъ земскій судъ.

— Ого! Да вы дальше насъ пошли, сказалъ Лукошкинъ, совершенно довольный выходкой.

Русанова это, наконецъ, взорвало.

— А вамъ, значить, няня сказала, какъ оно называется?

— Какъ вы смѣете? Э, да что съ вами изъ пустаго въ порожнее переливать; васъ всѣ отсталымъ называютъ.

— Господа, сказала Инна, — мы вчера съ графомъ разсуждали, какъ бы заохотить аборигеновъ къ чтенію, и рѣшили дать литературный вечеръ.... въ пользу бѣдныхъ студентовъ нашего края; вы, конечно, примете участіе?

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Лукошкинъ, — у меня кстати поспѣлъ уже очеркъ здѣшняго народнаго быта...

— Да что читать-то? возразилъ Коля, — скоро ли мы доживемъ до того времени, когда позволятъ Герцена...

— Да скоро ужъ и позволятъ, усмѣхнулся Русановъ: — больше опошлиться нельзя...

— Ну, а вы принесете свою лепту?..

— Нѣтъ, увольте; у меня отъ этой литературы ужъ голова трещить...

— Напрасно! подтрунивала Инна: — Такъ и порѣшили ничего не читать, чтобы голова всегда свѣжа была?..

— Такъ и порѣшилъ, отвѣтилъ съ неудовольствіемъ Русановъ, подавая ей накидку.

— И такъ до общаго свиданія, проговорила она, кивнувъ имъ головкой.

XIV.

ЖАРЪ КРОВИ.

Съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся Русановъ за дѣла... Чижиговъ, глядя на него, и самъ сталъ усердствовать и работать на славу. Старые служаки только переглядывались.

— Столичная штука, а натка поди! говорилъ взъерошенный столоначальникъ.

Поручили Владиміру Ивановичу исправлять должность секретаря; предсѣдатель сталъ относиться къ нему съ уваженіемъ; молодые писцы въ клѣтчатыхъ невыразимыхъ, съ бородками и эспаньолками, души въ немъ не чаяли. А онъ съ каждымъ днемъ становился грустнѣй, да грустнѣй. Пока въ присутствіи, не даетъ себѣ ни минуты свободной, читаетъ указы, провѣряетъ докладныя записки; если своего дѣла нѣтъ, у другихъ возьметъ; а домой придетъ, сидитъ на диванѣ скучный, скрипку возьметъ, фантазируетъ.

— Что вы это, Владиміръ Ивановичъ, все такое жалостное наигрываете? Али пора пришла? спросилъ разъ Пудъ Савичъ, внося ему свѣчи на столъ.

— Какая пора?..

— Извѣстно-съ, пора молодцу жениться, пора ѣхать со двора...

— Н...да, вотъ какая! проговорилъ Русановъ какъ-то на двое.

Однажды, возвратясь изъ палаты, онъ нашелъ на столѣ письмо, только что пришедшее съ почты. Онъ тотчасъ же узналъ почеркъ.

«Если вы не пріѣдете къ 30-му августу, я сочту всю нашу дружбу громкою фразой, и побѣда останется за мной. Побалуйте новорожденную Инну.»

— Которое нынче число? спрашивалъ Русановъ, входя къ хозяину.

— Двадцать седьмое-съ...

— Пожалуста, добрѣйшій Пудъ Савичъ, распорядитесь, чтобы завтра мнѣ были лошади готовы... Наймите, — и Русановъ обнялъ изумленного хозяина.

— Къ дядюшкѣ отправляетесь погостить?

— Погостить, погостить, весело отвѣтилъ Русановъ.

Вернувшись въ кабинетъ, онъ для чего-то старательно убралъ на столѣ бездѣлушки, потомъ взялъ листъ почтовой бумаги, и сталъ писать.

«Помнится, я обѣщалъ тебѣ, милый другъ, подробно писать тотчасъ по пріѣздѣ. И вотъ только теперь собрался. Читай, удивляйся, но не подражай! Я такъ счастливъ, въ эту минуту, такъ счастливъ, что не подѣлиться не могу. Сейчасъ только получилъ очаровательное письмо... отъ нея. Перечитываю въ сотый разъ, и все новый смыслъ, новое значеніе! Испытывала ли ты то чувство, когда, говорятъ, камень сваливается съ плечъ? Но, такъ ты ничего не поймешь. На счастье или на бѣду, я нашелъ въ черноземной почвѣ Украины алмазъ чистѣйшей воды (см. руководство къ минералогіи). Смѣйся, смѣйся, я и самъ смѣюсь, что въ угоду тебѣ пишу такимъ высокимъ слогомъ. Представь себѣ Грѣзовскую головку... Впрочемъ искони извѣстно, хоть ты и «живописица преславна,» какъ ни представляй, ничего не выйдетъ! Каюсь, *veni, vidi, victus sum*...

«Вижу отсюда твое строгое лицо, въ которомъ одни глаза умѣютъ зло улыбнуться; вижу, какъ ты опускаешь руку съ письмомъ, задавая себѣ вопросъ: читать ли дальше... Какъ? А международное право? А далеко ли подвинулась ваша магистерская диссертация? Чортъ ихъ дери! Я буду однимъ изъ многихъ—вотъ и все! Ты и представить себѣ не можешь, какъ хорошо быть однимъ изъ многихъ...

«Бронскій здѣсь, чудитъ попрежнему. Что это такое? Врожденная ли неспособность по-

нимать дѣйствительность, или упорное проведение въ жизнь доктрины его во что бы то ни стало? Это, вотъ, тебѣ задача!

«А знаешь что? Не придетъ ли тебѣ фантазія къ осени-то, какъ бывало, эмигрировать изъ Москвы? Несись сюда: край преинтересный по части ландшафта и жанра. Можетъ-быть палящіе лучи юга разогрѣютъ твое мраморное сердце! Пожелай успѣха въ предстоящемъ рѣшительномъ объясненіи твоему преданному другу Владиміру Русанову. 1862 г. 27 августа.»

На конвертѣ Русановъ написалъ адресъ: «ея высокоблагородію, Мальвинѣ Францовнѣ Штейнфельсъ. Въ Москву. На Молчановкѣ, въ приходѣ Николы что на Курьихъ Ножкахъ, въ собственномъ домѣ. Весьма нужное.»

Наконецъ, наступилъ день, котораго такъ томительно ждалъ молодой человѣкъ, — день рожденія Инны. Какъ длинна казалась ему дорога! Какъ онъ ухаживалъ на станціяхъ за смотрителями, старостами, боясь, чтобы какъ-нибудь не было задержки! Но вотъ наконецъ и дубовая роща, вотъ и покатый берегъ пруда, и соломенная крыша мелькаетъ въ саду. Какъ все это мило! Словно и деревья обрадовались его пріѣзду, киваютъ вѣтвями и перешептываются. И воздухомъ-то этимъ вольнѣе дышется! Онъ остановилъ ямщика у плетня, далъ ему лишній полтинникъ, перелѣзъ черезъ загородъ и пошелъ садомъ. На поворотѣ аллеи слышались

веселые голоса; онъ остановился за кустомъ, чтобы перевести духъ. На встрѣчу ему шелъ графъ подъ руку съ Юленькой; за ними Инна, довольная, улыбающаяся, въ бѣлой вышитой шелками сорочкѣ, черной атласной юпкѣ и черевикахъ. Черные волосы падали на спину двумя косами перевитыми лиловою лентой; на шеѣ блестѣло коралловое ожерелье. У Русанова зарябило въ глазахъ, и онъ, какъ шальной, здоровался съ ними, перевирая имена...

— Ага, испугались! сказала Инна, грозя ему: — ну теперь рѣшительно не помѣстимся! Владиміръ Ивановичъ непременно опрокинетъ лодку; поѣзжайте, отважные мореплаватели....

Графъ, поддерживая Юленьку, сталъ спускаться къ пруду.

— А вы извольте занимать новорожденную; сегодня я совершеннолѣтняя, и потому желаю капризничать....

Русановъ смутно чувствовалъ, что приготовленные рѣчи испарились или по крайней мѣрѣ оказались такими же годными, какъ дѣловая бумага, которую изорвали на мелкія кусочки.

— Посмотрите, что мнѣ графъ подарилъ! Она подала ему уютное, стереотипное изданіе Мицкевича и альбомъ фотографическихъ карточекъ. Русановъ прислонился къ дереву и перелистывалъ портреты, усиливаясь пріобрѣсть обычный *contentance*.

— Все запрещенные? спросилъ онъ, улыбаясь.

— Всѣ до одного, также отвѣтила она.

— А это чей? Какое славное лицо.

— Еще бы: это другъ моего отца, Кошутъ...

— Другъ вашего отца?

— Да отецъ мой тамъ былъ въ 1848 году.

Здѣсь есть и портретъ моего отца.

Русановъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза.

— Да-съ, отецъ подальновиднѣй вашего дядюшки понималъ бѣлые мундиры... Хотите, я вамъ прочту что-нибудь.

Она начала поэму *Dziady*. Русановъ слушалъ, а въ головѣ бродило другое. Солнце такъ и палило, ярко просвѣчивая въ разноцвѣтныхъ георгинахъ, красномъ макѣ, опьяняющій запахъ цвѣтовъ доносился теплымъ вѣтеркомъ, пчелы жужжали на пасѣкѣ, по травѣ бѣжали тѣни облаковъ... Она глядѣла на Инну и сердце въ немъ билось, билось... Какъ она близко сидитъ! Опуститься бы вотъ передъ ней на колѣна, спрятать голову въ складкахъ платья и ждать приговора! А если все испортишь?... Вдругъ Инна прервала чтеніе.

— Ну что я прочла? сказала она, инквизиторски смотря на него.

Русановъ совсѣмъ растерялся.

— Похвально! похвально! проговорила она.

— Да, вѣдь я не понимаю по-польски, силлся оправдаться несчастный...

— Что жъ вы не скажете?

— Чтобы вы замолчали-то?

— Да что вы такой юродивый нынче? —

— Я получилъ мѣсто секретаря, отвѣтилъ онъ какъ нельзя болѣе впопадъ.

— Такъ скоро? —

— Должно-быть отличился какъ-нибудь...

Инна расхохоталась.

— Пойдите, у меня до васъ большая просьба...

— Приказывайте ..

— Вотъ видите, вы у насъ какъ свой, начала Инна, — и лицо ее приняло озабоченное выраженіе; — вы, я думаю, замѣтили, что графъ не равнодушенъ къ сестрѣ?

— А! удивился Русановъ.

— Возьмите на себя трудъ поговорить съ ней объ этомъ...

— Но почему же вы сами не хотите?

— Въ томъ и дѣло, что я ужъ пробовала намекать, но тутъ поднялся такой гвалтъ, меня заподозрили въ желаніи разстроить свадьбу...

— Что жъ я ей долженъ сказать?

— Вы постарайтесь ее увѣрить, что графъ и не думаетъ на ней жениться, что ей не слѣдуетъ такъ увлекаться, не узнавъ его намѣреній... Вѣдь ей же, бѣдняжкѣ, плохо придется! Въ этомъ случаѣ прямая обязанность наша остановить ее...

— Но почему жъ вы это знаете?

Инна помолчала.

— Послушайте, сказала она съ разстановкой, — замѣчали вы, чтобъ я когда-нибудь лгала?

— Никогда, съ жаромъ отвѣтилъ Русановъ.

— Повѣрьте же мнѣ на слово. Больше я ничего не могу сказать...

— Нѣтъ, какъ хотите такого порученія я не беру на себя...

— Не хотите вѣрить?

— Не то, Инна Николаевна. Какъ мнѣ разбивать чужія надежды, когда я самъ...

— Что самъ?

— Когда я самъ вѣрю въ свою звѣзду. Русановъ проклялъ свой языкъ.

— Что жъ, это хорошо надѣяться на звѣзду... На какой лентѣ? На голубой, али хорошо и на красной?

— Эта звѣздочка даетъ мнѣ силу трудиться... льетъ живительные лучи, говорилъ онъ все болѣе и болѣе конфузясь, полушутливымъ полусерьезнымъ тономъ.

— Вотъ какая славная! Только отсталая, слѣдуетъ теоріи истеченія свѣта. Гдѣ жъ она, въ Москвѣ?

— Инна Николаевна...

— Какъ ее зовутъ?

— Инной, бухнулъ Русановъ.

Она вскочила, и смѣрила его взглядомъ.

— Признаюсь, такого сюрприза и въ день рожденія не ожидала. Что съ вами? говорила

она, вглядываясь въ его лицо. — Такъ это правда? правда?

— Ложь?... При васъ? не помня себя, говорилъ Русановъ съ сіяющими глазами.

Инна измѣнилась въ лицѣ и подалась назадъ.

— Чтò я надѣлала? проговорила она, — уйдите, оставьте меня на минуту....

— Инна, говорилъ Русановъ, — отдайте мнѣ вашу руку, вашу дорогую руку... — И, не совадавъ съ собой, онъ схватилъ ея руку и прильнулъ горячими губами...

— Владиміръ... Иванычъ, успокойтесь... Въ какое положеніе вы меня ставите!...

— Инна!

— Поймите меня... Я не могу быть ничьей женой. Этого нельзя... нельзя, Владиміръ...

Она потянула руку, Русановъ еще крѣпче стиснулъ ее; онъ уже не робѣлъ, онъ чувствовалъ себя въ самой быстринѣ неодолимаго потока. Дыханіе у него занималось, онъ не могъ говорить...

— Этого нельзя, Владиміръ, говорила она прерывающимся голосомъ, — вы не должны...

Она сдѣлала надъ собой страшное усиліе, вся кровь бросилась ей въ лицо, и почти шепотомъ докончила:

— Я не достойна васъ... Я принадлежала другому...

Онъ затрепеталъ, кровь хлынула ему въ голову. Она отвернулась и со слезами на гла-

захъ глядѣла въ сторону; грудь ея такъ и поднимала тонкій батистъ. Страсть, бѣшенная страсть охватила Русанова. Онъ схватилъ ее за талію привлекая къ себѣ. Она дрогнула, обернула къ нему блѣдное лицо и прижалась къ плечу... Садъ, мѣсто, время, все вылетѣло изъ головы Русанова.

— Владиміръ! Владиміръ! шептала она, вырываясь. — Владиміръ! крикнула она въ испугѣ. — Ужо! Ужо! черезъ силу проговорила она и убѣжала къ дому.

Русановъ опустился на траву. Долго не могъ онъ придти въ себя. Вокругъ была тишина, только какая-то птичка однообразно чирикала въ спокойной листвѣ. Онъ сталъ обмахиваться платкомъ...

«Мечты! мечты! гдѣ ваша сладость?» послышался насмѣшливый голосъ.

Русановъ увидалъ Юленьку, опиравшуюся на руку Бронскаго.

— Non, mais voyez sa figure, говорила она, смѣясь, — вдохновенное какое лицо!

Русановъ вспомнилъ, что еще не представлялся Аннѣ Михайловнѣ и послѣдовалъ за ними.

XV.

ПОСРЕДНИКЪ.

Не успѣли они взойти на крыльцо, какъ къ нему подкатила старомодная пролетка парю разношерсныхъ лошадей. Съ нея соскочилъ Кононъ Терентьевичъ безъ шапки, съ блуждающими глазами, едва держась на ногахъ.

— Бѣда! Бѣда! крикнулъ онъ, завидѣвъ ихъ, шагнулъ мимо ступенекъ и чуть не клюнулся.

Бронскій прыснулъ со смѣху.

— Бунтъ!... Латаки раззорять, бормоталъ Кононъ Терентьевичъ, — къ посреднику послалъ, надо пушки!

— Чтò такое? Владиміръ Ивановичъ! Братецъ! кричала Анна Михайловна, выбѣгая на крыльцо и струсивъ при одномъ взглядѣ на Горобца.

— Какъ меня напугали!

— Вы знаете народъ, говорилъ онъ таинственно, озираясь на кучера, и на ухо Русанову: — это не возстаніе будетъ, а анатомическое препарированіе!

— Чортъ знаетъ, что за чепуха! говорилъ Русановъ.

— Крестьяне взбунтовались, выговорилъ Горобецъ.

— Пошлите въ городъ за военною силою, сказалъ Бронскій.

— Пойдите, я съѣзжу, поговорю съ ними, предложилъ Русановъ.

— Что вы съ ума сошли? вскрикнулъ Горобецъ: — да и Филька не поѣдетъ, убьютъ!

— Убьютъ, убьютъ, разбойники! подхватила Анна Михайловна.—Голубчикъ мой, не ѣздите, убьютъ.

— Дайте мнѣ вашу лошадь, сказалъ Русановъ Бронскому.

— Не дамъ, отвѣтилъ тотъ хмурясь.

— Что жъ вамъ жалко, что ли?

— Я самъ сейчасъ ѣду въ городъ за уланами. Этимъ шутить нельзя...

— Филька, отстегни пристяжную!...

Филька лѣниво началъ отстегивать постромки.

— Владиміръ, не ѣзди, проговорилъ Бронскій въ полголоса.

Русановъ удивился: такъ рѣдко случалось ему слышать дружеское *ты*.

— Я прошу, продолжалъ Бронскій, глядя изъ подлобья.

Ему подвели лошадь.

— Вздоръ! отвѣтилъ Русановъ, перекидывая

потникъ на спину лошади — Къ чему это улановъ-то?

— Тебя жь спасать придется! отвѣтилъ Бронскій и птицей вылетѣлъ за ворота...

«Надурить непременно», думалъ Русановъ, изо всѣхъ силъ погоняя взмыленную пристяжную. Въ нѣсколько минутъ онъ былъ уже подлѣ хутора Конона Терентьевича. У него начало захватывать духъ, когда онъ проскакалъ околицу. На концѣ селенія стояла толпа крестьянъ, размахивая руками и крича во все горло. Лошадь остановилась передъ народомъ, храпя и пятась.

— Чтò у васъ тутъ, крикнулъ Русановъ.

Никто не отвѣчалъ. Въ громадѣ стоялъ Коля и съ жаромъ толковалъ что-то, не обращая вниманія на подѣхавшаго.

— Такъ и есть, вездѣ поспѣлъ! Чтò у васъ тутъ?

— А вамъ, пане, чого треба? отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Шапки долой! крикнулъ Русановъ.

Крестьяне стали переглядываться.

— Чтò вы тутъ дѣлаете? сурово крикнулъ Русановъ, поймавъ за руку Горобца...

— Революцію, отвѣчалъ тотъ, нахлобучивая свою конфедератку: — ваше царствіе кончено! Идите-ка, идите своею дорогой!

— А я вамъ вотъ чтò скажу: если вы сію минуту по добру, да поздорову не уберетесь

отсюда, я васъ связать велю.... За военною силой послано? Долой шапки! настойчиво проговорилъ Русановъ, снова обращаясь къ толпѣ.

Крестьяне молча стали снимать шапки.

— Не слушайте подлеца, кричалъ гимназистъ, — что жь такое военная сила? Такіе же люди. Вооружайся, кто чѣмъ можетъ!

— Хлопцы, крикнулъ Русановъ, — противъ Государя идете? Кого слушаете?

— Ни, заговорили всѣ разомъ: — якъ же то можно? Чи жь мы дурни, або що!

Коля плюнулъ и пошелъ къ дому. Русановъ подмигнулъ на него старостѣ, тотъ подошелъ держа шапку въ рукахъ.

— Запри его въ комнату какую-нибудь, коли что еще вздумаетъ, а не то такъ покарауль... Не спускай его съ глазъ....

Тотъ пошелъ еще съ однимъ дворовымъ.

— Что жь у васъ тутъ подѣялось? —

Опять всѣ заговорили разомъ, замахали руками, ничего нельзя понять....

— Стой, говори кто-нибудь одинъ; выходи впередъ.

Громада подвинулась.

— Да не всѣ разомъ. Ну, ты, обратился Русановъ къ одному паробку, который стоялъ въ шапкѣ, руки въ боки, и дерзко на него поглядывалъ. — Выходи со мной говорить!

— Эге, чого жь я пиду? минѣ и ось де гар-

но, говорилъ тотъ, почесываясь и нятясь въ толпу.

— Ну стой тамъ, може тебе, якъ дрюкъ, у землю забили?

По толпѣ пронесся сдержанный хохоть.

— Ходи, Остапъ, ходи до охвицира, говорили нѣкоторые, подталкивая худенькаго, щедушнаго, мужичонка. Тотъ вышелъ, переминаясь.

— Ну, чего тебѣ надо? говорилъ Русановъ.

— Та ничогисенько, говорилъ тотъ, потупясь и разводя руками: — хай винъ намъ рибу ловить не заказуе...

— Кто такой?

— Та панъ.

— А этотъ что жь тутъ разказываль?

— Та кто е знае? Катъ зна що. Каже, щобъ панамъ вѣры не давать, бо паны брешуть...

— А самъ-то онъ не панъ стало-быть? якъ же?

— Та звѣстно що панъ, слышались голоса.

— Какъ же вы его слушаете? Ще зовсѣмъ дитина...

— Та хибя мы що знаемо. Тилько бѣ намъ отдали тїю волю, що царь давъ!

— Какую жь такую?

— Та тутъ чоловѣкъ, якійсь приходивъ, то читавъ її, говорилъ Остапъ.

— Положеніе что ли?

— Ни, та не така, съ золотыми птыцами...

Подъѣхали дрожки; Ишимовъ, въ роскошномъ пиджакѣ и голубомъ галстукѣ, расшаркался съ Русановымъ и накинудся на мужиковъ.

— Чего вы буяните? а? Бунтовать? а? Непокорство власти? Неповиновеніе законному правительству? а?

Толпа опять собралась и загудѣла.

— А що се за чоловѣкъ, началъ паробокъ, —якій се чоловѣкъ?

— Какъ, ты не знаешь меня? меня? Я мировой посредникъ!

— Хай насъ разумній панычъ разсудить, волновалась громада.

— Будьте съ ними поласковѣе. Ну какіе они бунтовщики, сказалъ Русановъ по-французски Ишимову.

Они оба принялись расспрашивать крестьянъ, и вотъ что открылось: хуторъ Конона Терентьевича примыкалъ къ пруду, находившемуся въ общемъ владѣніи съ двумя, тремя смежными владѣльцами. Скупой и разчетливый Горобецъ хотѣлъ заставить крестьянъ гатить ему плотину, толкуя имъ съ «Положеніемъ» въ рукахъ, что это есть ихъ священная обязанность. Они отвѣчали, что мельница его, ему и гатить приходится, а если онъ позволитъ имъ рыбу ловить, такъ примутъ на себя работу. — Рыбы вамъ не видать! крикнулъ Коновъ Терентьевичъ: — А у васъ латаковъ * не будетъ, сказалъ Остапъ,

* Проводъ, по которому вода бѣжитъ на колесо.

разумѣя, что ихъ водой снесетъ, когда греблю предоставятъ самой себѣ. Кононъ Терентьевичъ принялъ это за угрозу раззорить ихъ, погрозился высѣчь виновныхъ, и послалъ за посредникомъ. А панычъ Миколо прибѣжалъ на хуторъ, собралъ громаду, началъ говорить о полученной имъ грамотѣ съ «золотыми птыцами», совѣтовалъ настойчиво требовать права на рыбную ловлю, обѣщался не выдавать ихъ; сообщалъ, что помѣщики возстаютъ на царя за отмѣну крѣпостнаго права, а потомъ, являсь къ ничего-нечаявшему дядѣ, какъ громомъ поразилъ его вѣстью, что на хуторѣ возстаніе, и онъ по волѣ народной уполномоченъ объявить плантатору приговоръ изгнанія. Перепуганный философъ едва могъ велѣть закладывать лошадей и, проѣзжая по улицѣ, не осмѣлился даже поднять сорванной вѣтромъ шапки.

— Вѣдь нес plus ultra, говорилъ Русановъ посреднику, — нечего сказать, подвизаются любезные соотечественники!

Ишимовъ почувствовалъ неловкость при видѣ смиренно стоявшей толпы народа. Ему стало совѣстно своего дебюта...

— Надѣюсь, продолжалъ Русановъ, — что вы не допустите ни до какихъ серіозныхъ послѣдствій.

— Конечно, конечно! А это что жъ такое?

Къ селенію на полныхъ рысяхъ, пики въ руку, подъѣзжалъ эскадронъ уланъ.

— Батъко нашъ, взмолились крестьяне, — заступись! и повалились Ишимову въ ноги.

— Ступайте по домамъ, по хатамъ! крикнулъ онъ, весьма довольный исходомъ дѣла.

Въ нѣсколько минутъ улица опустѣла, и потомъ наполнилась вооруженными всадниками.

— Стой, равняйся! скомандовалъ начальникъ, и молодцовато подскакавъ къ слѣдователямъ, осадилъ коня.

— Здѣсь возстаніе? спросилъ онъ осматриваясь.

— Никакого возстанія здѣсь не было, отвѣчалъ Ишимовъ, — недоразумѣніе!

— Позвольте, позвольте, говорилъ Бронскій, вылѣзая съ исправникомъ изъ тарантаса: — здѣсь были подсылаемы возмутительныя грамоты....

— Да? сказалъ военный, крутя усы.

— Это ужь мое дѣло, ротмистръ, обратился къ нему исправникъ, мущина среднихъ лѣтъ, съ грустнымъ выраженіемъ лица. Густые русые усы намекали, что онъ былъ изъ — отставныхъ военныхъ.

— Это изъ рукъ вонъ, ворчалъ графъ: — рады все покрыть за деньги.

— Не нравится мнѣ этотъ господинъ, говорилъ исправникъ, взявъ подъ руку Русанова и отходя въ сторону: — прискакалъ ко мнѣ такой веселый, точно онъ въ театръ собирался смотрѣть, какъ мы по народу станемъ стрѣлять.... Какъ вы думаете, опасности не будетъ отпустить команду?

— Никакой, клянусь честью, говорилъ Русановъ, пожимая ему руку. — Вы-то что же будете дѣлать?

— Я жду судебного слѣдователя; тутъ подметные листы были, грустно усмѣхнулся исправникъ: — опять придется драть неповинныя спины! А все наши гуманные господчики кутятъ на чужія денежки!

— Слѣдовало бы угостить ребятушекъ водкой, подошелъ Ишимовъ, указывая на солдатъ. — Милости просимъ въ домъ, господа, за отсутствіемъ хозяина!

Исправникъ усмѣхнулся. А Русановъ шепнулъ Ишимову, что слѣдственная коммиссія у истца не останавливается. Тотъ очень сконфузился...

Русановъ вошелъ въ комнаты и нашелъ паныча Миколу, беззаботно лежавшаго на диванѣ съ *Ricelle d'Orléans* въ рукахъ.

— Ну-съ, юный революціонеръ, пока вы замѣняете хозяина, распорядитесь дать солдатамъ вина. Слышишь? прибавилъ онъ дворовому. Тотъ побѣждалъ исполнять приказаніе.

— Какъ вы думаете, важно проговорилъ гимназистъ: — что для чего существуетъ: правительство для народа, или народъ для правительства?...

— Рѣшить этого не берусь, посмѣивался Русановъ, — а нагляднымъ образомъ, такъ и быть докажу. —

— Ваше поведеніе было отвратительно, гадко, подло! кричалъ революціонеръ.

— И еще того хуже будетъ, невозмутимо проговорилъ Русановъ, запирая его на ключъ.

Между тѣмъ у Горобцовъ шелъ торжественный обѣдъ. Пріѣхалъ майоръ, и узнавъ о прибытіи племянника, предвкушалъ радость свиданія.

Кононъ Терентьевичъ, которому Анна Михайловна сообщила о предстоящей свадьбѣ, тоже развеселился и даже покусился на пирогъ съ цыплятами.

— Нѣтъ, боюсь, тотчасъ прибавилъ ипохондрикъ.— Пирогъ очень хорошъ, только ингредиенты не дожарены....

Инна покатила со смѣху, а фразеологъ обидѣлся и спросилъ о причинѣ веселости.

— Да какъ же, помилуйте, дяденька! цыплятъ ингредиентами звать, на что это похоже?

— Въ тридцатыхъ годахъ мыслили, что они отъ этого вкуснѣе бываютъ, объяснилъ Авениръ.

Докторъ, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, съ лысою головкой и солиднымъ брюшкомъ, тоже посмѣивался. Двѣ его дочери строили Авениру глазки. Подали кофе, а уѣхавшіе гости все не возвращались. Наконецъ, часовъ въ шесть, подкатили дрожки Ишимова; за нимъ два всадника.

Всѣ такъ и бросились имъ на встрѣчу.

— Извините, говорилъ Ишимовъ,—опоздалъ.

— Опоздали? вскрикнулъ Кононъ Терентьевичъ.

— Да, то-есть поздравить новорожденную, говорилъ Ишимовъ, подходя къ Иннѣ.

— Возвращайтесь безъ боязни; крестьяне, пожалуй, и домъ вамъ выстроятъ, шутилъ Владиміръ Ивановичъ съ старымъ ребенкомъ:—а племянника вашего я въ гимназію отправилъ...

— Ну и спасибо! Да какъ же это?

— Чего какъ же? Ученье давно началось! Исправникъ взялся доставить его директору.

— Ну ужь удружилъ мнѣ сегодня этотъ Русановъ, говорилъ Бронскій, отходя съ Инной къ окну:—какъ долбней по лбу! все пропало по крайней мѣрѣ на полгода!

— А народъ-то знаетъ его, кажется, лучше насъ.... Вотъ бы такого человѣка подъ наше знамя!

— Да, проговорилъ Бронскій, сдвигая брови:—я прежде васъ оцѣнилъ его; два года съ нимъ бился. Чтò прикажите дѣлать? на трехъ сваяхъ, какъ говорится сидить, въ четвертую уперся; никакихъ средствъ нѣтъ....

— Средство-то есть, задумчиво говорила Инна.

— Какое? живо спросилъ Бронскій.

— Какого я никогда не пущу въ ходъ, потому что онъ.... Все-таки онъ честенъ....

— Честь понятіе условное, говорилъ Бронскій, пристально глядя ей въ глаза.

— Нѣтъ, графъ, и тысячу разъ нѣтъ! —

— Маман, говорила Юленька, надувъ губки: — что жь это она съ нимъ шепчется? —

— Этого надо было ожидать, рѣшила Анна Михайловна.

XVI.

Т О С Т Ъ.

Хотя Ишимовъ на практикѣ совершенно утѣшился Нилочкой, но тутъ почему-то счелъ долгомъ разыграть несчастнаго любовника. Напустивъ себѣ на лицо какой-то дѣланной грусти, онъ подперъ голову рукой, и сѣлъ къ сторонкѣ. Въ сущности страдало только самолюбіе, и ему ужасно хотѣлось сцѣпиться съ графомъ, на котораго онъ и поглядывалъ травленнымъ волкомъ.

— Инночка, подите-ка сюда, говорилъ Кононъ Терентьевичъ: — что вы все съ молодыми людьми! Въ кои-то вѣки разокъ можно и намъ старичкамъ полюбоваться!

Инна сѣла подлѣ него на диванъ.

— Какое вы художественное произведеніе! продолжалъ онъ, играя ея локонами. — Психея, не правда ли? обратился онъ къ подошедшему Русанову.

Молодые люди быстро переглянулись. Русановъ вспыхнулъ.

— Помните, продолжалъ Горобецъ и задекламировалъ, ударяя на риѣмы.

О, долго буду я во мракъ ночи тайной.
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайный,
Твоихъ волосъ густую прядь....

— Да, будетъ вамъ, дяденька! Вѣдь знаете, такихъ стиховъ желудокъ мой не варить....

— Ахъ, да, по сцѣпленію идей! На васъ жалоба.... Отъ Спортсмана....

— Ахъ, это Аня!... Онъ хочетъ лѣсъ продать; слышите, дяденька, нашъ чудный лѣсъ....

— Что лѣсъ? заговорилъ Авениръ, подходя къ нимъ:—я хочу, дяденька, сахарный заводъ строить; свекловица у насъ превосходная, торфъ заготовленъ; дѣло за деньгами....

— А я ему доказываю, что всѣ заводчики эксплуататоры, перебила Инна.

— И, вы совершенно правы, вмѣшался Бронскій:—какой порядочный человѣкъ станетъ этимъ заниматься? Ужъ лучше о чинахъ думать....

— Нѣтъ-съ, рѣзко замѣтилъ Авениръ:—по моему идеалы водой разводить и того хуже...

— Не надежны заводы-то у насъ, сказалъ Русановъ.

— То-то и хорошо, говорилъ Авениръ съ разгорѣвшимися глазами:—большіе упали, обанкрутились, и если я съ толкомъ устрою неболь-

шое хозяйство, такъ общее безденежье мнѣ прямой барышъ! Сообразили?

— Вотъ въ такія минуты онъ мнѣ рѣшительно противенъ! отвернулась Инна.

— Нѣтъ, Инночка, онъ дѣло говоритъ, вмѣшался Кононъ Терентьевичъ:—только не надо этому придавать такой важности, совѣтоваль онъ Авениру:—точно ужъ въ этомъ и суть вся: не надо, не надо ограничивать себя ничѣмъ внѣшнимъ... Нравственное и умственное развитіе выше всего!

— А вотъ у меня, дядя, совсѣмъ другой планъ...

— Ну-те, Инночка? любопытствовалъ дядя, продолжая играть ея волосами.

— Я думаю продать все имѣніе, вѣдь оно отсюда верстахъ во ста, и мы никогда тамъ не живемъ; только лѣсъ одинъ оставить, и выстроить подлѣ него большой домъ. У насъ въ городѣ такъ много нищихъ дѣвочекъ... Эта частная благотворительность только плодитъ ихъ. А тутъ у каждой была бы комната, сытный столъ, простое платье....

— Ну? сказалъ Кононъ Терентьевичъ, выпуская изъ рукъ волосы.

— Ну, я стала бы ходить съ ними въ лѣсъ, учила бы ихъ различать травы, цвѣты; мы бъ ихъ сушили и сбывали въ аптеку...

— Но развѣ это окупится? возражалъ Авениръ.

— Что жь за бѣда! Положимъ въ годъ пять-сотъ рублей убытку: тратимъ же мы и больше на тряпье... По вечерамъ въ общей залѣ музыка, чтеніе...

— Вѣдь это социализмъ! воскликнулъ Кононъ Терентьевичъ.

— Такъ что же? сказалъ Бронскій и нечаянно взглянулъ на Ишимова.

— Конечно, социализмъ, вскочилъ тотъ сейчасъ же.

— Почему жь это дурно? обратилась къ нему Инна.

— Потому что... потому... *parce que c'est du socialisme enfin!*

— А вы-то, дяденька, восторженный поклонникъ Гёте, тоже испугались новаго слова? *S'klingt so wunderlich?* Не мерещится ли вамъ баррикада?

— Да, милый мой ученый, ну на что это женщинѣ ботаника, музыка, чтеніе! Лучше бы выучили ихъ шить, стирать, стряпать...

— *Voilà*, сказалъ Ишимовъ.

— Когда это женщины подрядились вамъ въ чернорабочія, господа? сказала Инна, гордо закидывая голову:—не угодно ли вамъ самимъ попробовать этихъ занятій, мсье Ишимовъ? Стало-быть, всѣ противъ меня? Никто не скажетъ слова *pro*.

— Я, вступился Русановъ, улыбаясь.

— Ну, вы тутъ не имѣете голоса!

— Вотъ вы и разсердились Инночка, вы меня не понимаете, говорилъ Кононъ Терентьевичъ, — я вѣдь не договариваю послѣдней мысли.

— Потому что ея нѣтъ, дяденька!

— Полноте, господа, говорилъ докторъ съ сладенькою улыбочкой: — охота вамъ поднимать такіе жгучіе вопросы. Я всегда стараюсь сглаживать эти отѣнки, примирять враждующія партіи...

— Примиренье — застой, сказалъ Бронскій.

У Русанова голова начинала застилаться какимъ-то туманомъ отъ этой болтовни. Точно они пузыри мыльные пускаютъ: чей лучше? думалось ему.

— Вѣчно спорять, подошла Юленька, — хоть бы потанцовали. Графъ, составимте кадрили!

— Подъ сухую?

— Вонъ, таман, сыграетъ... Маман!

— И! душечка! Я что если играла, все забыла. Развѣ ужь для графа!

Анна Михайловна сѣла за фортепіано, и стала разбирать старинную «грацію».

— Надо потѣшить панночекъ, говорила Инна, подавая руку Русанову, и становясь противъ графа и Юленьки. Авениръ ангажировалъ одну изъ дочерей доктора. Ишимовъ сѣлъ въ уголъ и надулся. Докторъ, посмѣиваясь надъ нимъ, взялъ другую дочь.

— Молодежь, говорилъ майоръ, подавая Конону Терентьевичу табатерку, — и мы когда-то бывало? въ старину-то, а?

— «Съ тобой, владычица, привыкъ я вспоминать И то чѣмъ былъ, какъ былъ моложе, И то чѣмъ нынѣ сталъ, подъ холодомъ годовъ», декламировалъ Кононъ Терентьевичъ.

За ужиномъ шла веселая болтовня; только Ишимовъ злобно мѣрялъ графа глазами. Много пили. Стали подавать шампанское.

— Спичъ! требовалъ Кононъ Терентьевичъ.

— По всѣмъ правамъ и талантамъ Владимиру Иванычу, смѣялась Инна.

— Господа, сказалъ Русановъ, приподнимаясь съ бокаломъ въ рукахъ:—сегодня 30-е августа, и я предлагаю вамъ тостъ, который встрѣтитъ громкій отзывъ въ вашихъ сердцахъ. Здравье дорогаго именинника! Здравье общаго примирителя и освободителя, говорилъ Русановъ съ блистающими глазами и, возвысивъ, голосъ, крикнулъ:—Здравье Государя Императора!

— Ура! дружно подхватили всѣ, вставая съ шумомъ и чокаясь.

Бронскій расхохотался и расплескалъ вино.

— Vive l'adresse! отвѣчала ему Юленька самымъ искреннимъ смѣхомъ.

Но Авениръ, доливавшій рюмки дамъ, такъ и остался съ бутылкой въ рукѣ; докторъ засуетился около Конона Терентьевича и принялся что-то шептать ему; тотъ вдругъ поблѣднѣлъ и машинально что-то повторялъ за нимъ

Майоръ рванулся было къ Бронскому, но Ишимовъ предупредилъ его.

Больше всѣхъ растерялся Русановъ; будто оглушенный, онъ смутно видѣлъ, какъ Анна Михайловна съ улыбкой поднесла графу свой бокалъ, какъ Ишимовъ, почти вырвавъ его у нея изъ рукъ, подошелъ къ Бронскому, и рѣзко проговорилъ: «пейте!»

Бронскій презрительно взглянулъ на него и протянулъ руку, отстраняя бокалъ.

— Пейте, заговорилъ Ишимовъ медленно и отчетливо, наступая на графа и словно выставляя каждое слово:—пейте, не сходя съ мѣста, или я отмѣчу васъ, какъ....

Бронскій, не помня себя, замахнулся на Акиндина Павловича. Докторъ и Русановъ бросились между ними, Юлія вскрикнула, Анна Михайловна всплеснула руками, противники злобно глядѣли другъ на друга.

— Сестрица, сестрица, пожалуйста сюда, кричалъ Кононъ Терентьевичъ, какъ-то незамѣтно очутившійся въ сосѣдней комнатѣ. Онъ схватилъ за руки Анну Михайловну и Юленьку и поспѣшилъ увести. Докторскія дочери послѣдовали за ними. Инна стояла у окна, насмѣшливо поглядывая то на того, то на другаго и обрывая зубами кружево платка.

— Господа, крикнулъ Ишимовъ, оборачиваясь къ прочимъ,—кто будетъ моимъ секундантомъ?

— Я, выступилъ Русановъ.

— Я! Я! крикнулъ Авениръ и докторъ.

— По праву стараго солдата, проговорилъ майоръ, отстраняя ихъ рукою.

— Такъ до свиданія! сказалъ Бронскій, взявъ шляпу.

— Вонъ! раздались голоса.

— Потихе, говорилъ Бронскій, взявши въ углу саблю майора, — или я не отвѣчаю за себя. — Онъ поспѣшно вышелъ.

— Господа, началъ Русановъ, — изъ благоговѣнія передъ тою особой, которая не можетъ быть оскорблена сумашедшимъ, мы должны сохранить происшедшее въ тайнѣ. Если вы будете убиты, обратился онъ къ Ишимову, — я дерусь съ нимъ и, надѣюсь, мной не кончится.

Всѣ молча разѣхались.

— Ну, поздравьте! озлобленно говорилъ Бронскій, входя въ кабинетъ: — таки влопался въ исторію!..

Леонъ вскочилъ изъ-за стола, взглянулъ въ лицо графу, и самъ измѣнился въ лицѣ, а Бронскій ходилъ большими шагами по комнатѣ и разказывалъ ему исторію.

— Этого нельзя такъ оставить! Драться, такъ драться! заключилъ онъ.

Леонъ презрительно тряхнулъ головой.

— Да, вамъ хорошо! Тряхнулъ, да и въ сторону! Онъ чортъ знаетъ что здѣсь распус-

титъ; скажутъ струсилъ... Тутъ плохія шутки; мнѣ еще на годъ по крайней мѣрѣ нужно общее поклоненіе...

— А что скажутъ наши, коли вы лобъ подставите?

— Вѣдь это и бѣситъ! Чортъ дернулъ пить! Нѣтъ, холопство-то какое! Пьянехонька была компанія, а тутъ и хмѣль куда дѣвался?..

— Вѣдь я говорилъ...

— Ну, что? говорилъ! Чѣмъ это теперь поможетъ? закричалъ Бронскій внѣ себя: — вѣдь мозгля какая! И пистолета чай въ руки взять не умѣетъ...

— Бросьте все, и ѣдемъ завтра въ ночь...

— Ёдемъ-то мы завтра во всякомъ случаѣ, проговорилъ Бронскій, внезапно стихая: — такъ или иначе надо вывернуться. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ жертвовать цѣлою страной какому-нибудь господину Ишимову...

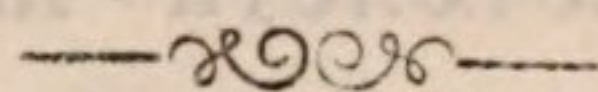
— Помните, графъ, если вы рискнете, вы теряете мое уваженіе!

— А чортъ съ вами и съ уваженіемъ вашимъ; мнѣ и безъ того не легко! Пошлите сейчасъ же за почтовыми, я что-нибудь придумаю.

Леонъ ушелъ, а Бронскій сѣлъ въ кресло, ожесточенно похлестывая хлыстомъ по полу.

— Это непростительно, вскрикивалъ онъ изрѣдка: — до такой степени забыться! До такой степени потерять тактъ!.. E ben trovato! .. —

Вдругъ онъ поднялся съ самовольною улыбкой: — почему жь ему не остаться въ дуракахъ? Застрялъ же Твардовскій между небомъ и землей?

XVII.

РѢШИТЕЛЬНЫЙ ШАГЪ.

На разсвѣтъ Бронскій былъ уже въ губернскомъ городѣ. Остановясь у губернаторскаго дома, онъ послалъ кучера на почтовую станцію перемѣнить лошадей и вошелъ въ пріемную. Съ нахмуреннымъ лицомъ, не отвѣчая на поклоны чиновниковъ, прошелъ онъ въ кабинетъ губернатора и засталъ его еще въ утреннемъ дезабилье. Генераль просматривалъ какой-то сатирическій листокъ.

— А! Вотъ кстати-то! проговорилъ онъ, протягивая руку Бронскому: — поглядите-ка, вѣдь это на меня! Самъ съ усамъ — собственною персоной.

И генераль добродушно смѣялся, показывая графу карикатуру. Тотъ молчалъ.

— Экіе разбойники! Отца роднаго на показъ выставятъ?... И гдѣ это они мой портретъ откопали? Вѣдь какъ натурально! И лысину

изобразили... А это вотъ предсѣдатель говорить: «эхъ, ваше превосходительство, какъ вы опростоволосились!» Ха, ха, ха! Простяка какого нашли! Смѣетъ мнѣ это сказать предсѣдатель!

— А вотъ же смѣли! замѣтилъ Бронскій.

— Свистуны-то? Пускай ихъ? Чтò жь? Какой-нибудь тамъ Пальмерстонъ видитъ себя въ *Пуншъ*, смѣется, а я-то чѣмъ же хуже его... Оно, если хотите, и полезно. Вотъ я сегодня всталъ чтò-то не въ духѣ, а тутъ прочелъ.... Ну, и расхохотался.

— Если вы въ такомъ пріятномъ расположеніи духа, такъ я и мѣшать не стану.

— Чтò такое? Развѣ опять чтò вышло?

— О, нѣтъ, ничего! отвѣтилъ Бронскій, взявшись за шляпу:—позвольте поблагодарить за лестное вниманіе, которымъ я постоянно у васъ пользовался. Къ величайшему моему прискорбію, я не могу болѣе сохранить его.

— Чтò съ вами, графъ? Вы взволнованы? Огорчены чѣмъ-то?

— Я долженъ уѣхать отсюда, уѣхать заклейменнымъ, опозореннымъ въ глазахъ общества.

— Вы меня пугаете, графъ! Объяснитесь. Вы всегда найдете во мнѣ защиту и.... и....

— Противъ общества? Нѣтъ, ваше превосходительство, трудно вамъ будетъ взять мою сторону противъ цѣлаго общества. Оно сильнѣй васъ.

— Ну-ну-ну! извините! Это еще посмотримъ,

какъ оно тамъ.... посмотримъ. «Я ѣду-ѣду не свищу...»

— Нѣтъ, нѣтъ; никогда изъ - за личнаго оскорбленія не стану я противъ....

— Да какже я-то позволю, чтобъ у насъ безнаказанно оскорблялись такіе люди? началъ горячиться губернаторъ.

— Едва ли вы въ состояніи помочь тутъ! Ихъ цѣлая партія, они имѣютъ сильное вліяніе.

— Но кто же? Укажите мнѣ ихъ

— Это недовольные помѣщики, самые отста-
лые, самые закоснѣлые крѣпостники. Вамъ бу-
детъ доложено о волненіяхъ въ Терешковкѣ.
Это они не допустили привести крестьянъ въ
повиновеніе, они хотятъ задобрить народъ.
Вчера мы сошлись за ужиномъ, вино развязало
имъ языкъ... Еслибы вы слышали, ваше прево-
сходительство, что тамъ говорилось!

— Что жь такое говорилось?

— Ругали правительство, грозили терроромъ.
Пили за возвращеніе крѣпостнаго права. Я
отказался отъ тоста. Одинъ меня подлецомъ
назвалъ, пьянъ до положенія ризъ, и лѣзетъ
съ бокаломъ. Я горячъ, замахнулся на него....
Поднялся гвалтъ. Обвинили меня: въ чемъ бы
думали? Въ оскорбленіи Величества? Какова
наглость? Я, признаюсь, такъ былъ пораженъ,
что и оправдываться не сталъ.

— Кто же этотъ господинъ?

— Господинъ Ишимовъ.

— Ишимовъ? Ахъ, онъ.... Постои же, я ему .. Салонный подлипало, блюдолизъ.... А? Скажите на милость....

— Я никогда не прошу себѣ, если вы изъ-за меня потеряете популярность.... Ихъ много; тамъ и Русановъ.

— Опять Русановъ? Да что вы толкуете о популярности? На что она мнѣ, эта популярность? Я имъ покажу какъ со мной шутить!

— Мнѣ очень больно, а все приходится вѣхать. Честному человѣку оставаться здѣсь невозможно! Борьба слишкомъ неравна.... Я дѣлалъ все что могъ. Но я не донъ-Кихоть; лѣзть на проломъ противъ общаго потока невозможно. Только по этому я и прошу ваше превосходительство не подвергать себя напраснымъ оскорбленіямъ

— Что жъ это, графъ? Шутите вы что ли мною? Кто пойдетъ противъ меня? Желалъ бы я поглядѣть этого молодца.

— Эти люди ни передъ чѣмъ не останавливаются. Для нихъ нѣтъ ничего святаго.

— Да они у меня носу не покажутъ въ общество, проходу имъ не будетъ!

— Это мнѣ проходу-то не будетъ. Я отказался отъ вызова. Ишимовъ меня на дуэль вызывалъ.

— На дуэль? Въ моей губерніи? Mais c'est un gredin comme il y en a peu...! Въ такомъ случаѣ, уѣзжайте графъ, уѣзжайте на время, а

«этого господина я проучу... Я докажу имъ, что честный человѣкъ мараеть себя не отказомъ, а принятіемъ вызова отъ бездѣльника... Онъ его на одну доску съ собой ставитъ въ этомъ разѣ...»

— Ваше превосходительство, трудно выразить, до какой степени я тронутъ истинно отеческою заботливостью вашею о направленіи общественнаго мнѣнія.... Еще разъ благодарю васъ...

Часамъ къ десяти вечера, Бронскій подъѣхалъ къ саду Горобцовъ и привязалъ лошадь у плетня. Ночь была темная, хоть глазъ выколи. Онъ пошелъ къ дому; проливной дождь шумно падалъ въ траву; молнія безпрестанно освѣщала тропинку; за вспышками гудѣли отдаленные раскаты. Графъ сталъ стучать въ окно кухни. Немного погодя, оно поднялось, выглянула Горпина.

— Ты, Грицько?

— Это я, моя ластовка, вызови мнѣ панночку.

Горпина, не въ первый разъ исправлявшая должность наперсницы, скоро вернулась съ отвѣтомъ, что панночка боится грозы и проситъ графа пріѣхать завтра.

— Скажи ей, коли сейчасъ не выйдетъ, такъ можетъ-быть никогда и не увидимся...

— Та воны совсѣмъ було полягали, треба имъ одягаться, сказала Горпина, захлопнувъ окно.

Графъ отошелъ къ сиреневымъ кустамъ и сталъ глядѣть въ окно Инны. На столѣ горѣла свѣча; она сама сидѣла въ ночной кофтѣ, облокотясь на бумагу, задумчиво глядя въ темный садъ, вздрагивая и прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Лара лизалъ ея руку, она не обращала на него вниманія; нѣсколько разъ она брала перо, бросала его и начинала ходить по комнатѣ. Наконецъ, отворила окно, подышала воздухомъ, очищеннымъ грозою, полюбовалась нѣсколькими молніями, и опять сѣла писать. Бронскій сталъ расхаживать у ка-литки. Прошло съ четверть часа.

— Что жъ она румянится, что ли, для меня? Не терпѣлось графу, и онъ опять подошелъ къ окну. На этотъ разъ окошко у Инны было заперто и опущена красная занавѣска; на ней просвѣчивалъ огонь и двѣ тѣни. Сквозь не плотно притворенную раму слышался мужской голосъ.

— Дуэль..., слышалось ему. Затѣмъ шопотъ, вѣтеръ, ничего не слышать.

— Онъ здѣсь, говорилъ мужской голосъ, — онъ ничего не.... Такъ ослѣпленъ....

«Что за чортъ!» подумалъ графъ: «это голосъ Леона. Такъ вотъ кто ей сказалъ обо мнѣ! Вотъ онъ куда ѣздилъ-то по ночамъ! Ну да и она молодецъ! Какова сила характера, ни разу не проговорится! Мастеръ же онъ выбирать людей! На такую можно положиться!»

— Мнѣ жаль его, заговорила Инна:—онъ такъ сильно привязанъ....—Опять шопотъ.

— Можетъ, ты и сама его любишь? раздался мужской голосъ. Дождь забарабанилъ въ стекла и заглушилъ его. Яркая молнія, и рѣзкою дробью прокатился ударъ, отразившись глухимъ гуломъ въ далекѣ.

Хлопнула калитка, Бронскій пошелъ на встрѣчу Юліи, и указалъ ей на бесѣдку. Та проворно пробѣжала тропинку и бросилась въ раскрытыя объятія Бронскаго.

— Ыдемъ, говорилъ онъ, прижимая ее къ груди,—Ыдемъ, собирайся.

— Куда? Чтò съ тобой?

— Туда, туда, гдѣ жизнь, борьба, гроза, шутливо говорилъ онъ, награждая ее каждымъ словомъ поцѣлуемъ,—самая страшная гроза! передъ ней всѣ грозы небесныя ничто!

— Да, полно же, чтò съ тобой?

— Со мной? Полно скрывать! Я тебѣ вѣрю; вѣрю, что я тебѣ дороже всего на свѣтѣ.... не графъ я; это титулъ предковъ, гниль, я его презираю....

Молнія кинула краснымъ свѣтомъ въ лицо Бронскаго и сверкнула въ черныхъ глазахъ.

— Владя! я боюсь тебя.

— Ничего, это гроза.... Я нервень. Слушай, скоро можетъ-быть я стану изгнанникомъ, голова моя будетъ оцѣнена.... Тебѣ вѣдь это все равно? Тебѣ, я все-таки....

— Я не пушу тебя.

— Вотъ-те на! Мы ѣдемъ вмѣстѣ, сейчасъ же. Мой кабріолетъ тамъ....

— Зачѣмъ же ты обманулъ меня? Грѣхъ тебѣ....

— Да, пойми, нельзя же мнѣ оставаться.

Она была такъ поражена, что только проговорила: — Пожалѣй меня !

— Такъ это-то твоя любовь?

Бронскій толкнулъ ее, рванулъ дверь бесѣдки, такъ что она слетѣла съ ржавыхъ петель, и пошелъ.

— Владя, проговорила Юлія со слезами въ голосъ: — это ужасно! Минуту!

— Поди прочь, гербовая любовница!

— Честь моя! крикнула она въ отчаяніи, закрывая лицо руками.

— Ничего, не краснѣйте, въ потемкахъ не видать! презрительно сказалъ Бронскій: — а впередъ урокъ, не ловить жениховъ героическими средствами.

Онъ зашагалъ по саду; она ухватила за его плащъ и бѣжала рядомъ съ нимъ, повторяя слабымъ голосомъ его имя. Добѣжавъ до плетня, онъ сбросилъ плащъ, прыгнулъ черезъ плетень и отвязалъ лошадь.

— Владиславъ, крикнула она, едва держась на ногахъ и протягивая къ нему руки: — ради Бога !

Голосъ ея оборвался рыданіями, она опустилась на колѣна.

Бронскій ударилъ по лошади и уѣхалъ.

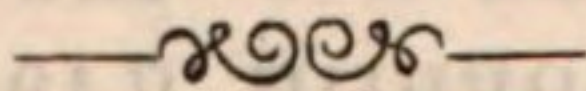
Съ минуту она ничего не понимала, слезы застилали глаза, а она все смотрѣла въ темноту....

«За что же? За что» ныло у ней въ головѣ: «за что онъ меня бросилъ?» Горловая спазма стѣснила ей дыханіе, она опустилась на сырую траву, и громко, истерически хохотала. Испуганная цапля съ пронзительнымъ крикомъ вылетала изъ камышей, галки отзывались въ рощѣ тревожною перекличкой.

Она оглядѣлась: кругомъ темно, куда и страхъ дѣвался? Логика отчаянія овладѣла ею; она вообразила, что Бронскій пошутилъ съ ней, что онъ гдѣ-нибудь притаился въ кустахъ и ждетъ.

— Владя! кричала она; — Владя! Будетъ! Я больше не боюсь!

Мертвая тишина стояла въ воздухѣ; только фосфорическая молнія тренетала въ синей тучѣ...

XVIII.

И Н Н А.

Весь этотъ день Русановъ провелъ въ тревогѣ, ожидая вѣстей отъ Ишимова. Ночь ему не спалось; насилу дождавшись утра, онъ велѣлъ запечь бѣговья дрожки и погналъ къ Горобцамъ; версты казались ему десятками верстъ, сомнѣніе смѣнялось надеждою, являлось недоброе предчувствіе—онъ спѣшилъ себя утѣшить, приписывая его дурно-проведенной ночи; рисовались ему пламенные картины свиданія, и тотчасъ отзывалось пугающее воспоминаніе о странномъ поведеніи Инны наканунѣ. Измученный нравственною пыткой, вѣхалъ онъ на хуторъ.

Тутъ онъ встрѣтилъ Грицька, несшаго съ пруда ведра и суконный плащъ. Русановъ нагнулъ одно ведро, и жадно напившись холодной воды, вошелъ въ комнаты. Все пусто; въ залѣ, въ гостиной никого. Въ дальнихъ комнатахъ слышались какая-то возня, тревожные голоса.

Сердце у него сжалось отъ знакомаго чувства: онъ вспомнилъ, что также пришелъ съ лекціи въ тотъ день, какъ умеръ его отецъ. Машинально отворилъ онъ дверь въ Иннину комнату и прислонился къ притолкѣ, съ мутнымъ взглядомъ. Все въ комнатѣ перерыто, пораскидано, ящики комода выдвинуты. На несмятой постели сидѣла Анна Михайловна въ слезахъ. Юлія видимо старалась бодриться. Авениръ и того не дѣлалъ, онъ былъ убитъ на повалъ.

— Уѣхала, едва выговорилъ онъ, взявъ Русанова за руку.

— Кто уѣхала? спрашивалъ тотъ дрожащимъ голосомъ.

— Иннушка, жаловалась Анна Михайловна, закрываясь платкомъ: — кинула насъ! Богъ ей судья! Прихожу я сегодня сюда, а ея ужъ и слѣдъ простылъ.

— Какъ вы блѣдны! сказала Юлія: — Я вамъ сейчасъ чаю сдѣлаю.

— Да.... я.... графъ.... дуэль.... — Русановъ самъ не понималъ что говорить, и только отдернулъ ногу, почувствовавъ каблучокъ ботинки.

А Грицько хвастался передъ Горпиной находкой, сообщая ей, что ночью вмѣстѣ съ дождемъ падали свитки. Горпина сказала ему дурня и стала доказывать, что еслибы свитки падали съ хуторской тучи, то и были бѣ какъ у людей, а какъ вона паньска, тя ще нѣміцка, то и была занесена издалека вѣтромъ. Спорящіе ско-

ро помирились на томъ, что свитку къ предстоящей свадьбѣ надо передѣлать, и пошли на зовъ Анны Михайловны.

— А, вотъ вы! Сказывайте: куда панночку дѣли? напустилась Анна Михайловна.

— Яку панночку? Ось вона! указывала Горпина на Юлію.

— Не ту, другую....

— Чижъ її нема! схватился Грицько.

— Нема, отвѣчалъ Авениръ.

— Се воно й було, сообщалъ Грицько, глядя на Горпину.

— Чтò жь такое було? Мурло твое поганое! кричала Анна Михайловна.

— Та тилько полягалъ я спаты, ажъ чую, панночка до комоду пошла, и уже гомонить, гомонить, та щось перебирае... Отъ гадаю, що се таке? Отъ такъ бы и побачивъ, що се таке... Та лѣнь встаты...

— Ну?

— Отъ тилько чую... Скрыпъ, скрыпъ, скрыпъ, вже и записала... Що вона робить, гадаю, чомъ їй не спитця? Отъ такъ бы и вскочивъ, такъ бы и побѣжавъ, та побачивъ.

— Дуракъ! крикнулъ Авениръ.

— Ажъ чую, челомкаются: «Прощайте панночка, бувайте здоровы! — Прощай Горпино! прощай моя ясочка.»

— Такъ это ты собирала ее? вскрикнула Анна Михайловна.

— Та брешеть винъ, говорила смущенная Горпина, глядя на Грицька.

— А може и справды пригрезилось; тилько чую.... Тррррр.... Поѣхали. Якъ були бѣ крыля, такъ и полетѣвъ бы, побачивъ, куды, поѣхали.... Та лѣнь встаты; эге, гадаю, воны мни писулечки оставили, може такъ и треба.

— Письма? вскрикнулъ Русановъ. Гдѣ жь они?

— Та я ихъ, якъ снѣдать ходивъ, то у батьки и забувъ...

— Да иди, чортъ! толкнулъ его Авениръ. Послали Грицька, а сами сидятъ, какъ потерянные. Вдругъ Авениръ озадачиваетъ всѣхъ вопросомъ: — А гдѣ жь Инночка?

— Да вѣдь никогда не придутъ вовремя. Какъ чай, какъ обѣдъ, такъ и дѣло... начала было Анна Михайловна. — Тьфу! Никакъ я очумѣла!

Юлія ушла къ себѣ въ комнату. Она не въ силахъ была дольше крѣпиться. Авениръ слонялся изъ угла въ уголъ, наводя на всѣхъ еще пущее уныніе. Онъ подошелъ къ фортепіано и сталъ набирать однимъ пальцемъ Шопеновскую мазурку; но вышло что-то въ родѣ похороннаго марша. Наконецъ явился Грицько, подалъ ему два немилосердо замасленные письма и пояснилъ: — Ось вамъ писулечки.

— Это къ вамъ, сказалъ Авениръ, входя въ залу и отдавая Русанову одно, — а это мнѣ...

Русановъ, срывая печать, чувствовалъ возвращавшіяся силы. Съ первыхъ строкъ онъ снова упалъ духомъ.

«Еслибъ я хотѣла рисоваться, я бы начала такъ: Въ то время, какъ вы будете читать это письмо и т. д.—Форма извѣстная. Будемъ говорить просто: я васъ узнала поздно, вы меня совсѣмъ не знаете. Я пробовала вылъчить васъ, даже безстыдно нагала на себя... Едва вы сказали первое слово любви, едва я поглядела вамъ въ глаза, я узнала одну изъ тѣхъ страстныхъ, упорныхъ привязанностей, которыя часто длятся цѣлую жизнь. Вотъ отчего я позавидовала на минуту той женщинѣ, которая могла бы дать вамъ счастье, вполне васъ достойное. Чѣмъ больше мы съ вами сходились, тѣмъ больше убѣждалась я, что вы превосходный человекъ, и, — да, Владиміръ, мнѣ это очень тяжело писать,—что намъ не понять другъ друга. Пожертвовать собою? Обмануть васъ? Я испугалась самой себя и убѣжала, какъ преступникъ замышлявшій убійство. Да какое еще убійство!—медленнымъ, непримѣтнымъ ядомъ. Я не способна къ тихой, семейной жизни. Меня тяготитъ всякая забота о насущномъ. Это не остановило бы, еслибъ я могла вамъ отвѣтить такою же любовью. Знайте же все: тамъ, въ саду, я готова была уступить вамъ; но послѣ я бросила бы васъ при первой размолвкѣ и можетъ-быть отравила бы вамъ жизнь. А раз-

молвки были бы непременно. Вы первый человек и не изъ нашихъ, и не похожій на другихъ; но все жъ мы идемъ разными дорогами! У васъ много связей со старымъ. Мы воздухоплаватели, говорилъ покойный отецъ мой, шаръ нашъ опустился ночью въ темномъ лѣсу. Мы видимъ, что оставаться тутъ нельзя, а дороги не знаемъ. Вдали брежжетъ огонекъ—это можетъ-быть пастухи въ ночномъ, можетъ-быть избушка лѣсника, а можетъ-быть разбойничій притонъ. Намъ надо идти туда, очертя голову, чтобы не умереть съ голоду и холоду. Кто въ свѣтлой области, протяни намъ руку, а не издѣвайся надъ нищими духомъ. Леонъ везетъ меня туда, гдѣ мнѣ видится слабый проблескъ зари. Прощайте, забудьте меня; вамъ еще возможно это. На первыхъ порахъ утѣштесь тѣмъ, что я связана клятвой и никого не могу любить».

Русановъ поднялъ голову, странная усмѣшка скривила ему губы. Горобцы о чемъ-то перешептывались.

— Кто такой Леонъ? спросилъ Русановъ.

— Вотъ, посмотрите, что жъ это? Съ ума надо сойти! говорила Анна Михайловна, подавая ему записочку. Въ ней было всего нѣсколько строкъ:

«Любезный братъ! Не безпокойся объ участи Инны. Она будетъ счастлива по своему. Распожайся имѣніемъ; она вышлетъ тебѣ полную довѣренность. Левъ Горобецъ.»

— Лошадь! говорилъ Русановъ: — велите мнѣ осѣдлатъ лошадь!

— Куда вы поѣдете. Поглядите вы на себя, говорила Анна Михайловна.

— Время бѣжить, умолялъ Русановъ: — ее надо спасти... Это вѣдь ребячество! это Богъ знаетъ что! Я можетъ-быть застану ее на станціи....

— Да вы на дорогѣ свалитесь, убѣждалъ Авениръ.

— Я совершенно здоровъ, сказалъ Русановъ, и побѣждалъ въ конюшню.

— Что жъ она ему пишетъ? всхлопоталась Анна Михайловна: — отговори ты его, Аничка, нельзя ему ѣхать!..

Они всѣ пошли занимъ.

Русановъ съ Грицькомъ въ четыре руки сѣдлали лучшую лошадь

— Пожалѣйте вы хоть себя-то! взмолилась Анна Михайловна.

— Анна Михайловна, намъ за нее придется отвѣтъ дать, рѣзко сказалъ Русановъ и поскакалъ.

Лошадь почти вытянулась въ струнку, а онъ все колотилъ ей бока каблуками. Одинъ за другимъ оставались позади его хутора, забѣлѣлись колокольни города, у лошади начала брякать селезенка, она поминутно опускала голову на грудь, отфыркиваясь изъ всей силы. Застучали подковы по мостовой: лошадь съ разбѣгу остановилась на дворѣ почтовой станціи.

— Кто у васъ проѣзжалъ! Есть ли кто-нибудь на станціи? спрашивалъ Русановъ, вбѣгая къ смотрителю.

— Никого нѣтъ-съ. Часу во второмъ этакъ ночью, его сіятельство изволили проѣхать...

— Какой сіятельство?

— Графъ Бронскій съ будущими: пожилой господинъ и дама, говорилъ смотритель, молоденькая такая.

— Брюнетка? Высокая? Въ черномъ?

— Точно такъ-съ; вотъ извольте подорожную взглянуть, говорилъ смотритель, открывая книгу.

Подорожная была прописана въ Варшаву.

Долго не могъ придумать майоръ, что бы такое приключилось племяннику. Отъ Ишимова тоже не присылали. Чего добраго, не стрѣляются ли они; да, нѣтъ, они бы увѣдомили его. Проснувшись поутру, первое чѣмъ встрѣтилъ онъ Стеху: «а что Володя поздно пріѣхалъ?» «Не ночували,» отвѣтила та. Майоръ сталъ безпокоится; вотъ пріѣдетъ, вотъ пріѣдетъ, думалъ онъ, откладывая розыски съ часу на часъ; такъ и другая ночь пришла. Онъ плотно поужиналъ, рѣшившись завтра поутру, какъ онъ выражался, сдѣлать рекогносцировку, и заснулъ; въ самомъ сладкомъ снѣ почудился ему стукъ въ дверь. «Какого тамъ лѣшаго носить!» подумалъ онъ, поворачиваясь на другой бокъ; стукъ въ дверь усилился; кукушка, на стѣнныхъ часахъ, крикнула три раза.

— Вишь и спать не даютъ, проговорилъ онъ, зѣвая, и отыскивая разбросанныя туфли накидывая халатъ.

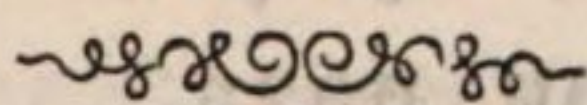
Въ дверь застучали такъ, какъ будто хотѣли разрушить до основанія жилище мирнаго гражданина.

— Иду, иду, говорилъ онъ, подходя къ двери со свѣчой въ рукѣ, отворилъ, и тотчасъ попятился въ испугѣ. Передъ крыльцомъ лежало что-то большое, черное, и страшно храпѣло. Прикрывъ глаза рукою, онъ разглядѣлъ палую лошадь и племянника, блѣднаго, всего въ грязи; онъ трясся всѣмъ тѣломъ и не могъ попасть зубъ на зубъ.

— Вотъ-те оказія! проговорилъ майоръ.

— Воды, дайте воды! хрипло говорилъ Русановъ, опускаясь на диванъ.

Майоръ испугался окончательно и побѣжалъ за водой; а Русановъ, чувствуя нестерпимый жаръ, рвалъ съ себя платье и бросалъ на полъ. Голова у него качалась, будто въ нее налили растопленного свинцу; мысли метались, какъ испуганный птичникъ; онъ тяжело дышалъ и безсмысленно глядѣлъ впередъ; вдругъ, вспомнивъ о письмѣ, отыскалъ его въ сюртукѣ: буквы скакали въ какой-то чертовской сарабандѣ, онъ попалъ глазами въ конецъ письма... «Ложь,» крикнулъ онъ, «отвратительная ложь!»

Kljušnikov, Viktor Petrovič,

Marevo Roman v 4 častjach

Bd.: 1

Moskva 1865

P.o.russ. 77 g-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610126-1